

A5
P19

А.И. РАКИТОВ

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ПОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

А.И. РАКИТОВ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Системно-гносеологический подход

Москва
Издательство
политической литературы
1982

Ракитов А. И.

P19 Историческое познание: Системно-гносеологический подход.— М.: Политиздат, 1982.— 303 с.

В книге доктора философских наук, профессора А. И. Ракитова анализируются такие важные для исторического исследования понятия, как исторический факт, историческая истина, законы истории; рассматриваются структура и содержание исторического времени, особенности исторического объяснения и предсказания, взаимоотношения исторического и естественнонаучного познания. Автор высказывает свое мнение по ряду дискуссионных вопросов.

Книга рассчитана на преподавателей, научных работников, всех интересующихся актуальными философскими проблемами исторической науки.

Р $\frac{0302020100-029}{079(02)-82}$ 149—82

15.13

1М

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Для того чтобы уметь хорошо программировать на современных компьютерах, выращивать кукурузу, строить реактивные самолеты и комфортабельные дома, вряд ли необходимо знать историю Древнего Египта, причины крушения Циньской империи или стратегию Наполеона в сражении при Арколе. Однако уже политическим деятелям, педагогам, писателям, художникам, полководцам и деятелям культуры знание исторического прошлого часто становится практически необходимым. Журналисты, парламентарии, юристы, кинорежиссеры и романисты то и дело обращаются к фактам далекого прошлого, отыскивая в них подтверждение своих идей или аргументы для возражения противникам. Тот же, кто занимается политической работой профессионально, для кого государственная и партийная деятельность определяет круг повседневных забот и интересов, ощущает связь с историей постоянно, а достоверная информация о прошлом в глазах политического деятеля столь же важна, как достоверная информация о текущих событиях. Подчиняясь законам социального развития, современность превращается в прошлое, а прошлое властно вторгается в пределы современности. Вот почему для государственных и политических деятелей знание истории составляет непрменный элемент государственной мудрости и политической проницательности. Но в переломные эпохи, в периоды социальных потрясений и революций интерес к прошлому и стремление найти в нем объяснение настоящему и основания для предвидения будущего становятся всеобщими, охватывая руководителей предприятий и простых рабочих, литераторов и инженеров, педагогов и юристов.

Как и почему возникает исторический интерес? Зачем необходимо знать прошлое сегодня, в эпоху НТР? Мо-

жем ли мы вообще получить достоверное научное знание о том, что давно исчезло, и если можем, то в чем его сходство и отличие от знания физического и математического? На эти и другие вопросы я попытался ответить в данной книге. Она завершает ряд предшествующих исследований, изложенных в книгах «Анатомия научного знания» (1969), «Принципы научного мышления» (1975), «Философские проблемы науки» (1977) и других.

В книге обсуждаются генезис исторического интереса и структура исторического познания. В ней рассматриваются возможность достижения исторической истины и связи ее с идеологией, мировоззрением и научной методологией. Одним из самых спорных моментов методологии исторического исследования является учение об историческом факте. Поэтому я уделил много внимания анализу взглядов тех, кто писал на эту тему, и попытался изложить свою собственную концепцию. Надеюсь, что она будет интересной и полезной как профессиональным историкам, так и всем тем, кто по той или иной причине интересуется историческим познанием. Довольно подробно в книге обсуждается вопрос об историческом времени и пространстве, а также о сходстве и различии естественных и исторических наук и о самой возможности исторической теории.

В книге не отгадываются загадки сфинкса истории и не изрекаются пророчества относительно грядущего. Я стараюсь сообщить читателю аргументы «за» и «против», обсуждая каждый вопрос, и делюсь с ним как сомнениями, так и догадками. Цель этого исследования не в том, чтобы создать иллюзию окончательного решения, но в том, чтобы привлечь к обсуждению как можно больше людей, в том, чтобы заставить их задуматься над важностью исторического познания для нашей культуры, нашей цивилизации, нашей повседневной деятельности и для углубленного понимания себя и других людей.

Намечая важнейшие перспективы развития нашего общества и подчеркивая важную роль, которую играют в этом развитии естественные и общественные науки, XXVI съезд КПСС потребовал от советских обществоведов активного участия в разработке новых актуальных проблем. В Отчетном докладе ЦК КПСС содержался упрек в адрес философов, которые доказывают то, что уже давно доказано. Поэтому в этой книге я стремился сосредоточить внимание на спорных, не до конца решенных и потому дискуссионных проблемах. Общая

методология диалектического материализма, в рамках которой ведется их обсуждение, не дает, разумеется, простого и автоматического решения в каждом спорном случае. Она требует творческого подхода, принципиального, партийного, всестороннего обсуждения. Поэтому я буду считать, что мои усилия не пропали даром, если эта книга будет содействовать привлечению интереса к затронутым в ней проблемам и дальнейшему углубленному их обсуждению.

Рукопись этой книги была прочитана рядом советских специалистов, историков и философов, сделавших немало критических замечаний и давших мне много ценных советов. Всем им я выражаю свою искреннюю признательность и благодарность.

А. И. РАКИТОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Историческое познание: что это такое и зачем оно необходимо

Рассказать о том, что такое физика, химия, биология или юриспруденция и зачем они нужны, относительно просто. Первые три — науки о природе. Они необходимы для развития техники, сельского хозяйства и медицины, от них зависят благосостояние и здоровье человека. Юриспруденция необходима для знания и разработки законов и юридических процедур. Она содействует правовому регулированию различных отношений и споров между отдельными лицами и учреждениями и т. д. Коротче говоря, эти и многие другие науки полезны, ибо помогают решать жизненно важные практические проблемы.

Ответить на вопросы, что такое историческое познание и зачем оно необходимо, намного сложнее. Указать, что оно дает нам сведения о прошлом человечества, значит подменить одни вопросы другими: зачем необходимо знание этого прошлого, может ли оно принести пользу современному человеку? Разрешить эти вопросы не просто. Одной из причин их сложности является многозначность понятия «полезность». Перед современным человечеством стоит много трудных проблем: обеспечение мира, устранение социального неравенства, поиски новых источников энергии, охрана окружающей среды, борьба с тяжелыми болезнями, преодоление хронического недоедания и нищеты во многих районах мира. Общество не может тратить силы и средства на бесполезные и ненужные знания. Оно не вправе предоставлять университетские кафедры и типографские станки для распространения исторических знаний, финансировать археологические экспедиции и исторические конгрессы, если знания о прошлом бесполезны, если они не помогают решать настоящие проблемы современности.

Вопрос о «полезности» знаний или материальных пред-

метов заставляет задуматься над значением и смыслом этого понятия. Как и многие другие понятия естественного языка, перешедшие затем в науку и философию, оно не однозначно. Его исходное основное значение состоит в выделении явлений и предметов — духовных и материальных, — способных удовлетворять те или иные потребности человека. Полезными в этом значении могут быть предметы, как находимые человеком в самой природе, так и создаваемые в процессе материального производства или духовной деятельности. Помимо основных биологических потребностей, связанных с поддержанием жизни и продолжением рода, в процессе общественного развития возникают различные социальные и культурные потребности, в том числе эстетические, этические, религиозные и чисто интеллектуальные. Эти потребности часто носят особую социальную и этническую окраску. Многие из них ограничены местом и временем и имеют исключительно классовый и социально-групповой характер. Поэтому предметы, обнаруженные в природе, созданные в процессе материального производства или духовной деятельности и предназначенные для удовлетворения человеческих потребностей, могут приобретать или утрачивать полезность в различные исторические эпохи, казаться полезными или бесполезными представителям различных классовых групп, этнических и культурных общностей, политических организаций и религиозных общин. Таким образом, значение понятия «полезность» фиксирует комплекс явлений, служащих для удовлетворения данной потребности. Что же касается смысла этого понятия, то он выражает отношение социальных групп и индивидов к соответствующим потребностям, принимаемым или отвергаемым ими, а следовательно, и к оценке данных феноменов в качестве полезных или бесполезных.

Вернемся к историческому познанию. Его полезность не раз подвергалась сомнению и даже полностью отрицалась. Вместе с тем многие выдающиеся мыслители с древности и до наших дней не только сами уделяли много внимания познанию прошлого, но и горячо отстаивали полезность, важность и необходимость его изучения.

В середине прошлого века К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории»¹. Для того времени, когда еще господст-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, с. 19.

вовало механистическое естествознание, а большинство исторических трактатов представляло собой собрание анекдотов и правоучительных рассказов о героях, полководцах и великих людях, когда сама научность исторического познания казалась весьма проблематичной и сомнительной, эти слова были не только смелым вызовом эпохе, но и пророческим предчувствием будущего. Теперь, когда идея развития и принцип историзма проникли во все естествознание, они кажутся сами собой разумеющимися.

Тот факт, что марксизм является наиболее распространенной и влиятельной социальной философией современности, признают даже его критики¹. Это влияние, по мнению американского марксолога Р. Такера, объясняется тем, что марксизм представляет собой учение о революции, о социальном переустройстве общества в глобальном масштабе, и поэтому он наиболее созвучен проблемам, перед которыми стоит современный человек. «...Революция для Маркса, — пишет Р. Такер, — является исторической категорией. Вся его теория революции помещена в рамки материалистической концепции истории. Его теория общества — это теория общества в истории, а теория революции — теория трансформации общества в истории, теория самой истории как процесса революционной эволюции человека»². Хотя Р. Такер далек от подлинного марксизма, тем не менее он вынужден признать характерную для концепции К. Маркса связь историзма и революционности.

«Полезность» исторического познания, теоретического осмысления истории проявляется в марксистской теории в удовлетворении определенной социальной потребности, а именно в обосновании объективной и закономерной неизбежности социалистической революции. Однако это еще не решение вопроса в целом. Историческое прошлое изучали задолго до возникновения марксизма. Его и сейчас изучают с самых различных классовых, политических, культурных, философских и религиозных позиций. Им интересуются не только сторонники, но и противники революционного преобразования мира, не только защитники и приверженцы, но и непримиримые критики марксизма. Поэтому по-прежнему остается в силе вопрос, каким устойчивым социальным потребностям,

¹ *Masset P.* Le marxisme dans la conscience moderne. P., 1974.

² *Tucker R.* The Marxian revolutionary idea. L., 1970, p. 6.

актуальным для различных исторических эпох и социальных структур, удовлетворяет историческое познание.

Представляется, что в самом общем виде на него можно ответить следующим образом. Первая по времени и непреходящая функция исторического познания заключается, по-видимому, в выработке социального самосознания различных общностей людей. Часто говорят, что историческое познание играет в обществе ту же роль, какую в деятельности индивида играет память. Человек, утративший память (а это случается при некоторых заболеваниях), лишается личностного самосознания, распадается его личность, он перестает отождествлять себя с самим собой. Память хранит большой объем полезной информации о случившихся событиях (в том числе о могущих иметь серьезные последствия в будущем), о знакомых людях, о правилах и нормах бытовой, производственной, общественной, политической деятельности. Благодаря памяти человек в состоянии хранить и передавать сведения обо всем увиденном и услышанном. Отсутствие или потеря памяти ведут к невозможности осуществления любой социально и индивидуально значимой деятельности. В каком-то смысле индивидуальная память может служить аналогом исторического сознания.

Социальная потребность, удовлетворению которой служит историческое познание,— это создание необходимых условий для культурного, социально-этнического самоопределения народа, для осознания им себя как особой этнической общности, отличной от других, как особой целостности. Однако в отличие от индивидуальной памяти историческое сознание существует не как функция индивидуального ума, не как продукт личного жизненного опыта, но как общезначимое знание, доступное и понятное всем членам данной общности. Оно обеспечивает связь поколений, их преемственность, создает условия для общения, взаимопонимания и определенных форм сотрудничества людей в различных сферах социальной деятельности. Историческое познание и историческое сознание тесно связаны генетически и по содержанию, но не совпадают полностью. Поэтому первый вывод из сказанного состоит в необходимости тщательного изучения их связи, взаимодействия и того, каким образом они удовлетворяют *потребности формирования социального самосознания*. Обсуждение этой проблемы должно стать исходным для последующего исследования природы исторического познания. Но уже теперь можно

сказать, что мы затронули одно из проявлений его «полезности».

С историческим познанием связана также и функция удовлетворения потребности в *социальном воспитании*. Социально-историческая «память» человечества, выступающая как знание о прошлом, дает множество образцов социально значимого поведения. Поступки исторических персонажей, различные исторические ситуации, типы разрешения определенных конфликтов, ведущие к укреплению данного общественного строя, данной этнической общности, социальной группы или организации, со временем становясь эталонами, дают обоснование нормам предпочтительного, санкционированного обществом поведения. Уже историки древности отчетливо сознавали это назначение исторического повествования. Сохранить деяния отцов и дедов для потомства как источник подражания или предмет для размышления и извлечения исторического опыта являлось осознанной целью подавляющего большинства авторов исторических трудов и в средние века, и в новое время. Так как различные классы и группы в различные исторические эпохи одобряют и порицают различные нормы и эталоны, то в исторических сочинениях, отражающих прошлое с позиций своей эпохи, преобладают то одни, то другие краски и то одни, то другие герои выходят на авансцену или прячутся за занавесом. Прожектор исторического познания выхватывает одни ситуации и оставляет во мраке другие. Данное обстоятельство вплотную подводит нас к следующей функции исторического познания.

Она относится к удовлетворению потребности, возникающей по мере *развития политической деятельности и самой политики* как сферы взаимоотношений и борьбы классов и социальных групп. Политика тесно связана с правом, с государственно-правовым регулированием различных внутренних и внешних конфликтов. Такое регулирование часто нуждается в особой аргументации, опирающейся на исторические сведения. Те или иные государства, императоры, короли, правители какой-либо области, отстаивая свои претензии на территорию чужого государства или защищая собственные владения от враждебных посягательств, обращались, как правило, к исторической аргументации, подтверждавшей их собственные права на данную территорию и отрицавшей аналогичные права конкурента. Средневековые города в борьбе с феодалами оперировали документами, в неза-

памятные времена даровавшими им вольность. В тени генеалогических деревьев вызревали претензии на престолы и заключались военные союзы. Обращение к прошлому в поисках исторического прецедента давно является обычным актом политической и юридической практики.

Еще важнее стремление политических руководителей, партий и организаций извлечь определенный опыт из прошлого. Гегель, правда, сомневался в его полезности, утверждая, что история ничему не учит («народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее»¹), ибо государственным людям приходится принимать решения в ситуациях, редко повторяющих историческое прошлое. Это мнение решительно оспаривалось многими историками. Так, В. О. Ключевский писал: «*История*, говорят не учившиеся истории, а только философствовавшие о ней и потому ею пренебрегающие — Гегель, никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их *проучивает* за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ее, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней. Она пока учит не тому, как жить по ней, а как учиться у нее, она пока только сечет своих непонятливых или ленивых учеников, как желудок наказывает жадных или неосторожных гастрономов, не сообщая им правил здорового питания, а только давая им чувствовать ошибки их в физиологии и увлечения их аппетита. История — что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее *благодаяние*»².

Ни слова Гегеля, ни слова Ключевского сами по себе не содержат оснований для того, чтобы отдать предпочтение той или иной точке зрения; зато политическая практика позволяет достаточно точно оценить каждую из них. В. И. Ленин, который был, как известно, не только выдающимся политическим стратегом и тактиком, но и большим знатоком истории, неоднократно ссыался на

¹ Гегель. Соч. М.—Л., 1935, т. 8, с. 7—8.

² Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 265—266.

исторический опыт и широко использовал его в своей политической практике. Разумеется, социалистическая революция в России 1917 года не была и не могла быть повторением событий прошлого, но для использования исторического опыта необходимо не полное совпадение политических ситуаций, а определенное сходство, наличие некоторых общих глубинных закономерностей. Понимание этого подводит нас к еще одной функции исторического познания.

Одной из устойчивых «сквозных» потребностей, обнаруживаемых во всех известных нам человеческих обществах, является потребность *предвидения* и *предсказания будущего*. Она порождается спецификой предметно-практической деятельности, связанной с планированием и проектированием как проявлениями целеполагания. В способности планировать свои действия К. Маркс видел отличительную черту человека. Так как любые планы и проекты относятся к тому, чего еще нет, что подлежит созданию, их оценка и реализация требуют более или менее четкого представления о будущем. Они оказывают влияние и на настоящее, определяя выбор решений и соответствующих им актов поведения. Естественно, что вопрос о том, каковы основания предвидения будущего, существуют ли такие основания и заслуживают ли они доверия, всегда волновал человека.

По мере того как человечество разочаровывалось в религиозно-мифологических способах предвидения и переставало доверять оракулам и пророкам, оно с большой настойчивостью стремилось найти объективные основания для удовлетворения этой важной социальной потребности. В процессе накопления исторических знаний и обнаружения относительного сходства и повторяемости исторических событий и ситуаций многие мыслители начали рассматривать историческое познание как единственное основание для предвидения будущего. Известный французский историк Л. Февр сформулировал эту позицию в словах: «История — это наука о прошлом и наука о будущем»¹. Вряд ли данная формулировка абсолютно бесспорна, но она безусловно выражает широко распространенную точку зрения.

Для того чтобы знание прошлого могло служить основанием для предвидения будущего, необходимо рас-

¹ Цит. по: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность.— Философия и методология истории. М., 1977, с. 134.

полагать особыми познавательными структурами, т. е. специальным логическим механизмом, гарантирующим правильность переноса информации о прошлом, которого уже нет, на будущее, которого еще нет. Сама эта процедура должна получить определенное обоснование. Таким основанием могут служить лишь объективные, отвечающие всем требованиям научности законы общественного развития, действие которых идентично как в прошлом, так и в будущем. Эти законы — в зависимости от того, что именно мы собираемся предвидеть в будущем на основании прошлого, — должны охватывать «бóльшие или меньшие» социальные структуры, действовать в глобальном или региональном масштабе, относиться ко всей «интегральной» человеческой деятельности или к отдельным ее разновидностям. Нечего и говорить, что историческое познание оказывается в высшей степени полезным, если такая концепция законов общественного развития уже выработана, а их применение подтверждено практикой и приводит к определенным результатам. Вопрос о природе, сфере действия и логической сущности законов исторического развития становится в силу этого одной из центральных проблем исторического познания, а суждение о его полезности оказывается зависящим от разрешения данного вопроса.

2. Историческое познание в контексте XX века

Обсуждение «вечных», «сквозных» функций исторического познания освещает одну сторону проблемы, оставляя в тени другую. Доказать, что какая-то вещь была нужна и полезна прежде, не значит доказать, что она остается такой и сейчас. Пирамиды были нужны фараону, сейчас они музейный экспонат, реликвия, исторический памятник. Каменный топор, деревянная прялка, средневековые диспуты и рыцарские доспехи были когда-то нужны, были кому-то полезны и, может быть, еще нужны историкам как объект исследования и размышления, но утратили всякое практическое значение для современного человека. Может ли само историческое познание доказать свое право на существование, на законное место в системе наук, образования и общественной жизни в последней четверти XX века — века атомной энергии, компьютеров и великих социальных преобразований?

Три основных фактора современности приобретают особое значение и важность для обсуждения вопроса о

значении исторического познания. Первым из них является фактор *всемирности (глобальности)*, выражающейся в тесной связи, взаимозависимости компонентов и элементов целого. Экономический кризис или спад, охватывающий одни страны, немедленно сказывается на экономике ряда других стран. Забастовка докеров в одной стране нередко приостанавливает доставку товаров в другие. Революции, политические перевороты, военные столкновения, происходящие в одном районе земли, вызывают положительную или отрицательную реакцию во всех других. Благодаря современным средствам связи и транспорта мир стал не просто «тесным», но тесно связанным. Вследствие этого экономическое и политическое сотрудничество, обмен достижениями культуры и науки и непосредственные контакты людей требуют новых форм и нового понимания, учитывающего взаимосвязь и взаимозависимость этих процессов.

Философская и историческая мысль давно отметила, точнее — предугадала, наступление такого этапа в историческом движении человечества. Действительно, человечество не всегда представляло собой связное целое; всемирность — это историческое явление. Античные историки противопоставляли греческий, а позднее римский мир всему остальному миру как варварскому. Христианские авторы, преодолев этнополитическую ограниченность античности, заменили ее другой ограниченностью, религиозной. Поскольку история понималась ими как осуществление божественного замысла и реализация особого сверхчеловеческого проекта, они включали в нее все христианские народы, оставляя вне исторического рассмотрения остальное человечество.

Возрождение и особенно буржуазное Просвещение подготовили новое понимание всемирно-исторического процесса. Доминирующим оказался гуманистический аспект. Последовательное развитие культуры и социально-политических институтов, отмеченное Кантом и особенно Гердером, стало рассматриваться как основное содержание всемирно-исторического процесса. Вершиной этого направления явилась философия истории Гегеля. Однако она страдала неизлечимыми пороками. Основой всемирно-исторической связи оказывался абсолютный дух, реализовавший себя в последовательной смене культур, в духе народов. Последовательно меняя «место жительства», он через Китай, Индию, страны Древнего Востока, Грецию и Рим продвигался в Европу и, закончив свое ис-

торическое развитие, обосновался в духе германского народа, в прусском государстве. Во имя стройности схемы Россия и Америка, Африка и современный Восток не были включены в рамки истории. Вне сферы исторического, а следовательно, и всемирного процесса остались экономика и глубинные социальные механизмы. «Всемирность» оказалась весьма ограниченной, куцей, а ее теоретическое изображение — непригодным для объяснения той действительно глобальной всемирности, которой характеризуется наше время.

Впервые научное объяснение феномена всемирности было предложено социальной философией марксизма. Основой этого процесса, как показал К. Маркс, является экономическое развитие, вызванное становлением и формированием промышленного капитализма. Развитие производительных сил общества приводит к созданию всемирного рынка товаров, сырья и рабочей силы. В эпоху империализма, отмечал В. И. Ленин, этот процесс порождает острейшие социальные противоречия, борьбу за передел мира, за расширение сфер влияния, что подготавливает условия для революционной трансформации всемирности капиталистической во всемирность нового типа — коммунистическую.

Сталкиваясь друг с другом, втягиваясь как в конфронтацию, так и в сотрудничество, народы и государства оказываются перед необходимостью понять друг друга, овладеть языками общения, разобраться в тех или иных взглядах, традициях, ценностях. Сделать это, не зная истории таких явлений, невозможно. Не поняв корней и источников взаимных симпатий и антипатий народов, коренящихся в прошлом опасений и намерений, невозможно объяснить, а следовательно, и рационально перестроить настоящее. Знаменитые слова Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹ — не следует понимать как отказ от объяснения мира. Основоположники марксизма лучше, чем кто бы то ни был другой, сознавали, что стремление переустроить мир, не опирающееся на его глубокое научное понимание и объяснение, либо останется утопией, либо приведет к катастрофическим последствиям. Поэтому подлинный смысл приведенных слов К. Маркса заключается в утверждении, что одного объяснения для изменения мира недостаточно. Эта

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 266.

идея и послужила задаче создания материалистического понимания истории, вследствие чего оно приобрело всемирно-историческое значение как первая научная теория исторического познания. «Всемирно-историческое значение философии истории Маркса,—отмечал В. Ф. Асмус,—состоит прежде всего в том, что она впервые радикально разрешает проблему исторического познания, подчиняя это познание, как и познание естественнаучное, верховной *практической* задаче — революционному овладению миром социально-исторической действительности, его *революционной* перестройке»¹.

В XX веке *революционное преобразование мира на социалистических началах* стало действительностью. «Двадцатый век принес с собой больше перемен, чем любое предшествовавшее ему столетие»²,—отмечалось на XXVI съезде КПСС. Человечество раскололось на противоположные социальные системы.

Как известно, социальные революции не являются изобретением нашего времени. Возникновение каждой новой общественно-экономической формации представляет собой более или менее растянутый во времени революционный процесс. Действительно новым является глобальный размах революционных преобразований, резкое сужение сферы влияния капитализма и расширение сферы влияния социализма. Переход от капитализма к социализму стал содержанием эпохи и реализуется в десятках стран в относительно сжатом временном интервале. Ни по размаху, ни по содержанию этот процесс не имеет точных аналогов в прошлом. Поэтому вполне оправдан вопрос, может ли изучение прошлого облегчить понимание настоящего, дает ли познание истории какие-либо преимущества тем, кто заинтересован в расширении и углублении мирового революционного процесса, или тем, кто этому сопротивляется. Наличие новых технических средств ведения войны и пропаганды, опасность термоядерной катастрофы, дестабилизация буржуазного общества, порождаемая революционными преобразованиями, и вызываемые ею экономические, политические, социальные, культурные и психологические потрясения делают и этот вопрос весьма актуальным.

Мировой революционный процесс как важнейший фактор современности заставляет по-новому взглянуть и

¹ Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм.— Избранные философские труды. М., 1971, т. 2, с. 291—292.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 79.

на историю. В центре внимания историка оказываются периоды радикальных общественных преобразований, процессы, их подготавливающие и в свою очередь обусловленные ими. В различных странах и в различные эпохи такие преобразования отличаются по содержанию и по форме и зависят от предшествующей истории, от этнических и социально-культурных особенностей народа, уровня экономического развития страны, предрассудков, обусловленной прошлым психологии людей и т. д. Прошлое может не только содействовать, но и препятствовать наступлению нового. Одна и та же промышленная технология по-разному «проявляет себя» в различных странах; одни и те же политические лозунги наполняются разным смыслом и по-разному реализуются в зависимости от конкретной ситуации и исторического прошлого того или иного народа. Прошлое и настоящее оказываются, таким образом, тесно связанными.

Говорят, что каждое поколение заново переписывает историю, опрокидывая в нее свои представления, страсти, ожидания, свои социальные симпатии и антипатии. В этом часто видят доказательство бесполезности исторического познания. В действительности дело обстоит как раз наоборот. То обстоятельство, что прошлое позволяет моделировать на себе сложнейшие, диалектически противоречивые ситуации современности, как раз и свидетельствует о важности его объективного научного познания. Не понимая исторических корней современности, невозможно правильно оценить и глубоко понять характер происходящих в ней революционных преобразований.

Это вплотную подводит нас к еще одному фактору, влияющему на статус исторического познания в культуре и науке XX века. Его обычно называют *научно-техническим прогрессом* или *научно-технической революцией*. Если не увлекаться тонкими терминологическими различиями, то эти понятия в наши дни можно считать эквивалентными. О научно-техническом прогрессе XX века написаны горы литературы. Поэтому можно ограничиться лишь несколькими замечаниями.

И раньше в истории общества происходили крупные сдвиги и перевороты в сфере производительных сил, связанные с изменениями техники и технологии. В отличие от научно-технической революции, начавшейся в середине XX века, это были относительно медленные процессы: новая техника и технология реформировали производство и вызвали изменения в экономической струк-

туре, общественном и политическом строе и идеологии общества за период, исчислявшийся десятками, а иногда и сотнями лет. Даже промышленная революция, происшедшая на заре капитализма благодаря внедрению в производство пара и машин, продолжалась несколько десятилетий. Она потрясла умы современников и казалась чрезвычайно стремительным социальным феноменом, хотя ее начало и конец выпали на долю разных поколений.

В наше время радикальные изменения в технике и технологии совершаются неоднократно в течение жизни одного поколения. Источником и одной из исходных причин такого стремительного изменения в сфере производительных сил является опережающее развитие науки, и прежде всего математики, естествознания, а также всего комплекса инженерно-технических знаний.

Интеллектуализация техники и технологии создает совершенно новые ситуации в общественном развитии, не имеющие прецедента в истории. Может ли в этом случае историческое познание претендовать на какое-то место в структуре современной науки? В состоянии ли оно подтвердить свою нужность и полезность обществу? К сожалению, рассуждения на эту тему в специальных работах, посвященных проблемам исторического познания, зачастую сводятся к утверждениям, что «сколько-нибудь заметной дегуманизации человеческих интересов пока не прослеживается» и что «окончательный ответ на вопрос, происходит ли в эпоху научно-технической революции девальвация и спад интересов к прошлому, смогут дать, очевидно, лишь наши потомки»¹.

Но социальная философия марксизма вполне позволяет нам уже сегодня снять тяжкое бремя с потомства и заняться поисками ответа. Теоретическую основу современной научно-технической революции создают математические, естественные и инженерные науки. Однако существует сфера, которая преимущественно опирается на информацию, вырабатываемую общественными науками: экономическими, психологическими, а также, без сомнения, историческими. Это сфера научного управления обществом. Научно-технический прогресс, развивающийся стихийно, обнаруживает не только созидательные, но и разрушительные моменты. Энергетиче-

¹ Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 154.

ский кризис, истощение сырьевых источников, разрушение природной среды, тяжелые последствия урбанизации, неравномерное развитие различных регионов и областей мира — вот далеко не полный перечень неконтролируемых последствий НТР. Разумеется, ответственность за них целиком падает на капиталистический вариант научно-технического прогресса, но и в условиях социализма отрицательные последствия этого прогресса могут быть устранены или уменьшены лишь на основе научного управления обществом и производством. Ни у кого не вызывает сомнений, что экономические, социологические и психологические знания образуют его важнейшие теоретические предпосылки. Однако нужны ли для осуществления научного управления современным и особенно развитым социалистическим обществом также и исторические знания?

Было бы, разумеется, наивно представлять процесс принятия серьезных решений таким образом, что в момент, когда следует заключить важное международное соглашение, утвердить или отвергнуть проект экономической реформы, решить вопрос о финансировании какой-либо отрасли производства, ответственные руководители хватают учебники античной истории или требуют справку о том, что в подобных случаях делали Наполеон, Петр I или Авраам Линкольн. Достаточно вспомнить, какого типа исторические знания были использованы К. Марксом и Ф. Энгельсом при разработке теории научного коммунизма или какие исследования по истории капитализма в России понадобились В. И. Ленину для обоснования политической стратегии Коммунистической партии, чтобы понять, какого именно рода историческая информация необходима в сфере руководства обществом.

Историческое познание в своем развитии претерпело радикальные, пожалуй, даже революционные преобразования. Первое из таких преобразований, начавшееся, по-видимому, еще в XVII веке, связано с принципиальными изменениями в методике и технике исследования исторических источников и порождено их критическим анализом. Оно сопровождалось попытками обнаружить закономерности в развитии общества. Второе, более глубокое преобразование было вызвано к жизни материалистическим пониманием истории и привело к созданию научного понимания прошлого. Можно предположить, что потребности научного управления обществом приведут к но-

вым радикальным изменениям в структуре, содержании и концептуальном аппарате исторического познания.

Ответить на вопросы, почему Англия, бывшая в течение столетий лидером капиталистического мира, уступила пальму первенства США и Японии, почему отсталая в социально-экономическом отношении Россия сумела превратиться в развитое социалистическое общество, нельзя без знания истории. Точно так же нельзя без этого понять культуру, психологию, социальные и экономические ожидания народов, а следовательно, невозможно выработать научно обоснованные решения, отвечающие их объективным потребностям. Без таких решений современная научно-техническая революция могла бы стать пагубным, разрушительным процессом. Вот почему в этих условиях исторические знания в той или иной степени, в скрытом или явном виде присутствуют и должны присутствовать во всех ответственных решениях глобального, регионального и государственного масштаба. Не альковные тайны королей, не анекдоты из жизни полководцев, но глубокое понимание закономерностей исторического развития необходимо для выработки и принятия правильных социально значимых решений.

Наконец, важный вопрос связан с ростом общей культуры населения. Научно-техническая революция меняет структуру и культурный уровень общества. Развитие научного и технического образования не означает автоматической дегуманизации знаний. Когда общество, и прежде всего социалистическое, достигает определенной степени развития, интерес к познанию становится существенной потребностью духовно-культурного развития. Историческое познание является одним из средств удовлетворения такой потребности, и этим в известной степени также определяются его общественная полезность и право на существование.

Правильное понимание функций и значения исторического познания в современном обществе, его места в культурном контексте XX века не может быть достигнуто путем отвлеченных рассуждений, а является результатом тщательных и серьезных научных исследований. Такие исследования имеют два диалектически взаимосвязанных подхода, два плана: внешний (экстерналистский) и внутренний (интерналистский). Первый из них охватывает историю исторического познания, а также механизмы его социальной детерминации, т. е. круг вопросов, входящих в компетенцию социологии исторического

познания. Этот подход учитывает, как развивается историческое познание в различные эпохи, какие социальные и классовые задачи перед ним ставятся, каким социальным силам оно служит, как влияют на него общественно-экономические, этнические и культурные механизмы. Второй подход связан с изучением внутренней структуры исторического познания, его специфически познавательного отношения к объективной действительности, включая способы его построения, черты сходства и отличия от других форм познания. Этот подход, осуществляемый в рамках и средствами теории познания, а в данном случае — теории познания диалектического материализма, и является основной темой книги.

3. Историческая эпистемология как теория исторического познания

Теория познания диалектического материализма исследует генезис развития, внутреннюю дифференциацию и функционирование человеческого знания в целом. Такой подход требует как анализа психофизиологических основ мышления, так и всестороннего изучения реализующих его знаковых систем, т. е. языка. Теория познания рассматривает возникновение познания на элементарном уровне в форме ощущений, восприятий, представлений и процесс конструирования более сложных его форм: суждений, умозаключений и т. д. В ее компетенцию входит рассмотрение эмоциональных и рациональных моментов, логических и эмпирических характеристик знания.

В советской философской литературе в качестве синонима термина «теория познания» по установившейся традиции широко используется термин «гносеология». Гносеология охватывает все формы познания, все познавательные структуры, присутствующие в обыденном знании, в художественном, философском, политическом и научном познании. Поскольку научное познание занимает в современном обществе особое место, изучение его представляет первостепенную важность. Поэтому целесообразно выделить тот раздел теории познания, который занимается исключительно или преимущественно научным познанием, в специальную дисциплину или «главу» гносеологии диалектического материализма и воспользоваться для ее обозначения термином «эпистемология». В зарубежной, преимущественно англоязычной, литературе термин «эпистемология» обычно используется как

эквивалент термина «гносеология». Поэтому простое терминологическое удвоение было бы совершенно неоправданным. Однако с учетом сказанного применение термина «эпистемология» является вполне целесообразным для обозначения совокупности проблем и решений, касающихся исключительно исследования научного познания.

Общие курсы, посвященные гносеологии диалектического материализма, обычно концентрируют внимание на характеристиках, присущих всякому познанию. Познавательные ситуации и проблемы, специфичные исключительно для научного познания, занимают в общих работах по теории познания, как правило, подчиненное место. К тому же разные науки выдвигают свои собственные познавательные проблемы, требующие особого теоретико-познавательного анализа. Это целиком относится к историческому познанию, обладающему рядом черт, которые мы не находим в математическом, биологическом, физическом, химическом или психологическом познании. Процессы дифференциации и интеграции наук зашли так далеко и привели к таким специфическим результатам и исследовательским методам, что их философский и гносеологический анализ уже не укладывается в общий концептуальный аппарат и требует специализации внутри самой гносеологии. Поэтому целесообразно ввести понятие «историческая эпистемология» для обозначения всего круга проблем, связанных с изучением специфики исторического познания вообще и исторической науки как его высшей стадии в особенности. Конечно, можно было бы пользоваться и более пространным выражением «теория исторического познания»¹. Однако термин «историческая эпистемология» и производные от него эпитеты обладают стилистическими преимуществами.

В последнее время большинство исследований, посвященных анализу структуры научного знания, происхождению и концептуальному аппарату научных знаний, принято называть методологическими. Понятие методологии стало сейчас настолько употребительным и модным, что почти лишилось всякой определенности и в большинстве случаев просто сливается с понятием философии. Поэтому здесь необходимы некоторые уточнения, с одной стороны, для того, чтобы разграничить методологию историческо-

¹ Академик Р. Ю. Виппер полагал, что этот термин впервые введен в исторический обиход им, хотя отмечал, что проблематика теории исторического знания обсуждалась задолго до появления его «Очерков теории исторического познания» (М., 1911, с. 1).

го исследования и историческую эпистемологию, а с другой — чтобы придать большую четкость и определенность их реальным взаимоотношениям.

Следует различать методологию в широком и в узком смысле слова. В первом из этих значений методология обозначает совокупность общих установок и философских принципов, определяющих направление и конечные цели данного вида деятельности; в частности, эти принципы могут регулировать исходные познавательные установки и общее направление того или иного конкретного вида познания. В применении к историческому познанию методология в широком смысле формулирует и детализирует до уровня конкретной применимости принципы объективности и историзма. В этом смысле методология исторического познания выступает как составная часть исторического материализма, который в общем виде дает философское обоснование и методологическую базу не только для исторического познания, но и для всего комплекса общественных наук, для понимания и исследования общества в целом¹.

Методология в узком смысле слова представляет собой более специальную дисциплину, задача которой — теоретическое исследование, анализ, реконструкция, оправдание и обоснование методов соответствующей деятельности. При этом под методом понимается совокупность норм, правил и критериев, регулирующих сам способ, т. е. практическую реализацию, данной деятельности. Метод, следовательно, может и должен быть выражен в форме определенного текста и может существовать даже тогда, когда соответствующая деятельность не реализуется. В одних случаях он выступает как ее обобщение, в других — как предпосылка. Поскольку речь идет о научном познании, методология в узком смысле занимается преимущественно методами, т. е. правилами, нормами и критериями построения знаний более высоких уровней, обычно называемых теоретическими. Методологию, понимаемую таким образом, не следует смешивать с методикой и техникой исторического исследования, разные аспекты которых изучаются специальными историческими дисциплинами (источниковедением, палеографией, дипломатикой и т. д.). Такая методика находится вне компетенции философии, теории познания, эпистемологии и методологии.

¹ См. подробнее: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980.

Между методологией в узком и широком смысле и исторической эпистемологией существуют довольно сложные отношения. При одном развороте исследования их проблематика довольно тесно пересекается, даже сливается и почти не поддается разграничению, при другом — можно провести определенные разграничительные полосы. Было бы излишним педантизмом заранее перечислять и обуславливать все возможные случаи. Следует лишь подчеркнуть, что терминологическая четкость и концептуальная прозрачность — необходимые предварительные условия серьезного обсуждения всякой научной проблемы. Везде, где подобная четкость допускается самим материалом и достижима без потери информации, она совершенно необходима. Но там, где игра в определения, в формальные дефиниции затрудняет понимание существа дела, последнему должно быть отдано предпочтение.

Наконец, еще одно разъяснение. В современной научной практике все большее распространение получают методы формального анализа. Следует заметить, что с терминами «формальный», «формализм», «формальный подход» и т. д. часто связаны неприятные ассоциации, навеянные представлениями о сухом, казенном, формалистическом толковании тех или иных проблем, а сам формализм представляется как отказ от живого дела, от реальной диалектики, как некая альтернатива содержательности. Этот предрассудок отчасти порождается определенным характером гуманитарного образования, отчасти тем, что косность и архаичность традиционной семантики языка обладают удивительной живучестью и навязывают современным ученым давно устаревшие представления. Если для исследования эпистемологических или методологических проблем используют те или иные формальные исчисления (алгебраические, теоретико-множественные) или логико-математические языки и процедуры, то здесь мы имеем дело с формальной методологией или формальной эпистемологией, серьезное применение которых ведет не к потере содержательного смысла и информации, а, напротив, к их уточнению и разъяснению. Поскольку в сфере исторического познания объем применяемых формальных методов еще очень невелик, то и формальная методология и эпистемология исторического исследования находятся лишь в самом начальном, можно сказать эмбриональном, состоянии.

Теперь мы можем перейти к обсуждению проблем, сплут которых был обозначен в этих параграфах.

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Историческая эпистемология рассматривает свой предмет — процесс исторического познания — в возникновении и развитии. В отличие от социально-исторического подхода, концентрирующего внимание на точном учете и воспроизведении всех деталей и этапов этого процесса, на учете детерминирующих его социальных механизмов, эпистемологический подход сосредоточивается на исследовании концептуальной стороны, на анализе объективных условий и когнитивных структур, подготавливающих возникновение исторического познания. Термин «когнитивный» употребляется для обозначения как сознательных, так и бессознательных, как рациональных, так и интуитивных, как логических, так и психологических факторов, участвующих в становлении, развитии и формировании исторического познания.

Особого уточнения требует термин «история». Среди его многочисленных значений¹ наиболее распространенными являются: последовательность событий, ситуаций и процессов в предшествующем развитии общества; описание, отражение этой последовательности; аналогичная последовательность в какой-либо частной сфере деятельности (история города, история искусств, история торговли, история костюма и т. п.); любое интересное повествование, рассказ; необыкновенное событие, происшествие; развитие какой-либо последовательности явлений в природе (история солнечной системы, эволюция живых

¹ Значение этого термина в европейских языках рассмотрено в книге: *Keuch K. Historia. Geschichte des Wortes und seiner Bedeutung in der Antike und in den romanischen Sprachen.* 1934. Пониманию этого термина в античности посвящены статьи А. А. Тахо-Годи: «Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним»; «Эллинистическое понимание термина «история» и родственных с ним» (Вопросы классической филологии. М., 1969, т. 2).

организмов) и т. д. В настоящей работе нам придется иметь дело лишь с первыми двумя значениями. При этом термин «история», если он не сопровождается дополнительными пояснениями, во всех случаях относится к первому. Для обозначения второго, как и в предварительных замечаниях, используется термин «историческое познание». По мере углубления и расширения анализа и усложнения концептуального аппарата вводится уточняющая терминология.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

1. Познавательный интерес как эпистемологическая категория

Переломные моменты в жизни народов, войны и революции, переходы от экономических подъемов к депрессии или упадку, радикальные изменения в способах производства, религиозные движения и т. д. всегда порождали повышенный интерес к истории. Этот феномен (назовем его историческим интересом) дает ключ к пониманию ряда важных особенностей генезиса исторического познания. Исследованию интереса посвящена обширная экономическая, социологическая, психологическая литература¹. К сожалению, в философской, и особенно в эпистемологической, литературе понятие «интерес», играющее роль важной познавательной категории, почти не исследовано. А между тем многие принципиальные вопросы теории познания не могут быть решены без понимания содержания и функций интереса в возникновении и развитии ряда познавательных феноменов. В данном параграфе категория «интерес» рассматривается в самом общем виде, лишь в той мере, в какой это необходимо для последующего исследования исторического интереса и исторического познания.

Обилие психологической литературы, посвященной понятию «интерес», вызвано реальной значимостью этого понятия для изучения деятельности человека и его отношений к внешним предметам, включающих целевые установки, и обилием различных и даже противоположных определений этого понятия. Многозначность и аль-

¹ См., например: Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М., 1978; Лавриненко В. Н. Интерес как категория исторического материализма.— Вестник Московского университета, серия экономики и философии, 1964, № 1; Кулиев Т. А. Проблема интересов в социалистическом обществе. М., 1967; Абалкин Л. И. Экономические интересы при социализме.— Вопросы экономики, 1969, № 7; Горин А. Н. Природа интересов.— Ученые записки Тартуского университета, труды по философии, XIX. Тарту, 1977.

тернативность понятия «интерес» в значительной степени объясняются тем, что оно принадлежит к числу так называемых *пакетных понятий*.

Что же представляют собой пакетные понятия?

Особенность их заключается в том, что один и тот же термин, по существу, обозначает целое семейство, или пакет, в каком-то отношении сходных понятий, разграничить которые по чисто формальным, структурным характеристикам, как правило, невозможно. Входящие в пакет понятия похожи друг на друга, как члены одной большой семьи. По внешнему виду, характеру, манерам, цвету волос, возрасту и т. д. они могут более или менее резко различаться, и тем не менее есть нечто трудноуловимое, почти не поддающееся определению в их облике, что позволяет безошибочно признать во всех этих несхожих людях членов одной семьи. Если все же попытаться найти логическое объяснение этому феномену, то оно будет выглядеть следующим образом.

В процессе исторического развития языка и мышления термины, созданные для обозначения одних групп явлений, часто распространялись на более или менее сходные явления. В каждом отдельном случае это сходство определяется теми практическими ситуациями, за границами которых оно постепенно утрачивает смысл и значение, хотя не теряет их полностью. При этом каждый раз оно устанавливается на основе сопоставления и неполного отождествления лишь нескольких признаков, входящих в определение термина, который выражает данное понятие.

Было бы довольно просто дать общее определение пакетным понятиям, если бы все они имели хотя бы один общий признак (его обычно называют центральным). Но как раз такого центрального признака у этих понятий и не бывает.

Так как признаки, связывающие отдельные наборы понятий, являются существенными для обозначаемых явлений, а все без исключения наборы таких понятий в различных комбинациях перессекаются, не имея вместе с тем общей для всех точки пересечения, то «вынуть» хотя бы одно понятие из пакета, не «разрывая» его, оказывается подчас невозможным. Анализ пакетных понятий очень важен, так как они часто встречаются в научной и философской литературе. Однако ввиду крайней логической сложности и трудоемкости он не может быть осуществлен на страницах этой книги. Тем не менее сказан-

ное позволяет представить, какие сложности порождает определение пакетных понятий, к числу которых относится и понятие «интерес». Поэтому, не претендуя на полное решение задачи, попытаемся установить здесь те элементы его смысла и значения, которые имеют непосредственное отношение к дальнейшему обсуждению генезиса исторического познания.

Первым шагом в этом направлении должно быть сравнение гносеологической интерпретации понятия «интерес» с его психологической интерпретацией. Целесообразно воспользоваться для этого изложением проблемы интереса Б. И. Додоновым. Согласно его концепции, человек обладает определенными потребностями и осуществляет соответствующие действия для их удовлетворения. Субъективным стимулятором этих действий являются так называемые положительные эмоции, т. е. комплекс чувств и переживаний, доставляющих удовлетворение, радость в случае, когда указанные действия приводят к удовлетворению потребностей. Что касается отрицательных эмоций, то они наряду с контрольной функцией (чувство досады, разочарования, когда действия не приводят к удовлетворению потребностей) имеют также и позитивное назначение. Чувство страха, например, есть эмоциональный фактор, предупреждающий против совершения опасных для жизни поступков. Таким образом, эмоции в некотором исходном пункте есть субъективное состояние, порождаемое потребностями и тесно связанное с необходимыми для их удовлетворения полезными действиями.

В определенной социальной ситуации оказывается возможным и даже необходимым «оборачивание» этой зависимости. Для достижения некоторых личных или социально значимых целей, например на войне, человеку приходится преодолевать объективную опасность, идти навстречу ей, а следовательно, преодолевать и вызываемый ею эмоциональный феномен — страх. В этом случае преодоление страха само выступает как вторичная потребность с соответствующими вторичными полезными действиями. Точно так же возникают и вторичные положительные эмоции, доставляющие удовлетворение от преодоления отрицательных эмоций первого плана (например, страха). Именно в этой ситуации элементы первичной связи меняются местами. Стремление к получению таких вторичных положительных эмоций в ситуациях-«перевертышах» Б. И. Додонов и рассматривает как

феномен интереса: «...как бы поменявшись ролями «слуги» и «господина» с рождающими их потребностями, эмоции вновь фактически становятся на службу другим потребностям человека. Однако генетически и «тонально» они часто оказываются совершенно разнородны с этими последними — и это один из характерных признаков интереса»¹. Резюмируя сказанное, он предлагает следующее рабочее определение: «...можно обозначить интерес как *особую психологическую потребность личности в определенных предметах и видах деятельности как источниках желанных переживаний и средствах достижения желанных целей*»².

Интерес, понимаемый подобным образом, рассматривается как важный внутренний стимул научного познания, как эквивалент исследовательской любознательности. В этом отношении он отличается от стремления к почестям, к славе, от объективной необходимости решить некоторую практически полезную задачу.

Не касаясь вопроса о том, насколько адекватна данная концепция современному уровню психологических исследований интереса, отметим, что она с большой рельефностью выделяет основные черты, отличающие психологический и гносеологический подход к этой важной познавательной категории. Гносеология вообще рассматривает все связанные с процессом познания структуры под особым углом зрения их отношений к объективной реальности, к той системе, познанию которой они служат. Их состав, внутренняя организация, взаимосвязь, методы конструирования, познавательная роль, функции, выполняемые в общей системе познавательной деятельности,— все это подлежит рассмотрению с позиций основного гносеологического вопроса. Поэтому в теоретико-познавательном плане «интерес» рассматривается как понятие, фиксирующее особые объективные отношения, точнее — две группы отношений. К первой принадлежат отношения между элементами и компонентами рассматриваемой системы. Вторая группа охватывает особые познавательные отношения человека к отношениям, зафиксированным в первой группе. Здесь важно понять диалектическое единство и противоречивость позиции человека в возникающей познавательной ситуации. Он одновременно выступает и как субъект, ибо благодаря его актив-

¹ Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М., 1978, с. 154.

² Там же, с. 159.

ности в его мозгу происходит процесс отражения и познания действительности, и как элемент объективной реальности, ибо за пределами основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным, противопоставление субъекта объекту, мышления — бытию, сознания — материи было бы «громадной ошибкой»¹.

Эта двойственность, фиксируемая в понятии «интерес», связана с особой, гносеологической «оборачиваемостью».

Обычно считают, что предметам, продуктам человеческой деятельности, предназначенным для удовлетворения какой-либо потребности, предшествует более или менее адекватное их понимание. В действительности же и потребность, и понимание соответствующего предмета часто возникают лишь после того, как он создан. Как правило, это касается предметов, предназначенных для удовлетворения скорее социальных, чем биологических потребностей. Потребность в еде часто возникает еще до появления продуктов, способных ее удовлетворить. Потребность в телевизорах, телефонах, реактивных самолетах возникла и была осознана уже после того, как были созданы эти технические устройства.

«Предмет искусства — то же самое происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство создает поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета»². Эти слова К. Маркса вполне применимы к любым социально значимым феноменам. Следует лишь учесть, что каждый предмет, в том числе и «предмет искусства», требует своего особого понимания, своего особого субъекта, причем субъекта социального. Для того чтобы такое понимание возникло, как раз и необходим интерес, выполняющий роль познавательного стимула. Он действительно фиксирует двойное отношение: возникновение нового предмета и отсутствие понимания, отсутствие адекватной когнитивной реакции. Какие при этом возникают эмоции, как они действуют и стимулируют познание, должны решать психологи. Задача эпистемологии заключается в том, чтобы выявить объективный статус познавательного интереса.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 151, 259.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 28.

Уже в античной древности наиболее проникательным мыслителям было ясно, что познание отнюдь не всегда «диктуется» непосредственными, «полезными» потребностями. Аристотель выразил это в знаменитом утверждении: «Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы»¹.

В данном случае нет необходимости специально обсуждать или критиковать позицию Аристотеля. Скажем лишь, что «удивление», о котором он говорит, есть не что иное, как субъективная реакция, внутренняя сторона того познавательного отношения, которое охватывает гносеологическая категория «интерес».

Одной из важных особенностей понятий и категорий высшей степени абстрактности является их способность обретать относительную самостоятельность, независимость от породивших их материальных условий и причин. Непонимание «относительности», «ограниченности» этой свободы неминуемо ведет к идеализму, в частности субъективному. Напротив, игнорирование «свободы» и «независимости» этих понятий и категорий мешает увидеть их способность к сублимации, к включению в качестве обособленного элемента в структуру сознания и культуры в целом. Таким качеством в полной мере обладает и познавательный интерес, который практическим людям определенной эпохи, действующим в производстве, в политике и даже в сфере обособленного познания, представляется нередко как что-то загадочное, существующее само по себе, в нереальной социальной ситуации и времени. Задача философского и — уже — эпистемологического анализа как раз в том и состоит, чтобы устранить подобные иллюзии и выявить подлинное содержа-

¹ Аристотель. Соч. В 4-х т. М., 1975, т. 1, с. 69.

ние, обусловленность и направленность каждого конкретного вида познавательного интереса. Но, даже ограничиваясь познавательным интересом, сделать все это, выделить и обособить подобный интерес «в чистом виде» оказывается совсем нелегко. Поясним это на примере.

Рассмотрим следующие предложения:

1. Иванов интересуется десятой проблемой Гильберта.
2. Иванов интересуется созданием искусственного гена.
3. Иванов интересуется искусством.
4. Иванов — интересный человек.
5. Общественные, классовые интересы стоят выше мелких групповых или личных интересов.

Нас не должно смущать присутствие в этих примерах условного персонажа и то, что понятие «интерес» фигурирует в различных морфологических обликах. В предложениях 1—4 речь идет о познавательных интересах. В предложении 5 термин «интерес» синонимичен термину «цель».

Несмотря на то что в предложениях 1—4 понятие «интерес» фиксирует познавательные установки и отношения, мы имеем здесь дело с пакетным понятием, значение которого подчиняется всем причудам этих понятий. В предложении 1 речь идет об интересе к нерешенной математической проблеме, который может быть реализован в виде особых математических теорем и их доказательств. Если десятая проблема Гильберта решена, то подобный интерес означает стремление изучить имеющиеся доказательства, улучшить их или найти новые. В обоих случаях речь идет о познании, не преследующем утилитарные цели, способном доставить лишь чистое интеллектуальное удовлетворение. Последующие практические применения найденных доказательств (если таковые будут) никак не фиксируются в этом виде интереса.

Интерес, отмеченный в предложении 2, по своему строению сложнее. С одной стороны, он предполагает познание структуры гена, с другой — экспериментально-практическую деятельность, синтез гена. Причем такой синтез также требует решения оригинальных познавательных задач. Тем не менее решение познавательных проблем ведет не только к удовлетворению любознательности (интереса), но и к достижению утилитарных целей, например к управлению наследственностью.

В предложениях 3 и 4 интерес выступает в несколько иной окраске. Интерес к искусству различен у художника и у зрителя (читателя, слушателя). Первый интересуется приемами и техникой мастерства, изображаемыми моделями, погружен отчасти в самопознание, отчасти в познание мира и стремится выразить результат этой деятельности в материальной форме, доступной чувственному восприятию. Второй, интересуясь искусством, стремится к получению чувственного удовольствия, эстетического наслаждения и к познанию воспринимаемого предмета искусства в той мере, в какой это необходимо для углубления эстетического восприятия, усиливающего эмоциональный эффект. Выделить чисто познавательный элемент в таком интересе отнюдь не просто. Наконец, говоря о том, что какой-то человек интересен, мы вкладываем в это понятие несколько смыслов и значений. «Интерес» в данном случае означает, что человек хорош собой, привлекателен, что он умен, образован, талантлив, хорошо воспитан и т. д., что знакомство с ним может иметь утилитарно полезные последствия. Разумеется, во всех этих вариантах необходимо располагать определенными знаниями, оценочными критериями, информацией о социальном статусе, деловых качествах и иных характеристиках нашего персонажа. Познавательное отношение подчинено здесь эстетическому, этическому или узкоутилитарному.

В каждом из рассмотренных примеров можно с большей или меньшей определенностью установить значение понятия «интерес», но разграничить эти значения полностью невозможно. Поэтому каждый раз требуется содержательный анализ, учитывающий условия возникновения, социальное и познавательное назначение данного вида интереса.

Все сказанное в полной мере относится и к понятию «исторический интерес». Это тем более важно, что возникновение исторического познания и его развитие неразрывно связаны с возникновением и изменением содержания исторического интереса. Как гносеологическая категория этот интерес фиксирует определенные объективные условия и отношения, но, отделившись от них в ходе культурной эволюции и приобретя относительную самостоятельность, он оказывает на историческое познание самое различное влияние. Именно через него воздействуют на историческое познание классовые, религиозно-этические, культурно-этнические и личные позиции.

2. Гипотеза об историческом интересе

В работах, посвященных генезису исторического познания, большинство исследователей ограничиваются европейской традицией. Это объясняется тем, что специальные исторические знания и профессиональные исторические труды появились в восточных культурах значительно позже и стали известны европейским авторам, когда историческое познание продвинулось далеко вперед, почему и не могли оказать на него заметного влияния¹. На протяжении долгого времени проблема исторического интереса, причины его возникновения и роль в формировании исторического познания почти не обсуждались. До сих пор исследований, посвященных этим вопросам, крайне мало. Лишь кое-где можно обнаружить отдельные замечания и догадки. Поэтому все, что говорится в данной работе об историческом интересе и особенно о его генезисе и первоначальном развитии, рассматривается автором как гипотеза в первом приближении, дальнейшее обсуждение которой позволит сделать необходимые уточнения.

Одним из первых методологов, попытавшихся проанализировать смысл и структуру понятия «исторический интерес», был Г. Риккерт. Однако общая несостоятельность предложенной им и В. Виндельбаном концепции исторического познания не позволила большинству критиков обратить внимание на это обстоятельство. Поскольку воззрения Риккерта будут еще не раз фигурировать на страницах этой книги как объект критического анализа, охарактеризуем его понимание исторического интереса, пользуясь преимущественно его собственными формулировками.

Говоря о поисках научного метода, в частности в исторических исследованиях, Риккерт ставит сам выбор исследовательской тематики в зависимость от интереса. Это положение в различных модификациях встречается во многих идеалистических версиях исторического познания и дает ключ к пониманию их подлинной сущности. Пытаясь раскрыть природу интереса, Риккерт обращается к донаучным знаниям: «Они находятся в тесной зависимости от *интереса*, возбуждаемого в нас окружающей нас средой. Что означает, однако, когда мы говорим, что нас интересуют какие-нибудь объекты? Это значит, что

¹ См., например: Ерофеев Н. А. Что такое история. М., 1976.

мы не только представляем их, но вместе с тем ставим их в известного рода отношение к нашей воле, связывая их с нашими *оценками*»¹. Согласно Риккерт, исторический интерес определяется лишь системой ценностей, но не объективными процессами. «*Лишь под углом зрения какой-нибудь ценности индивидуальное может стать существенным, и потому уничтожение всякой связи с ценностями означало бы также и уничтожение исторического интереса и самой истории*»².

Исторический интерес детерминирует выбор неповторимых индивидуальных феноменов в качестве существенных объектов исторического познания. Существенное, по мнению Риккерта, не объективно, оно зависит от ценностей. Ценности вечны, общечеловечны, общекультурны, социально значимы: «...иными словами, исторически существенными могут стать лишь те объекты, которые по отношению к общественным или *социальным* интересам обладают значением. Поэтому, вследствие исторической связи частей с историческим целым, т. е. с обществом, главным объектом исторического исследования является не абстрагированный от него человек вообще, но человек, как *социальное существо*, и опять-таки лишь постольку, поскольку он участвует в реализации социальных ценностей»³.

Какова связь этой позиции с риккертовской концепцией культуры? Если выбор индивидуального и неповторимого определяется интересом, а интерес формируется культурой, ибо он есть отношение к культурным ценностям, то непонятно, каким образом (и главное, почему) всеобщие и неизменные ценности диктуют выбор индивидуального, случайного и неповторимого, а не всеобщего и закономерного. Риккерт, не смущаясь этим противоречием и, видимо, даже не замечая его, постулирует: «Если процесс реализации всеобщих социальных ценностей в течение исторического развития мы назовем *культурой*, то тогда мы можем сказать, что главным предметом истории является изображение частей и целого культурной жизни человека...»⁴ Эта позиция Риккерта знаменательна своей откровенной антиисторичностью, ибо, стремясь обосновать особый метод исторического познания и справедливо отмечая неприменимость к ис-

¹ Риккерт Г. Философия истории. Спб., 1908, с. 48.

² Там же, с. 52.

³ Там же, с. 68.

⁴ Там же.

тории методов механистических (натуралистических, по его терминологии), он вместе с тем прямо заявляет: «...одной из задач философии безусловно является борьба с *историзмом*, как мировоззрением»¹.

В изложенной позиции Риккерта обращают на себя внимание три момента. Первый из них заключается в рассмотрении интереса не как чисто психологической, но как методологической или гносеологической категории. Второй состоит в понимании интереса как отношения или как когнитивной структуры, фиксирующей и отражающей определенные отношения. Наконец, третий происходит из понимания важной роли интереса в определении предмета, содержания и метода исторического познания. Но, угадав гносеологическую важность и методологическую (в широком смысле) значимость категории «интерес», Риккерт интерпретировал ее в чисто идеалистическом неокантианском стиле.

Сформулирую свои возражения в следующих пунктах:

1. Если интерес есть волевое отношение, то он не фиксирует отношений в объективной исторической реальности. Волевой выбор ценностей любого, в данном случае исторического, интереса означает, что такой интерес детерминирует направление исторического познания, его предмета и метода субъективно-волюнтаристически. Указание на культуру как на систему общезначимых ценностей остается в этом случае простой декларацией.

2. Если интерес определяется культурой как системой общезначимых человеческих ценностей, находящихся вне исторического развития, то почему историческое познание, а следовательно, и исторический интерес имеют место не всегда? Почему они возникают в определенную эпоху, меняются в различных обществах, у представителей различных классов, на разных стадиях этнического и социально-экономического развития?

3. Если выбор индивидуализирующего, или идиографического, метода определяется историческим интересом, в основе которого лежит отношение к социально значимым ценностям, то почему неправомерен другой интерес, к иным историческим моментам, к историческим закономерностям, к ускоряющимся социальным процессам и т. п.?

4. Чем можно объяснить многообразие исторических

¹ Риккерт Г. Философия истории, с. 13.

подходов, а следовательно, и вариантов исторического интереса в рамках одной и той же культуры?

5. В воззрениях Риккерта имеется порочный круг: «интерес» определяется отношением к культурным ценностям, а ценностью признается то, что существенно, т. е. то, что по тем или иным причинам вызывает интерес.

Неокантианская концепция истории не в состоянии разрешить эти вопросы, устранить неизбежные сомнения и возражения. Проблема исторического интереса не может быть решена с позиций антиисторизма¹.

Обсуждая данную проблему, следует поставить вопросы: где, когда и почему возник исторический интерес? На первые два ответить сравнительно просто.

Исторический интерес сам историчен. Он возникает в определенной ситуации, которую можно довольно легко датировать. Местом его первого отчетливого обнаружения и окончательного формирования является Греция VI—V веков до нашей эры². Сам по себе исторический интерес как определенный тип отношения человека к действительности и к самому себе может на первый взгляд показаться совершенно неуловимым. Говоря о древности интереса к прошлому, можно привести слова Платона, указывавшего на склонность древних греков к историческому повествованию: «О родословной героев и людей... о заселении колоний, о том, как в старину основывались города,— одним словом, они с особенным удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом...»³ Однако Платон не указывает, к какому периоду относится пробуждение этого пассивного, «потребительского» интереса. К тому же сам Платон жил в то время, когда исторический интерес и историческое познание уже су-

¹ Э. Трёльч, немецкий философ (конец XIX — первая треть XX в.), выступавший по вопросам философии истории и культуры с позиций исторического идеализма, отчетливо видел связь риккертовского антиисторизма с его концепцией исторического интереса и подчеркивал его субъективизм (*Troeltsch E. Das Historismus und seine Probleme. Gesammelte Schriften III. Erstes Buch. Tübingen, 1922, S. 229—230*).

² Разумеется, элементы и неразвитые формы исторического интереса прослеживаются еще в мифологии и письменных памятниках Древнего Востока, включая Библию, за много столетий до оформления греческой историографии. Однако, как справедливо замечает А. И. Немировский, эти исторические знания занимали подчиненное место в культуре Древнего Востока, хотя и явились одной из предпосылок исторического интереса и исторических исследований древних греков (см.: *Немировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979*).

³ Платон. Соч. в 3-х т. М., 1968, т. 1, с. 157.

ществовали, и его свидетельство имеет хотя и важное, но лишь подтверждающее значение.

Реализация исторического интереса предстает перед нами во вполне осязаемой форме в виде знаменитой «Истории» Геродота. Можно до бесконечности спорить о предшественниках Геродота, но бесспорно, что с эмпирической точки зрения его труд есть действительно первое собственно историческое произведение¹. Ни Гекатей Милетский, ни другие авторы, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, не создали в подлинном смысле законченных исторических трудов, хотя, безусловно, во многом подготовили интеллектуальные условия для появления «Истории» Геродота. Помимо этого были условия и другого рода — объективные. Именно они стимулировали социальный и личный интерес к историческому прошлому. Что же это за условия?

Одним из важных факторов возникновения исторического интереса и соответствующей формы познания было обнаружение необратимости, взаимосвязи, последовательности и детерминации социально значимых событий и отдельных поступков людей во времени. Этот процесс детально исследован А. Ф. Лосевым². Категория «становление», выражающая текучесть, нестабильность, непрерывность и вместе с тем определенную направленность событий, является, согласно его взгляду, основной для исторического познания. Она тесно связана с пониманием исторического времени. Разумеется, само понятие времени, фиксирующее определенный объективный тип изменений в природе и обществе, с одной стороны, и способы его измерения — с другой, не было достижением только античной мысли. Все восточные культуры, насколько можно судить по сохранившимся памятникам, оперируют более или менее адекватными представлениями о времени³. Однако в античном мыш-

¹ См.: *Лурье С. Я.* Геродот. М.—Л., 1947.

² См.: *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. М., 1977.

³ Понятиями о времени и средствами его измерения располагали также цивилизации инков и ацтеков. С большей или меньшей детализацией они присущи культуре почти всех известных нам этнических совокупностей, однако их назначение прежде всего прагматическое (определение режима сельскохозяйственных работ, ритма и организации различных видов производственной деятельности и культовых отправлений), и они не оказали значительного влияния на формирование исторического интереса и исторического познания. В восточных цивилизациях следы такого влияния, вероятно, могут быть обнаружены, но на этапах более поздних в сравнении с периодом формирования ранних форм исторического познания в Элладе.

лении сознание историчности времени или связи социальных изменений с последовательностью их во времени отличается специфическими чертами. А. Ф. Лосев отмечает, что важнейшим условием осознания исторического времени было изменение глубинных структур общественных отношений. Распад общинно-родовых отношений, формирование, а затем разложение греческих полисов, быстрое развитие экономики, коммуникации, материальной и духовной культуры явились основными предпосылками фиксации последовательности и взаимосвязи изменений социальных и личных отношений во времени. Это, по-видимому, составляет объективную основу внимания к проблеме времени как в греческой философии и науке, так и в греческой литературе.

Аналогичные, хотя и не вполне сходные, процессы имели место и в других цивилизациях, находившихся, как известно, в довольно тесном общении с античной Элладой. Почему же там не возникла в столь явно выраженной форме проблема исторического времени и не появился порождаемый ею исторический интерес? А. Ф. Лосев не ставит целью сравнение различных культур древности с этой точки зрения и, естественно, не дает ответа на подобный вопрос. К. Ясперс¹ также проходит мимо данного вопроса. Это тем более удивительно, что его понятие «осевого времени» ориентировано на фиксацию и выделение общего исторического содержания в развитии человечества и, следовательно, по самой сути должно было бы привести к проблеме возникновения исторического интереса и осознания исторического времени.

Суть дела, по-видимому, заключается, с одной стороны, в известной быстроте и универсальном характере социальных изменений внутри греческого общества, а с другой — в относительной медленности подобных изменений в окружающем его мире и выводах, напрашивавшихся из сравнения этих двух типов развития. Застойный характер восточных обществ, неоднократно отмечавшийся К. Марксом, имеет свое объяснение, как имеет его и относительно быстрое развитие социально-экономических и культурных процессов в комплексе греческих государств-полисов. Современники этих событий, разумеется, были в состоянии заметить их и описать, но еще не

¹ *Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1952.*

могли дать им соответствующее объяснение. Войны, смена династий, внутренние мятежи, нашествия и переселения народов имели место и раньше, но принципиального различия между этими событиями в различных государствах или внутри данного государства, различия, связанного с какими-то глубинными социальными процессами, современники ни заметить, ни осознать долгое время не могли.

Напротив, быстрые и глубокие изменения, охватывавшие экономику, политическое устройство, культурное развитие, этническую и политическую консолидацию, быстро втягивавшую в свое русло всю Грецию на протяжении буквально двух-трех столетий (примерно VII — V вв. до н. э.), могли зафиксировать представители соприкасавшихся поколений¹. В их сознании в отличие от сознания восточных хронографов и летописцев отдельных греческих городов откладывалась информация не о простой последовательности царских имен и не об отдельных героических поступках и выдающихся деятелях, но о смене социальных ситуаций. Еще важнее то, что Греция, в отличие от довольно унифицированных, по крайней мере с точки зрения государственной организации, восточных обществ, таких, как Египет или Персия, представляла собой множество самостоятельных городов-полисов. Хотя греки и не всегда являлись единым народом и долгое время сами осознавали себя как конгломерат племен, культурное и языковое сродство постоянно наталкивало их на сопоставление быстро сменявшихся друг друга организационных и политических форм общественной жизни. Это отчетливо прослеживается в попытках создания единой, так сказать, общегреческой, модели государства Платоном, Аристотелем и другими античными мыслителями. Вместе с тем события греко-персидских войн неизменно обнаруживали связь личного поведения с соответствующими социальными ситуациями и их взаимную обусловленность. Разумеется, ни Геродот, ни другие современники этих событий (например, Еврипид, Эсхил) не понимали эту связь до конца. Тем не менее и в философии, и в драматических произведениях этого времени постоянно предпринимаются по-

¹ В греческой традиции принято было считать, что одно столетие равнополюно трем поколениям. Таким образом, внуки могли непосредственно от дедов, живых свидетелей прошлого, получать информацию о существенных социальных переменах (см.: *Лурье С. Я.* Геродот. М.—Л., 1947).

иски детерминирующих факторов, позволяющих дать причинное объяснение связи, последовательности и обусловленности сменяющих друг друга социальных событий и индивидуальных поступков. И у Геродота, и у его великих современников причиной изменений и в личной, и в социальной судьбе оказываются то злокозненные деяния завистливых богов, то свободная воля принимающего решения человека. Само историческое прошлое подталкивало греческих мыслителей к поискам причинного объяснения исторических событий. Но почему? Этот вопрос заслуживает особого обсуждения.

3. Гипотеза об историческом интересе (Продолжение)

Вспомним теперь слова Аристотеля, приведенные ранее.

Причиной философствования он считал удивление или недоумение перед неизвестным. По его мнению, философствование есть некоторый синоним научного познания, отличающегося от познания обыденного. Более глубокое удивление вызывается движением Солнца, Луны и звезд, а затем и происхождением Вселенной. Сам этот перечень «удивляющих» феноменов произвольно фиксирует действительную, хотя и не очень четко очерченную, последовательность возникновения познавательных проблем. Удивление этого рода есть, по существу, субъективно-психологический эквивалент интереса, в данном случае — к явлениям природы.

Такой интерес может реализоваться в двоякого рода знаниях: феноменологических и сущностных, стремящихся к познанию причин, законов явления. Аристотель отчетливо противопоставляет эти два рода знания в заключительных словах приведенного нами отрывка, различая познание полезное от понимания. Простая феноменологическая констатация движения Луны и Солнца может быть полезна как основа для составления календаря, как средство для определения начала и конца сельскохозяйственных работ и т. д. Именно такую прагматически полезную цель преследовало познание природы, развивавшееся в рамках древних восточных цивилизаций. Вавилонские халдеи сообщили Александру Македонскому, что они в течение 1903 лет наблюдали движение небесных светил и зарегистрировали 832 лунных и 373 сол-

нечных затмения¹. Примем на веру их слова. Каков же итог этих наблюдений? Они знали способы вычисления календарных дат, представляли траектории и положения планет и Солнца на небе, но не располагали теоретическими познаниями. Если и предпринимались попытки объяснения небесных явлений, то лишь в виде простой ссылки на действия богов.

Иначе обстояло дело у греков. Их «удивление» порождало интерес к пониманию, т. е. к проникновению в сущность видимого движения. Это не отрицание «полезного» уровня познания, но стремление превзойти его, продвинуться вглубь. Гегель неоднократно подчеркивал эту специфику греческого духа, мы бы сказали теперь, специфику культуры или социально-психологическую ориентацию как наиболее важную черту, определившую достижения греческой цивилизации и науки. Ф. Энгельс, указывая на историческое значение греческой культуры, философии и науки для всего последующего развития, отмечал универсальную одаренность этого маленького народа².

Фалес, научившийся многому у египетских, а может быть, и у вавилонских жрецов, был, возможно, первым греком, предсказавшим солнечное затмение; он же, по-видимому, был первым, кто открыл не только теорему о равнобедренных треугольниках, но и саму идею математических доказательств — предвестницу теоретического познания, или «понимания», по терминологии Аристотеля. А уже через три-четыре столетия греки располагали различными механико-математическими моделями движения небесных светил. Во II веке до нашей эры Гиппарх построил геометрическую модель движения Солнца, а во II веке нашей эры Клавдий Птолемей создал довольно сложную математическую теорию движения небесных светил.

Пожалуй, самым примечательным в этом поистине революционном движении познания было то, что греческая мысль обнаружила способность «удивляться» не только феноменам природы, но и явлениям общественной жизни. В предыдущем параграфе было указано на объективные основания исторического интереса. Теперь можно указать на его философские основания. Как известно, величайшим достижением античной философии явилась

¹ См.: Лакур П., Аппель Я. Историческая физика. М.—Л., 1929.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 369.

диалектика. Но что было действительным ее выражением, каков отправной пункт античной диалектики? Он состоял в отчетливом понимании того, что в мире происходит непрерывное движение и изменение. Такой взгляд не был исключительной принадлежностью одного лишь греческого мышления. Подлинным достижением греческих философов было понимание единства движения и покоя, изменчивости и неизменности, случайного, многообразного в проявлении и единообразного, стабильного в сущности. То, что кажется сейчас само собой разумеющимся, для греческих философов было поистине удивительным открытием. Сказать, что все течет и все изменяется, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, могла любая женщина, полоскавшая белье на берегу реки, но возвести это эмпирическое наблюдение в принцип миропознания мог только большой мыслитель. О том, что схватить и осмыслить в единстве движение и покой, изменчивость и неизменность мира было отнюдь не легко, свидетельствует сама история античной философии. Едва лишь осмыслив, ощутив этот великий принцип диалектики, античные философы «разнесли» его по разным философским школам. Гераклит, софисты и некоторые другие мыслители исследовали преимущественно изменчивость, элеаты — преимущественно неизменность.

Потребовались усилия таких гигантов, как Платон и Аристотель, чтобы вновь синтезировать эти «разведенные» моменты в едином диалектическом миропонимании.

Геродот и его непосредственные предшественники и преемники находились в духовно-философской интеллектуальной атмосфере греческих культурных центров¹. Два комплекса обстоятельств — бурные исторические события, связанные с греко-персидскими войнами, глубокие социально-культурные изменения, сложные отношения с окружающим варварским миром, с одной стороны, и быстрое научное и философское развитие — с другой, накладываясь друг на друга, привели к тому, что греческие мыслители распространили свое познавательное удивление на общество, ибо оно действительно оказывалось в каком-то смысле неизвестным и вместе с тем наиболее полно соответствующим диалектической модели развития.

¹ См.: Лурье С. Я. Геродот. М.—Л., 1947; Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М., 1947.

Как уже отмечалось, А. Ф. Лосев считает категорию становления, развития центральной для осмысления истории. Следовало бы добавить, что становление, развитие, изменение могут быть осмыслены и поняты лишь на фоне неизменного, стабильного, покоящегося, как их антитеза. Не только теоретическое описание движения, например движения механической точки в классической механике, требует фиксации неподвижной, инерциальной системы отсчета, но и само восприятие движения предполагает разграничение движущегося и покоящегося, их сопоставление, выделение одного на фоне другого¹.

Историческая действительность, предстающая перед человеком в форме многокрасочного калейдоскопа событий, отдельных человеческих судеб, столкновений народов и т. д., бесспорно, поражала не только греков, но и людей, принадлежавших к другим культурам и цивилизациям. Однако благодаря, вероятно, влиянию античной диалектики греки усматривали в этом эмпирическом материале нечто большее, чем случайность и хаос. Хаотичность, несистематизированность, нелинейность, неупорядоченность, обратимость событий характерны, по-видимому, для мифологического мироощущения и восприятия времени². Уже Гесиод, пытавшийся систематизировать генеалогию богов, внести в их семейно-брачные отношения некоторую причинность, последовательную связь и детерминированность, или, говоря мягче, мотивированность поступков, нанес ощутимый удар по мифологии и приоткрыл дверь для греческой науки³.

Систематизация, порожденная пытливым стремлением понять, упорядочивает ее объект, в том числе и время, обнаруживая его организованность и направленность. Всякая систематизация, наложенная на объективное историческое развитие, сразу же проявляет оба диалектических момента: изменчивость и неизменность, связанность и независимость отдельных событий и поступков.

¹ Р. Грегори в книгах «Глаз и мозг» (М., 1970), «Разумный глаз» (М., 1972) показал, что такое разграничение принципиально важно для понимания психологии зрительных восприятий. Этот вывод легко экстраполировать на все другие формы восприятия и образующиеся на их основании более сложные формы знания (см.: *Ракитов А. И. Принципы научного мышления*. М., 1973).

² Это хорошо прослеживается на мифологии всех народов. М. И. Стеблин-Каменский убедительно демонстрирует подобный процесс на материале скандинавских мифов (см.: *Стеблин-Каменский М. И. Миф*. Л., 1976).

³ См.: *Чанышев А. И. Эгейская предфилософия*. М., 1970.

Структура «Истории» Геродота во многом примечательна. Она, между прочим, иногда невольно, иногда намеренно наталкивает на сравнение жизни и представлений различных народов, на сопоставление различных поступков, действий и замыслов исторических персонажей, мотивов и следствий совершаемых ими деяний. Первая фраза знаменитой «Истории» Геродота отчетливо констатирует наличие удивления перед деяниями греков и варваров, связь этих деяний с течением времени и стремление объяснить их мотивы и причины. Она гласит: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности...»¹

Рассматривая поначалу лишь непосредственно предшествующие события или даже события, участниками которых они могли быть, первые греческие историки (особенно Фукидид) фиксировали не только разнообразие, но и повторяемость общественных явлений. Имена и ситуации, действия и результаты менялись, но везде удавалось усмотреть взаимную зависимость поступков, везде можно было зафиксировать столкновение воль и страстей, реализацию предсказаний оракулов и т. д.— короче говоря, заметить некоторую, хотя и неосознанную, «плановность» или непонятную, но ощутимую «запроектированность» событий. В этих терминах есть привкус модернизации, и здесь они используются за неимением лучших. Суть же дела заключается в том, что античные, да и последующие историки, еще не поднявшиеся до идеи исторической закономерности, несомненно испытывали интерес к этой стороне исторической действительности. Объяснялась ли она замыслами богов или другими сверхъестественными причинами, для нас не важно. Существенно то, что, наблюдая современность, совершаемые «здесь и сейчас» поступки, еще нельзя было заметить некоторую общность, некоторые типичные, сходные черты в их пестром разнообразии; но в завершенных последовательностях событий их «запроектированность», общезначимость замечалась более или менее отчетливо и казалась поучительной и многозначительной. Именно поэтому Фукидид полагал, что опыт описанных им войн может быть использован в будущем. Иными словами, в прошлом, особенно в более или ме-

¹ Геродот. История. М., 1972, с. 11.

нее завершенных его комплексах и фрагментах, можно было усмотреть нечто такое, чего нельзя было увидеть при прямом и непосредственном восприятии данного момента — современности и что, естественно, вызывало острый исторический интерес. В этом, можно предположить, и заключается источник данного феномена.

Ранее интерес был охарактеризован как категория, фиксирующая две группы отношений. Эту общую позицию можно теперь уточнить применительно к интересу историческому. К одной группе принадлежат отношения человека к объективной исторической действительности в ее конкретных проявлениях на определенной стадии развития социальных изменений. К другой группе принадлежат отношения, выделяемые мышлением в самой действительности, а именно: отношения индивидуально-го, личностного и социально-группового, стабильного и нестабильного в общественном развитии, неповторимого и повторяющегося, обстоятельств, зависящих от каких-то неизвестных еще факторов, и отдельных поступков, детерминированных личной волей. Постоянное наличие этих полярных противоположностей, присутствующих в историческом процессе в разных дозировках, возбуждает и продуцирует исторический интерес. Перефразируя знаменитый афоризм Лейбница, можно сказать, что исторический интерес в своем первом обнаружении зафиксировал подлинную историческую диалектику, признающую, что в мире изменяется все, кроме самого изменения. В течение многих столетий отмеченные противоположные моменты отрывались друг от друга, противопоставлялись, сталкивались и служили источником различных исторических концепций, пока, наконец, на качественно высшей ступени не были вновь синтезированы в современном научно-историческом мышлении.

Что же показывает анализ генезиса исторического интереса? Прежде всего становится ясно, что исторический интерес не результат абстрактного отношения к вечным и неизменным культурным ценностям, но феномен, порождаемый самой историей. Возникнув и сформировавшись, он входит в набор ценностей определенной эпохи, в ценностную парадигму. Как бы обособившись от своего объективного источника, он приобретает культурную и познавательную самостоятельность. Войдя в общую систему мировоззрения античного общества, в его культурную парадигму, интерес к прошлому закрепился в основных когнитивных структурах и приобрел статус не-

которого методологического (в широком смысле) мировоззренческого принципа, установки, организующей и направляющей познание. Отношения, обусловившие генезис исторического интереса, в данном случае «переворачиваются»: он сам становится отныне стимулом к познанию. Прошлое завораживает, притягивает, волнует, вызывает споры, включается в систему политической и правовой аргументации. Все это порождает иллюзию первичности, исходности исторического интереса, и Риккерт лишь облекает ее в философскую форму. Это цена, которую он платит за свой антиисторизм.

Войдя в систему европейской культуры, исторический интерес уже не угасал никогда, но в разные эпохи он наполнялся разным смыслом, разным классовым, социальным и психологическим содержанием. В дальнейшем нам еще не раз придется возвращаться к вопросу о связи и взаимодействии исторического интереса и исторического познания.

4. Историческое сознание и историческое познание в системе материалистического понимания истории

Исторический интерес находит свою реализацию в историческом познании. Складывается он не сразу и тем более не сразу обнаруживается. Его отчетливое осмысление возникает лишь на более поздних этапах исторического познания, что связано с известным отставанием познавательной деятельности, детерминированной деятельностью предметно-практической.

Историческому познанию предшествует долгая эволюция общественного сознания, подструктурой, слоем, фрагментом которого выступает это познание. До момента своего явного обнаружения оно проходит как бы внутриутробный, эмбриональный период развития в недрах общественного сознания. Было бы явным преувеличением считать, что интерес к прошлому, различные формы закрепления прошедших событий в политическом, моральном, религиозном и художественном сознании возникают лишь в период более или менее отчетливой кристаллизации всех отношений, фиксируемых в историческом интересе. И в мифологии, и в героическом эпосе, и в отдельных преданиях, и в династических легендах почти всех народов присутствует более или менее значительная информация о прошлом. Именно она образует

своеобразные духовные предпосылки исторического познания. И все же между ним и фрагментарной информацией о прошлом существует глубокое различие. Здесь следует иметь в виду, что историческое познание возникает как важная функциональная подструктура общественного сознания.

Сознание может быть объектом эпистемологического анализа лишь постольку, поскольку оно реализуется в эмпирически фиксируемой языковой форме. Основной единицей любого языка, выступающего как объект эпистемологии, является предложение — отдельно взятое слово обретает смысл и значение лишь в его рамках. Совокупность предложений, связанных некоторым общим содержанием, т. е. отнесенностью к внешним объектам, образует текст или фрагмент текста. Каждое отдельное предложение и входящие в него слова могут менять свое значение в зависимости от включающего их текста. Такое значение мы будем называть контекстуальным, а набор предложений, связанных по значению или смыслу с данным, — контекстом или контекстуальным окружением данного предложения¹. В повседневном общении мы преимущественно имеем дело с устными, а уж затем с письменными текстами. Хотя исторически устные тексты предшествуют письменным, рассматривая прошлое, мы имеем дело только с письменными текстами.

В своей эмпирической форме, как объект исследования, общественное сознание предстает перед нами в виде особых текстов. Впрочем, индивидуальное сознание также дано исследователю прошлого как текст, но между этими двумя видами текстов существует глубокое различие. Знания, нормы, установки, оценки, общие взгляды, выраженные в текстах первого вида, взятые в целом, являются достоянием социальных групп. Такие группы представляют собой устойчивые, более или менее четко организованные коллективы людей, объединенных в определенных временных и пространственных границах общностью деятельности, хозяйственной, социальной и политической жизни, культуры или языка. С возникновением соответствующих условий в обществе образуются основные социально-экономические группы —

¹ Хотя эпистемологическая интерпретация контекста связана определенным образом с лингвистической, их не следует отождествлять, так как они ориентированы на решение различных задач (см.: Языковые единицы и контекст. Л., 1973, с. 215).

классы и общественное сознание становится классовым. Таким образом, общественное сознание есть достояние социальных групп и классов. Это означает, что оно отражает условия деятельности, т. е. общественное бытие данных групп, их групповые цели (в предельном случае классовые), и является инструментом решения определенных задач.

Каждая единица, которую можно обнаружить в контексте общественного сознания той или иной эпохи, вырабатывается, формулируется отдельными индивидами — членами данной социальной совокупности, ибо группы и классы не имеют коллективной головы, создающей общезначимые в пределах группы суждения, нормы и оценки. Однако эти единицы включаются в общий контекст в силу того, что они понимаются коллективом и каждым его членом как нечто само собой разумеющееся, имеющее для всех одинаковый смысл и значение. Выражение «одинаковый смысл и значение» показывает, что те или иные текстовые единицы относятся к устойчивым, часто встречающимся социальным ситуациям, процессам или предметам (значение) и фиксируют идентичные виды деятельности по достижению общих целей, общепринятые способы решения групповых задач (смысл). Именно это делает отдельные единицы и содержащий их контекст понятными для всех членов данной социальной совокупности. В этом же смысле можно говорить и об всеупотребительности контекстов общественного сознания в определенных исторических границах.

Для того чтобы продукты индивидуальной интеллектуальной деятельности вошли в контекст общественного сознания, они с самого начала должны создаваться ради решения общих групповых задач и достижения устойчивых социальных целей. Любое высказывание, любая норма или оценка, предлагаемые отдельным индивидом, включаются в систему коллективных коммуникаций, так сказать, «обкатываются», согласуются, увязываются с общепринятыми смыслами и значениями, идентифицируются с другими единицами социального контекста. Такое «обкатывание» осуществляется в ходе совместной групповой деятельности. Личное авторство здесь не имеет значения; каждый член коллектива корректирует, дополняет и модифицирует данную единицу на равных основаниях, пока она не включается в общий контекст как плод коллективного творчества. Именно это имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о вплетенности

сознания в практическую деятельность человека¹. Индивидуальное авторство — естественный, но не социально значимый факт выработки общественного сознания, особенно на ранних стадиях². В развитом, особенно классовом, обществе, когда личность начинает обособляться и противопоставлять себя коллективу, отдельные фрагменты общественного сознания (например, в форме законов Хаммурапи, Солона и т. п.) могут связываться с индивидуальным авторством, которое, однако, постепенно утрачивает значение в процессе коллективно-группового или общего для всего социума использования данного фрагмента.

Дифференциация групповой структуры общества, связанная с обособлением различных видов социальной деятельности (производственной, торговой, военной, художественной, религиозной и т. п.), приводит к дифференциации некогда единого общественного сознания. Этот процесс сопровождается общим разделением труда, в том числе в интеллектуальной сфере, в сфере управления и в сфере производства общественных идей.

Выделение во всех известных нам исторических формах общества на определенной стадии их развития профессиональных групп (в частности, каст, жречества, военных, служилой бюрократии и т. п.) есть следствие обособления важнейших социальных функций и вместе с тем основа расчленения некогда единого общественного сознания на отдельные формы. Обособление этих форм почти никогда не бывает жестким. Тем не менее анализ дошедших до нас текстов, относящихся к периоду возникновения и начального развития классового общества, позволяет зафиксировать наличие религиозного, правового, политического, художественного и нравственного сознания. Все эти формы легко сопоставить с определенными типами деятельности, соотнести с более или менее четко обозначенными структурами общественного бытия.

Вместе с тем ни одна из упомянутых форм не представляет собой моментального снимка: любое общество, все фиксируемые в нем отношения и виды деятельности

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Противоположность материалистического и идеалистического воззрений*, с. 29.

² С. С. Аверинцев не только подчеркивает историчность, но и показывает важность индивидуального авторства для развития общественного сознания и культуры вообще (см.: *Краткая литературная энциклопедия*. М., 1978, т. 9, с. 28—30).

суть продукт предшествующего развития; их бытие обладает некоторой длительностью, протяженностью, стабильностью и повторяемостью во времени. Религиозные обряды и праздники повторяются из года в год, законы и обычаи, нормы морали и этические оценки существуют длительное время почти в неизменном виде. То же самое можно сказать и о многих политических и художественно-эстетических структурах. Разумеется, при детальном историческом анализе обнаруживается некоторая варьированность правовых, политических, религиозных и иных воззрений, но в определенных границах она показывает лишь незначительные отклонения от стабильных образцов и устойчивых традиционных норм. Это обстоятельство само по себе есть некоторая черта, устойчивое свойство общественного бытия и, естественно, находит свое отражение в общественном сознании. Стабильность, неизменность во времени ряда социальных институтов и структур осознается обществом в особых условиях, а именно: лишь когда наряду с этой стабильностью, так сказать, параллельно ей фиксируется изменчивость, нестабильность, неустойчивость.

Постепенно это постоянное соотношение стабильного и изменчивого, длительного и кратковременного во всех социально значимых феноменах превращается в историческую форму общественного сознания. Данная разновидность общественного сознания не может быть поставлена в один ряд с указанными ранее формами, ибо в отличие от них она фиксирует не особые качественно различные институты, структуры и виды деятельности, но аспекты стабильности и изменчивости в их временном бытии. В силу этого целесообразно выделение и тщательный анализ *исторического сознания как особой формы общественного сознания*. Понятием исторического сознания общества обычно охватывается «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени»¹.

Понятие стихийности исторического сознания нуждается в разъяснении. Обычно «стихийность» противопоставляется в марксистской литературе «сознательности». Что же имеется в виду, когда речь идет о стихийном формировании сознания?

¹ Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 191.

К. Маркс, говоря о взаимосвязи общественного сознания и бытия, а также характеризуя различные формы, разновидности и эпохи в развитии сознания, употребляет немецкое слово *Bewußtsein*. По своей этимологии оно означает знание, отнесенное к бытию, к реальности, в том числе социальной, противостоящей человеку как субъекту знания. Стихийность формирования форм общественного сознания означает, во-первых, что они относятся к соответствующим структурам бытия и, во-вторых, что они складываются помимо воли человека, т. е. не существует сформулированных, зафиксированных в текстах правил, критериев и установок, регулирующих способы создания данных форм сознания. Даже первоначальные письменные тексты, фиксирующие мифы, древнейшие обычаи, религиозные обряды, героические эпосы и т. п., складываются при отсутствии таких правил, критериев и установок.

По мере накопления духовных ценностей возникает необходимость осознания не только самого объективного бытия, но и знания о нем, т. е. осознания сознания. Этот процесс обычно обозначается термином «самосознание» или «рефлексия». Отчетливое понимание самосознания возникает лишь на довольно поздних этапах развития общества, в период его относительно высокой зрелости. В европейской традиции такое понимание обнаруживается лишь в эпоху Сократа, девиз которого «познай самого себя» (независимо от того, был ли Сократ его действительным автором) выразил и сформулировал определенную установку общества, дух эпохи. Именно социальная рефлексия, ведущая к формулированию достаточно четких и общезначимых в границах данного общества или социальной группы правил, критериев и установок, регулирующих интеллектуальную деятельность, позволяет отграничить стихийную и «сознательную» стадии формирования сознания.

Отсутствие четко сформулированных правил описания событий, критериев различения достоверного и вымышленного, установок на фиксацию последовательности, связи и детерминации событий и ситуаций, имевших место в прошлом, определяет основные черты стихийного этапа в развитии исторического сознания. Их можно сформулировать следующим образом.

1. Отсутствуют специальные тексты, целиком ориентированные на описание или обсуждение последовательности событий прошлого. В мифах, легендах, героиче-

ских эпосах фиксируются события и ситуации, воспринимаемые их творцами как современные, непосредственно данные. Такие события воспринимаются как прошлое лишь последующими поколениями, причем давность этих событий определяется довольно приблизительно и зачастую неверно.

2. Последовательность событий прошлого (описание поединка Гектора и Ахилла, основная битва в «Махабхарате» и т. п.) более или менее четко фиксируется в рамках отдельного эпизода. Связь и последовательность различных эпизодов условна, и сами они в рамках единого контекста легко могут быть переставлены¹. Это свидетельствует об отсутствии отчетливого понимания необратимости исторического процесса и исторического времени.

3. Отсутствует четкая хронология. В царских списках Египта, в библейских генеалогиях фиксируется лишь очередность лиц, но объективная, так называемая абсолютная хронология, временная протяженность, начало и конец событий, а также стабильные ситуации, по отношению к которым рассматриваются социальные изменения, почти не обозначены или обозначены в условной временной шкале.

4. Слабо выражено понимание причинной зависимости событий. Там, где попытки причинного объяснения все же имеют место, они носят скорее личностный и мифологический, а не социально значимый характер. Понимание последовательной детерминации социальных ситуаций почти полностью отсутствует.

5. Основной интерес к прошлому продиктован стремлением выделить стандарты поведения, нормы нравственности, образцы мудрых решений, достойных подражания. Такие стандарты и образцы используются как средство воспитания, эталон личного поведения и как критерий для оценки отклоняющегося поведения. При этом, по существу, отсутствует проблема предвидения будущего,

¹ Известно, что отдельные фрагменты «Илиады» могут быть переставлены без какой-либо потери информации. Аналогичным образом обстоит дело с «Махабхаратой» и «Рамаяной». То же самое можно сказать и о русском былинном эпосе. Хотя внутри каждой былины события разворачиваются последовательно, временная связь и последовательность самих былин, по крайней мере для их творцов и слушателей, вряд ли были ясны. См.: *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос. М., 1974; *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. М., 1977; *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960; *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958.

так как прошлое, настоящее и будущее здесь почти неразличимы.

Возникновение и оформление исторического интереса создают предпосылки для перехода к «сознательной» стадии в развитии исторического сознания, т. е. к собственно историческому познанию¹.

5. Оформление исторического познания

Изменение скорости исторического процесса было, конечно, не единственным фактором, обусловившим историческую рефлексию. Другим мощным стимулом явился переход от устного текста к письменному. Знания о прошлом, хранившиеся в мифах и в гораздо большей степени в легендах и героических эпосах, могли стать элементом общественного сознания лишь благодаря устной передаче. Это требовало, с одной стороны, точного запоминания текста, а с другой — столь же точного его воспроизведения. Подсчитано, что исполнение «Илиады» Гомера в форме пения под аккомпанемент должно было занимать около двух недель (ежедневно по три часа непрерывного исполнения), полное исполнение «Махабхараты» потребовало бы четырех месяцев, а китайского эпоса — почти года². Заучивание подобных текстов требовало гораздо больше времени и было весьма трудоемким. Передача текста от исполнителя к исполнителю нередко сопровождалась различными дополнениями, опущениями, перестановками, заменой менее понятных мест более понятными, различными вставками и т. п.³ В ус-

¹ В нашей литературе общая картина генезиса и развития исторического сознания дана И. С. Коном. Однако он не разграничивает историческое сознание и историческое познание как особые эпистемологические категории (см.: *Кон И. С. Проблема истории в истории философии. — Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Вып. 4. Томск, 1966, т. 187).

² См.: *Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос.* М., 1974, с. 28; *Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии «Троецарствия»).* М., 1970.

³ В статье Колюби и Коула из сборника, посвященного сравнительному анализу типов культуры, приводятся данные, полученные в 1960 г. в ходе полевых исследований певцов-сказителей югославского эпоса. Поэму, насчитывавшую в печатном варианте 2200 строф, один из таких певцов за счет импровизации, введения различных деталей и инноваций увеличил до 12 тысяч строф. По мнению ученых, это типичный и распространенный прием. Неизменным является лишь каркас эпоса, легенды или предания, детали же и сюжетные модификации меняются сказителем в зависимости от аудитории, эпохи и других условий. Очевидно, что это возможно лишь тогда,

ловиях, когда функционирование социальной памяти осуществлялось лишь через передачу устных текстов, пользоваться ею было весьма затруднительно.

Устный текст как материальный носитель информации создавал непреодолимые преграды для кристаллизации и выделения исторического сознания в виде самостоятельной формы¹. Даже появление письменности не привело к немедленному устранению отмеченных трудностей. Потребовалось довольно много времени, прежде чем от записи первостепенно важной информации — хозяйственных, военно-политических, религиозно-обрядовых сведений — люди перешли к записи мифов, легенд, героического эпоса и других видов преданий, содержащих информацию о прошлом. Но и тогда, когда это случилось, ценность подобной информации и ее влияние на формирование исторического сознания были невелики, ибо сами предания, например героические эпосы, складывались, как правило, на несколько веков позже, чем совершались описываемые в них события, а между периодом их оформления и записью протекало еще несколько веков.

Таким образом, сама по себе запись устного текста составляла лишь предпосылку «сознательной» стадии в формировании исторического сознания. Наступление этой стадии может быть зафиксировано как со стороны формы, так и со стороны содержания. Новой формой стала греческая проза, одним из создателей которой явился «отец истории» Геродот².

когда историческая достоверность вплоть до деталей не входит в систему культурных ценностей и не является осознанным правилом передачи информации (*Modes of Thought: Essays of Thinking in Western and non — Western Societies*. L., 1973).

¹ О трудностях, возникающих при использовании устных текстов для реконструкции исторического прошлого, см.: Источниковедение африканской истории. М., 1977, с. 67—93.

² Было бы, на наш взгляд, довольно сильным преувеличением считать, как это делает А. В. Гулыга, что историческое сознание возникает лишь в эпоху Возрождения благодаря книгопечатанию: «Для того, чтобы историческое сознание заняло подобающее ему место в духовной жизни общества, нужны иные формы социальной памяти, чем устная традиция. Таковыми являются наука и искусство, опирающиеся на современные средства массовой коммуникации. Первым из них была печатная книга. Не Геродот, а Гутенберг — подлинный отец исторического сознания» (Тезисы докладов межвузовской научной конференции «Современные проблемы философии истории». Тарту, 1979, с. 16—17). Парадоксальный этот тезис явно противоречит тому факту, что наука и искусство возникли до книгопечатания, а тем более до появления современных средств массовой коммуникации. Две

Переход от поэтической формы к прозаической выражал отчетливую установку не на запоминание, но на повторное чтение и даже анализ текста, установку, чуждую предшествующему этапу и порожденную новым содержанием — выделением исторического познания в структуре исторического сознания. Начиная с этого времени историческое познание складывается уже не стихийно, а сознательно, оно предполагает некоторые, хотя и не всегда четко сформулированные, правила, критерии и установки, иными словами, историческую рациональность.

Понятие «рациональность» многозначно¹. Во избежание недоразумений укажем лишь на то его значение, которое принято в настоящей работе и имеет непосредственное отношение к обсуждаемым в ней проблемам.

Рациональность понимается как замкнутая самодостаточная система правил, критериев и эталонов, являющихся общезначимыми и имеющими одинаковый смысл для всех членов данного социума (профессиональной или социальной группы, класса, этнической общности и т. д.). Общезначимость и самодостаточность означают, что члены таких коллективов одинаково понимают и используют данные правила, критерии и эталоны и не нуждаются в каких-либо дополнительных установках и правилах для выполнения данной деятельности. В каждом обществе, следовательно, возможно наличие нескольких различных типов рациональности для различных устойчивых или кратковременно существующих коллективов и групп. В этом смысле рациональными могут быть правила придворного этикета, уличного движения, математического доказательства, медицинского диагностирования и т. п. Это не исключает того, что правила, критерии и эталоны,

тысячи лет, отделяющие Геродота от Гутенберга, заполнены сотнями исторических трудов, летописей и хроник. Наличие исторического сознания в этом промежутке времени совершенно бесспорно, и процитированные слова можно рассматривать как некоторый косвенный результат влияния «Галактики Гутенберга» Маклюэна (*McLuhan M. Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man. Toronto, 1962*).

¹ Предлагаемое здесь понимание рациональности радикально отличается от концепции рациональности, выдвинутой М. Вебером и особенно распространенной среди исследователей, работающих в области социологии знания. Вебер применял это понятие прежде всего к экономике, а также к системам управления и государственной власти, рассматривая рациональность как формальную исчислимость, калькулируемость (см.: *Вебер М. История хозяйства*. Пг., 1923, с. 10, 15, 212—220). Подробнее о концепции Вебера см.: *История буржуазной социологии XIX — начала XX века*. М., 1979, с. 278—282.

рациональные для членов определенной общности, могут казаться другим людям или коллективам несовместимыми с их собственными, а потому и нерациональными.

«Историческая рациональность» представляет собой частный вид рациональности. Она охватывает набор общезначимых правил, критериев и эталонов, предназначенных для построения систематизированных знаний о прошлом, правил, принятых членами определенной группы — историками. Признание данной рациональности всеми или большинством членов коллектива (безразлично, формального или неформального) само по себе еще не обеспечивает идентичности получаемых ими результатов, ибо правила могут нарушаться или по-разному выполняться различными людьми. Историческая рациональность сама изменяется и в различные эпохи включает различные правила, критерии и эталоны.

Между понятиями «сознание» и «познание» существует трудноуловимая, но тем не менее важная гносеологическая грань. Ее обнаружение затрудняется тем, что по своей лексической и этимологической форме русские слова «сознание» и «познание» очень близки и легко замещают друг друга, не приводя к серьезным недоразумениям. В германоязычной литературе для обозначения соответствующих понятий используются различные слова, например *Bewußtsein* и *Erkenntnis* в немецком языке или *conscience* и *knowledge* — в английском. Разумеется, гносеологическая проблематика не растворяется в лингвистической, но последняя накладывает свой отпечаток на рассматриваемый вопрос.

В понятиях «сознание» и «познание» фиксируются как соответствующие процессы, так и их результаты. В любой предметно-практической деятельности можно выделить как собственно предметно-орудийную, так и подчиненную ей обычно познавательную деятельность. Результат познавательной деятельности составляют знания об объектах, орудиях и правилах предметно-практической деятельности. Эти знания включаются в общую структуру сознания наряду с результатами других видов когнитивной деятельности, к числу которых относятся эмоциональная деятельность, выработка этических норм, художественное освоение действительности и т. п. Все они в большей или меньшей степени связаны, переплетаются и на ранних этапах генезиса общественного сознания как бы растворены друг в друге. И все же познавательную деятель-

ность и ее результаты следует, хотя бы в абстракции, выделить из общей системы сознания.

В поступательном движении почти всех цивилизованных народов наступает момент, когда познавательная деятельность в силу ряда объективных условий и причин выделяется из деятельности предметно-практической. Ее объектами становятся самые разнородные феномены: элементы общественного бытия, космос, природа и некоторые формальные (математические) ситуации. При достижении достаточно высокого уровня производительности общественного труда, социального, и в частности классового, деления познавательная деятельность обособляется и приводит к выработке знаний, которые непосредственно не включаются в предметно-практическую, производственную и социально-политическую деятельность. Примером могут служить астрономические, физические, биологические и особенно математические знания, обнаруживаемые прежде всего в античной науке и философии. Многие из таких знаний находятся в очень сложной зависимости от общественного бытия и по уровню теоретической обработки недоступны подавляющей части населения соответствующих стран.

Превратившись в каком-то смысле в самоцель познавательной деятельности и став достоянием относительно ограниченной группы профессиональных ученых и философов, такие знания начинают оказывать как бы обратное влияние на процесс, приведший к их возникновению, и предъявляют к нему все более жесткие требования, которые прежде всего касаются систематизации. Нельзя сказать, что миф, эпос, законы Хаммурапи или Солона бессистемны. Однако их систематичность эпизодична и ограничена. Другим важным требованием является противопоставление истинных знаний ложным. Разумеется, и на стихийной стадии формирования сознания интуитивно осуществлялось разграничение такого рода. Однако с обособлением собственно познавательной деятельности возникают четко сформулированные критерии, правила, оценки истинных и ложных утверждений. У античных философов досократического периода они еще эпизодичны, но уже у Платона и особенно у Аристотеля обретают форму стройного учения. Сама взаимосвязь предметно-практической и познавательной деятельности резко меняется, все акценты переставляются. Если во всех формах предметно-практической, социально-политической и даже религиозной деятельности познание

подчинено некоторым утилитарным целям и оценивается лишь по тому, насколько оно содействует их достижению, то обособление познавательной деятельности, ее относительная самостоятельность выдвигают на первый план поиски истины, а предметно-практическая деятельность начинает рассматриваться лишь как одно из возможных средств установления истины.

Объективно детерминированное противопоставление познавательной деятельности как способа выработки истин всем другим видам познавательной активности захватывает, насколько можно судить, почти одновременно важнейшие формы общественного сознания, включая историческое. Начиная с момента отчетливого обособления исторического познания ориентация на фактическую истинность является его важной внутренней характеристикой. Хотя Геродота нередко называли не только «отцом истории», но и «отцом лжи», а Плутарх даже обвинял его в преднамеренной «злостности»¹, сам он, описывая целый ряд событий и поступков, вызывавших у него некоторые внутренние сомнения или неуверенность, считал необходимым отметить недостоверность своего описания услышанного и увиденного, оговариваясь, что не обязан сам и не заставляет других в это верить. Разумеется, ни в его знаменитой «Истории», ни в трудах шедших за ним Фукидида и Ксенофана нет четкой концепции исторической истины, но требование правдивого повествования прослеживается довольно отчетливо, как требование, ставшее достоянием античной философии. А. С. Лаппо-Данилевский, большой знаток этого вопроса, отмечает, что требование истинности исторического повествования было совершенно отчетливо поставлено в трудах Цицерона и Лукиана².

Обособление исторического познания и выделение его в рамках исторического сознания в особую профессиональную деятельность протекало одновременно с выделением других отраслей профессионального познания, причем нередко даже с некоторым опережением³. Первым актом этого процесса следует считать создание письменных текстов греческого эпоса в VII веке до нашей эры. Инте-

¹ См.: *Лурье С. Я.* Геродот. Приложение 1. Сочинение Плутарха. «О злокозненности Геродота», с. 161.

² См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. I. Пг., 1923, с. 60, 64.

³ См.: *Лурье С. Я.* Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М., 1947.

ресно, что текстуализация, т. е. оформление в виде единого текста, и запись Библии происходили примерно в то же время. Удивительная синхронность этих событий и некоторых сходных феноменов в восточных культурах даже дала К. Ясперсу повод для выделения особого осевого времени — эпохи формирования наиболее важных культур и цивилизаций человечества.

Примерно в то же время в связи с расцветом многочисленных греческих государств-полисов, распространением грамотности и культуры происходит быстрое накопление других текстовых записей, реализующих в себе некоторый материальный механизм социальной памяти. До этого основными носителями и хранителями такой памяти были мудрецы, старейшины. С. Скрибнер и М. Коул замечают, что смерть каждого такого хранителя социальной памяти по своему значению для соплеменников была равноценна пожару библиотеки¹. Создание письменных текстов не только позволило надежно хранить и точно передавать знания о прошлом, но и содействовало быстрому их накоплению. Впервые стало возможно отделять импровизации от основного каркаса исторического повествования, анализировать, сравнивать, сопоставлять и даже критиковать тексты. Критицизм, это неотъемлемое свойство всякой науки, появился и стал распространенным явлением в V—IV веках до нашей эры в неразрывной связи с генезисом исторического познания.

«История» Геродота знаменует новый этап выделения и обособления исторического познания. Несмотря на ряд объективных недостатков, в этом труде отчетливо прослеживаются специфические черты профессиональной познавательной деятельности.

Первым внешним признаком, знаменующим оформление исторического познания как особой структуры, возникающей в рамках исторического сознания, но целиком ориентированной на изучение прошлого, является индивидуальное авторство. Вопрос об авторе исторического текста начинает играть немаловажную роль для определения ценности, истинности, объективности и непредвзятости содержащейся в нем информации. Правда, и эпические тексты, и отдельные книги и фрагменты Библии имеют своих авторов (Гомер, Вальмики, Вьяса, Исая, Даниил и другие), но это авторство не всегда надежно,

¹ См.: Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977, с. 156.

чаще полулегендарно. Напротив, Геродот, Фукидид, Ксенофан, Тит Ливий, Полибий, Нестор, Прокопий Кесарийский и другие — реальные личности, представители определенных социальных групп, выразители определенных эпох, социально-политических взглядов, этнических и культурных установок. Поэтому личностный характер рассматривается многими методологами, эпистемологами и философами как важная отличительная черта исторического познания.

Особо следует отметить то, что историческое познание, сформировавшееся в качестве самостоятельной отрасли познавательной деятельности, с самого начала выступает как эмпирическая форма познания. И если вообще эмпиричность можно рассматривать как один из критериев научности, то историческое познание демонстрирует его уже в трудах своих первых представителей и с большей отчетливостью, чем многие отрасли естественно-научного познания. Буржуазный философский эмпиризм вообще игнорировал историческое познание как ненаучное, вследствие чего специфика эмпирических процедур построения исторического знания оказывалась за пределами серьезного логического и эпистемологического анализа. Там же, где на них все-таки обращали внимание (Юм, Милль, Конт), они резко противопоставлялись эмпирическим процедурам естественных наук. Поэтому одной из центральных задач исторической эпистемологии, развиваемой в рамках материалистического понимания истории, является исследование этой стороны дела.

Обособление исторического познания в недрах исторического сознания, сводящееся к обособлению рациональной, когнитивной деятельности, целиком ориентированной на изучение прошлого, ни в социальном, ни в гносеологическом плане не означает преодоления стихийной, нерационализированной формы фиксации прошлого в сознании общества. Напротив, эта форма сохраняется и поныне во всех социальных структурах и выполняет функцию сохранения, накопления и передачи исторического опыта, функцию социального самосознания, самоидентификации данного общества, функцию самосохранения этнической целостности, культурной общности и преемственности. Историческое сознание всегда вырабатывается в большей или меньшей степени членами данного общества как социально-экономической и этнической целостности, хотя при этом они, разумеется, не осознают в отчетливой рациональной форме тех критериев, установок и

правил, которым подчиняется их собственное историческое сознание.

Напротив, историческое познание как подструктура исторического сознания, служащая, по существу, тем же функциям, гораздо более рационально и на определенных этапах развития оказывается совершенно рациональным. Носителем этой исторической рациональности становится особая профессиональная группа — профессиональные историки, целиком или преимущественным образом занятые историческими исследованиями. Результаты их деятельности — исторические знания — включаются в содержание различных форм общественного сознания, образуя их внутренние структурные элементы и выполняя определенные функции, присущие этим формам. Поскольку историки сами являются членами различных социальных групп и включены в систему групповой деятельности, их специальные исследования в той или иной мере несут на себе печать этой деятельности, так или иначе фиксируя ее в соответствующих исторических знаниях. Между историческим сознанием как целым и историческим познанием как его специализированной подсистемой существуют сложные взаимосвязи и зависимости, накладывающие определенный отпечаток на характер и структуру исторического знания. Поэтому дальнейшее исследование исторического познания требует более пристального внимания к другим компонентам общественного сознания, в рамках которого оно продолжает функционировать и после своего обособления.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

1. Системный подход

Историческое познание есть отражение прошлого во всех его многообразных проявлениях. Это прошлое образует историческую реальность, которая существует объективно, вне отражающего ее сознания и выделяющегося из него профессионального исторического познания. В отличие от реальности природы реальность общества обладает рядом специфических черт. Изучая общественную реальность, человек познает прежде всего самого себя как родовое существо со всеми специфическими проявлениями своей сущности. В этом качестве он представляет для себя наибольший интерес и стремится к максимальной полноте и всесторонности познания всех связей, отношений, закономерных и случайных моментов своей общественной жизни. Отсюда возникает разнообразие подходов к общественным явлениям и точек зрения на общественное развитие. Будучи существом социальным, человек фиксирует в своих знаниях об обществе не только объективные свойства, события, индивидуальные действия и общественные процессы, но и свою оценку этих явлений, обусловленную его положением в обществе. Сложность общественной жизни дополняется сложностью самого процесса познания. Поэтому эпистемологический анализ исторического познания с самого начала должен учитывать его особую усложненность. Средством построения концептуального аппарата, соответствующего этой познавательной ситуации, является современный системный подход¹.

Начиная с середины XX века понятия «система», «структура», «системный подход» прочно вошли не только в научный, но и в повседневный язык. Получив широ-

¹ См. подробнее: *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М., 1980.

кое распространение, они, как это часто бывает, утратили первоначальное строго научное значение, полученное ими в специальной сфере исследований. Эти исследования были вызваны необходимостью управления сложными техническими системами (телефонной связи, противовоздушной обороны, транспортных перевозок в большом городе и т. п.). Такие системы, состоящие из миллиардов взаимодействующих элементов и требующие особых методов управления, связанных с быстрым принятием ответственных решений, не могут быть изучены и описаны обычными классическими методами.

Появление систем повышенной сложности привело к созданию целого ряда дисциплин, выработавших концептуальный аппарат, пригодный для их описания и теоретического познания. Очень скоро было обнаружено, что он может с успехом применяться и для исследования живых организмов, и в частности человека, а также ряда общественных систем, например системы производства. Обобщение этого концептуального аппарата и распространение его на другие области и привели к созданию системного подхода. Его успехи были в значительной степени обусловлены применением и постоянным усовершенствованием быстродействующих электронно-вычислительных машин (ЭВМ). Это открыло для системного подхода новые сферы применения. Однако, как и всякий научный метод, созданный для решения определенного, хотя бы и обширного, класса задач, он не может считаться универсальным и всеобъемлющим и рассматриваться как альтернатива философской методологии.

Тем не менее «системная» терминология продолжала охватывать все новые и новые сферы научных исследований и стала нередко употребляться там, где, строго говоря, в этом не было никакой необходимости. Небрежное и необоснованное применение системной терминологии за пределами адекватных ей ситуаций, естественно, вызвало у многих серьезных ученых скептическое и даже негативное отношение к системному подходу вообще. Этот «системный нигилизм» можно и нужно понять, но с ним нельзя согласиться, ибо остается еще немало областей познания, где возможности системного подхода далеко не исчерпаны и где он может оказаться эффективным при решении и обсуждении ряда проблем. Одной из таких областей является исследование исторического познания, особенно в связи с его отношением к исторической реальности.

Что же в самом историческом познании и в исторической реальности дает повод для применения системного подхода и порожденных им системных понятий? Чтобы ответить на этот вопрос, следует сравнить традиционное и современное понятие системы, а также уяснить, для решения каких познавательных задач применяется системный подход.

Понятие «система» широко применялось в классическом естествознании и философии XVII—XIX веков. Несмотря на большое разнообразие контекстов, в которых оно использовалось, им всем было присуще нечто общее. Шла ли речь о системе декартовых координат, о системе чисел, системе механических тел, системе природы (Гольбах) или системе познавательной (Кондильяк, Гегель), во всех случаях подразумевалось некоторое множество связанных и особым образом организованных элементов. Как именно связаны и организованы эти элементы — механическими взаимодействиями (Ньютон, Лагранж) или законами диалектической логики (Гегель), — зависело от содержания систем. Никакого более глубокого смысла и никакого назначения, кроме противопоставления организованного хаотическому, здесь не было.

Напротив, современное понятие системы порождено необходимостью изучать особый класс систем — сложные системы, насчитывающие обычно порядка не менее 10^9 взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Так как каждый элемент может взаимодействовать с несколькими другими, а группы элементов, объединенные в подсистемы, могут характеризоваться большим числом различных параметров, то описание подобной системы, выполняемое даже быстродействующей ЭВМ, заняло бы десятки, а то и сотни лет (особенно если учесть исчезновение одних и появление других элементов и прочие изменения).

Поэтому современный системный подход разрабатывает особую процедуру упрощения, позволяющую создать некоторое множество упрощенных моделей, имитирующих или замещающих (в определенном отношении) исходную систему. Такие модели должны допускать адекватный обратный переход к исходному моделируемому объекту без потери информации, существенной для его понимания. Так как подобные модели могут выполняться в другом субстрате, в другой форме, нежели моделируемый объект, то вся процедура требует разработки концептуального аппарата, который позволял бы сопо-

ставлять моделирующую и моделируемую системы и производить переход от одной к другой. В большинстве случаев моделирование производится с помощью ЭВМ и предполагает учет в модели количественных параметров исходного объекта. Однако и там, где количественное описание, измерение и формальное представление объекта невозможны или недостаточно адекватны, соответствующий концептуальный аппарат может оказать большую эвристическую помощь в исследовании качественно разнородных систем, связанных некоторым внутренне необходимым образом. Именно это и имеет место при изучении взаимосвязи, взаимодействия и взаимозависимости исторического познания и исторической реальности, которые могут рассматриваться как две развивающиеся системы.

Посмотрим теперь на дело с другой стороны. В процессе познания определенных сфер действительности постепенно вырабатываются совокупности понятий и представлений, обладающих более или менее устойчивыми смыслами и значениями, приспособленными для отражения той или иной сферы. Такие совокупности встречаются как в обыденном, так и в научном мышлении, где они очерчены более четко и определены с большей однозначностью. Можно называть их концептуальными синтагмами или просто *синтагмами* (греческое слово «синтагма» означает «вместе построенное, соединенное»). Понятия, входящие в данную синтагму, как правило, не могут применяться в том же смысле и с тем же значением в другой сфере действительности, в рамках иной синтагмы.

Однако в развитии познания, в том числе научного, часто совершается перенос, экстраполяция отдельных понятий и целых синтагм на новые объекты. Укажем на такие примеры, как перенос понятий «сила», «тело», «масса», «поле», «ток» (течение) из обыденного языка в классическую физику; понятий «класс», «тип», «вид» — из биологической классификации в социальную; понятий «структура», «диахронность», «синхронность» и т. п. — из структурной лингвистики в структуралистскую этнографию и этнологию. Подобные процессы характеризуются следующими тремя моментами:

1. Перенос синтагмы в новую область сопровождается частичным или полным переносом прежних значений и смыслов. Это отчасти мешает адекватности понимания, но в то же время позволяет увидеть, «высветить»

в новой области связи, свойства и отношения, которые иным образом вряд ли удалось бы обнаружить.

2. Понятие прежней синтагмы трансформируется, наполняется новым смыслом и значением и при повторном переносе в прежнюю область используется там для построения новых знаний.

3. Прежняя синтагма целиком трансформируется, а отдельные элементы новой сохраняют лишь внешнее лексическое сходство с понятиями других синтагм.

Возникает вопрос: в какой мере эти моменты влияют на исследование исторического познания и исторической реальности, коль скоро на них распространяется концептуальная синтагма системного подхода? Все три указанных момента «работают» здесь в полной мере. Односторонность в оценке целесообразности системного подхода к исследованию исторического познания и исторической реальности возникает лишь при их метафизическом разрыве и абсолютизации.

Непосредственный перенос системной синтагмы из сферы ее технических приложений в сферу истории приводит к огрублению и искажению познания исторической реальности. Это, впрочем, случается и в других областях познания при неумеренном увлечении новыми методами исследования, их некритическом применении (вспомним хотя бы попытку лечить все болезни пенициллином и рассматривать его как магическое универсальное лекарство). Вместе с тем увлечение, неумеренность и некритичность не должны служить поводом для отказа от использования концептуального аппарата системного подхода в целях анализа проблем исторического познания, анализа, осуществляемого в рамках исторической эпистемологии, развивающейся на основе диалектического и исторического материализма.

Чтобы избежать этих крайностей, следует рассматривать системный подход не как панацею от всех зол и не как пустую дань формализму, но как полезное вспомогательное методологическое средство, способное облегчить решение и обсуждение целого ряда вопросов исторического познания. Вместе с тем и в данном случае требуется известная трансформация системной синтагмы, ее приспособление к новой предметной области. Входящие в нее понятия должны быть дополнены новыми, а прежние видоизменены так, чтобы они могли правильно отражать историческую реальность и историческое познание в их связи, развитии и взаимодействии.

Вот почему следующим шагом должно стать введение важнейших понятий, необходимых для решения этой задачи.

2. Некоторые определения и пояснения

Понятия и определения, вводимые в этом параграфе, не являются строгими и формальными, ибо их цель — служить, скорее, пояснением, сделать изложение понятным, а не безукоризненным в логическом смысле¹.

Начнем с понятия «система», которое фиксирует как специфику объекта, так и метод его познания. Оба эти момента следует постоянно иметь в виду при рассмотрении интересующих нас проблем.

Сложный объект *A* называется системным или просто *системой*, если: 1) имеется определенный метод, позволяющий конечным числом шагов выделить в нем различные подсистемы, затем подсистемы этих подсистем и т. д. вплоть до отдельных элементов, которые в рамках данного исследования и данным методом не могут быть разделены на составляющие; 2) все подсистемы (компоненты) и входящие в них элементы взаимно связаны по меньшей мере с одним другим элементом или подсистемой и нет таких, которые бы не находились в связи с другими образующими системы; 3) все компоненты системы разбиты на уровни (уровни определяются свойствами компонентов и набором операций, с помощью которых эти компоненты, а также их связи, свойства и отношения выделяются и фиксируются; низший элементарный уровень образуется взаимосвязанными элементами; между различными уровнями также существуют связи; если система не разбивается сразу на отдельные элементы, то она является иерархической); 4) связи между элементами и компонентами осуществляются через фиксированные конечные наборы отношений и преобразований.

Специфическая особенность системного подхода — признание того, что характер системы зависит не только от ее объективных свойств, но и от способа членения, идущего «сверху вниз». В классических науках, исходивших из общей механистической методологии (в широком

¹ Подробное освещение данного вопроса со всеми необходимыми определениями читатель найдет в книгах: *Ракитов А. И.* Философские проблемы науки. М., 1977; *его же*: Курс лекций по логике науки. М., 1971.

смысле), считалось, что описание и познание системы однозначно определяется описанием и познанием ее элементов. Этот редукционистский подход сводил систему к ее элементарным образующим, не учитывая возможность других членений, относительную условность элементарного уровня и почти полностью игнорируя важное значение связей внутри системы и реализующих их отношений. Последующее развитие науки, и особенно обществоведения, показало ограниченность, а во многих случаях и ошибочность такого подхода.

Для познания такой сложной системы, как общество, отнюдь не безразлично, принимается ли за его элемент отдельный человек или некоторая минимальная социальная ячейка — социальная группа. В первом случае мы имеем дело с буржуазной «робинзонадой», как называл этот подход К. Маркс, во втором случае — с предпосылками научного подхода к обществу. Точно так же для исследования живого организма безразлично, рассматриваем ли мы в качестве его элементов отдельные органы, клетки и т. д. или включаем в рассмотрение также и функциональные, причинные и другие связи, отношения и преобразования.

Фиксация в определении системы понятия «связь» и указание на то, что связи реализуются через отношения, имеет принципиальное значение. Это создает возможность эмпирического, а в более широком смысле предметно-практического исследования систем. Дело в том, что объективные связи (если, конечно, не иметь в виду веревку, связывающую два предмета) не даны непосредственно в чувственном восприятии и фиксируются лишь в абстракциях, конструируемых с помощью особых логических процедур. Напомним хотя бы связи между общественно необходимым трудом и стоимостью, между потребительной и меновой стоимостью, между ценой, спросом, предложением и стоимостью, проанализированные К. Марксом в «Капитале». Все они устанавливаются и выявляются в ходе теоретического исследования реализующих их отношений, которые могут быть чувственно восприняты, зафиксированы и образуют поэтому эмпирическую базу соответствующих абстракций.

Что же такое *отношение*? Проще всего ответить на этот вопрос (в рамках теории множеств), указав, что отношения задаются устойчивыми наборами предметов произвольной природы. Каждый такой набор, поскольку он может быть зафиксирован и описан, а также отличен

от других, задает вполне определенные отношения и фиксирует устойчивые связи между предметами. Если он и подобные ему наборы встречаются часто и представляют какой-либо интерес для человека, то они получают особое наименование, которое представляет собой понятие о соответствующих совокупностях (наборах) и входящих в них предметах (но не о самих по себе, а как об элементах данной совокупности).

Так, наборы чисел (2, 5), (1, 4), (25, 93)... и т. д. задают определенное отношение, а именно — математическое отношение «...меньше...» (пустое место или многоточие заполняется обозначениями соответствующих чисел). Соответственно наборы (5, 1), (4, 2), (22, 11)... и т. д. задают отношение «...больше...». Разумеется, при этом учитывается порядок элементов в каждом наборе. Определенные группировки людей вместе с выполняемыми ими действиями задают отношения родства, подчинения, сотрудничества и т. д. Однако было бы невозможно пользоваться таким способом определения отношений на практике, если бы люди не обладали способностью фиксировать наиболее часто встречающиеся, важные в практическом или познавательном смысле отношения посредством языка в особых терминах-понятиях. При этом в соответствующих понятиях или абстракциях отражаются и закрепляются как состав, так и порядок расположения или последовательность элементов соответствующих наборов. В познавательной деятельности такими понятиями пользуются для частичного или полного отождествления сходных наборов (распознавание) или для разграничения несходных.

Категория «отношение» позволяет понять и объяснить категорию «свойство». *Свойство* является частным, но чрезвычайно важным видом отношения. Это следует иметь в виду при анализе сложных систем. Понятия, выражающие отношение, обычно четко фиксируют множественность элементов в наборе. Если все элементы, кроме одного, в каком-то смысле и при каких-то условиях рассматриваются как неизменные, самоидентичные, постоянно повторяющиеся, то в этом случае понятие относится лишь к одному встречающемуся в сходных наборах элементу. Такое понятие рассматривается как выражение свойства. В самом деле, понятие «красный» фиксирует свойство некоторого предмета. При более тщательной проверке оказывается, что мы имеем дело по меньшей мере с трехчленным отношением: «Данный

предмет вызывает при данных условиях у человека со здоровой зрительной системой ощущение красного цвета». Предполагается, что условие (освещение) и состояние зрительной системы всегда одни и те же и что при этих условиях рассматриваются все другие предметы; поэтому в понятии «красный» наличие этих постоянных условий в явной форме не фиксируется и возникает впечатление, что знание о свойствах может относиться к единичным изолированным предметам, вне их отношений к другим. Все эти сведения и пояснения не раз пригодятся нам при сравнительном анализе естественнонаучного и исторического познания, прежде всего при рассмотрении проблемы исторической индивидуальности.

Категории «свойство» и «отношение» позволяют теперь точнее определить понятие «структура».

Став распространенным и даже модным благодаря успехам структуралистского направления в лингвистике (Ф. Соссюр), затем в биологии (Л. Берталанфи) и, наконец, в этнографии (К. Леви-Строс), понятие «структура» получило широкое распространение и в исторических исследованиях. Сошлемся как на один из последних примеров на коллективную монографию «Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса»¹, в которой это понятие является центральным и определяет методологический ракурс всего исследования. К сожалению, в ней нет достаточно четкого и корректного определения понятия «структура».

Любые отношения могут быть охарактеризованы с трех точек зрения: со стороны качества своих элементов и компонентов, со стороны общих формально-логических свойств и со стороны действий и операций, необходимых для распознавания элементов и компонентов отношения или для включения их в данный набор. Рассмотрим две последние точки зрения.

Понятия «больше» и «старше» обозначают качественно различные отношения; в первом случае — между числами, во втором — между людьми. Несмотря на качественное различие элементов, эти отношения обладают одинаковыми формально-логическими свойствами. Например, если x больше y , а y больше z , то x больше z ; аналогично из того, что Иванов старше Петрова, а Петров старше Сидорова, следует, что Иванов старше Сидорова. Это формальное свойство переноса отношений

¹ Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.

«больше» и «старше» при определенных условиях называется логической транзитивностью. Существуют и другие логические свойства отношений, которые мы не будем здесь рассматривать и определять, позволяющие сравнивать различные по содержанию отношения и даже отождествлять их. В частности, рассмотренные только что отношения в формально-логическом смысле тождественны. Отношения, охарактеризованные со стороны своих формальных свойств, называются формальными структурами.

Отношения можно сравнивать и на основании практических или исследовательских процедур, необходимых для их распознавания или конструирования. Например, для установления старшинства по возрасту необходимо проверить свидетельства о рождении соответствующих лиц. Для установления отношения «больше» необходимо произвести определенные арифметические действия. Поэтому в содержательном смысле указанные отношения различаются. Если у различных по качеству элементов отношений могут быть зафиксированы идентичные процедуры распознавания или конструирования, то такие отношения обладают идентичными содержательными структурами. Полная структура предполагает описание как формальной, так и содержательной структур данных отношений.

Теперь можно указать на тесную связь понятий «система» и «структура». Так как связи между компонентами и элементами в системах реализуются через различные отношения, то системы включают в себя некоторое множество тех или иных структур. Часто случается, что одни и те же образующие системы одновременно включают в себя несколько различных структур. Такие системы можно называть *полиструктурными*¹. Полиструктурные системы в природе и обществе встречаются неизмеримо чаще, чем системы моноструктурные, и, как правило, характеризуют абстрактные теоретические построения, требующие порой предельных упрощений.

Одним из первых создателей системно-структурного подхода в исследованиях социальных явлений был К. Маркс², который, кстати, прекрасно понимал, что

¹ Понятие полиструктурных систем было введено автором в докладе, сделанном на методологическом семинаре «Структуры и системы в науке» в 1963 г. (см.: Вопросы философии, 1964, № 1, с. 159).

² См. подробнее: Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

структура есть реализация определенных устойчивых отношений. Эта мысль отчетливо прослеживается в знаменитой формулировке, гласящей, что базис общества, т. е. его экономическая структура, представляет собой совокупность производственных отношений.

Очень важным по значению является особый класс отношений — *преобразования*. В науке и на практике мы встречаемся с ними повсеместно. Преобразования представляют собой отношения между элементами или компонентами системы, фиксирующие: превращение одних качественных элементов и компонентов в другие; образование новых элементов и компонентов, идентичных старым по качеству; исчезновение и разрушение качественно определенных компонентов и элементов.

Все системы можно разделить на три основных класса.

Стабильными называются системы с фиксированным набором подсистем, элементов и отношений. Число и состав структур в них также являются неизменными. Эта стабильность имеет смысл лишь для определенного интервала времени. Примером стабильной системы может служить многоквартирный дом, пространственные структуры и технические коммуникации которого практически не изменяются в течение многих лет.

Функционирующие системы обладают фиксированным конечным набором подсистем и элементов и определенных преобразований. Расположение и взаимодействие образующих системы под воздействием этих преобразований меняется. Но в конце соответствующего интервала времени начальное и конечное состояния системы совпадают. Такой интервал называется периодом, а набор всех осуществляемых преобразований — *циклом*. Солнечно-планетарная система и обычные механические часы являются примерами таких систем.

Наиболее важными для исторического познания являются развивающиеся, или *динамические*, системы.

Динамические системы характеризуются следующими чертами:

а) в них имеются как фиксированные, конечные наборы подсистем, так и нефиксированные, а также неопределенные для всего интервала рассмотрения элементы;

б) им присущи основные и неосновные наборы преобразований, число которых не обязательно фиксировано;

в) в рассматриваемый интервал времени в результате осуществления тех или иных преобразований меняется качественный и количественный состав подсистем и элементов.

Изучение динамических систем, особенно сложных, представляет большую трудность. Разграничение стабильных, функционирующих и динамических систем довольно условно и имеет смысл лишь в определенных временных интервалах. Причем динамические системы включают в себя функционирующие и стабильные подсистемы или обнаруживают их свойства при определенном ракурсе рассмотрения.

Такова самая общая классификация систем.

Несмотря на крайнюю лаконичность изложения, введенное здесь понятие системной синтагмы не только позволяет прояснить ранее сказанное, но и в определенной мере задает ориентиры дальнейшего обсуждения.

3. Основные структуры, применяемые для познания исторической реальности

Историческая реальность представляет собой, быть может, самую сложную из известных нам динамических систем. Судьбы миллиардов людей и их поступки, множество союзов и войн, тысячи племен, городов и государств, религиозных и политических организаций, давно исчезнувших или существующих и поныне, предстают перед мысленным взором историка. Необычайное смешение языков, обычаев, мифов, пестрая картина бытовых подробностей и великих культурных движений — все это производит настолько ошеломляющее впечатление, что нередко даже сильные умы поддаются скептическому сомнению в возможности познать прошлое, а тем более познать его адекватно.

Что же, однако, означает само познание, в том числе познание истории? Гетевский Фауст, размышляя над этим вопросом, обращает внимание своего незадачливого ученика на то, что человечество платит за познание дорогой ценой, а иногда и жизнями не в меру пытливых исследователей. Вопрос, по существу, остается без ответа. И все же мы можем с уверенностью сказать: знакомство с развитием познания, особенно научного, позволяет очертить в общем виде самое основное, что выделяет, отражает человеческая мысль в изучаемой реальности. Предмет познания можно определить как совокупность

основных специфических структур¹, включая образующие их элементы и компоненты. Их четкое понимание дается не сразу. Тем не менее, пробиваясь к необходимости сквозь хаос случайностей, к регулярному сквозь завесу неповторимого, разум всегда оказывается в состоянии выделить, хотя бы в самом общем виде, наиболее специфические отношения и элементы, характеризующие данный объект именно как данный. Применительно к исторической реальности это означает, что мы должны выделить в ней в первую очередь отношения, которые характеризуют ее именно как историческую. Они и определяют основные структуры, делающие возможным познание предшествующего развития общества. Перейдем к их краткой характеристике.

1. Прежде всего следует указать, что свойство историчности «маскирует» определенное временное отношение. Данное свойство отчетливо обнаруживается лишь тогда, когда мы фиксируем отношение отнесенности к прошлому. Будем называть утверждение «А совершилось в прошлом» простым предшествованием². В этой форме устанавливается лишь противопоставление прошлого настоящему, современности. Однако подобное противопоставление никак нельзя назвать элементарным, так как само понятие современности (не в физическом, а в историческом смысле слова) нуждается в тщательном анализе и определении. Если современность (T) представить точкой на временной оси, изображаемой прямой линией, то в следующий момент эта точка сама окажется в прошлом. Зыбкость, неопределенность, неуловимость «современности», интерпретируемой подобным образом, делает и понятие «прошлого» недостаточно четким. Поэтому современность следует рассматривать не

¹ Против этого можно возразить, что сведение познания к изучению структур может привести к игнорированию многообразия материальной действительности и чревато опасностью формализма. Такое возражение было бы верным, если бы имелись в виду лишь формальные структуры, целиком абстрагирующиеся от предметно-практической деятельности и включенных в них объективных элементов и компонентов системы. Однако с учетом определений, данных в предыдущем разделе, а также того, что полные структуры сами объективны и не создаются человеком, а обнаруживаются им в самой действительности, данное возражение утрачивает силу.

² Здесь и в дальнейшем речь идет лишь о социально значимых событиях, ситуациях и процессах. Без этого уточнения простое предшествование выходит за рамки истории человечества и может быть отнесено к феноменам истории природы и использовано для построения так называемой естественной истории.

как совокупность некоторых точек на временной оси, но как некоторое множество взаимосвязанных социально значимых событий, зафиксированных в некотором временном интервале. При таком подходе простое предшествование приобретает форму « A предшествует T », где T обозначает современность в ее последней интерпретации. Мы покажем в заключительных главах этой книги, какие эпистемологические проблемы поднимает перед исследователем это исходное историческое отношение.

2. Вторым важным отношением, возникающим как усложнение и развитие простого предшествования, является отношение упорядоченности в прошлом. Оно имеет форму « A предшествовало B ». При этом подразумевается, что каждое из событий (ситуаций, процессов), обозначаемых через A и B , отделено некоторым интервалом от современности. Утверждение « A предшествовало B » фиксирует слабую историческую упорядоченность, так как не устанавливает связь этих событий с другими и, что еще важнее, не ведет к отчетливому осознанию необратимости, а также полной или частичной неповторимости событий во времени. Слабую упорядоченность легко обнаружить в мифах и героическом эпосе. Ссору и примирение Ахилла с другими вождями нельзя поменять местами, как нельзя поменять местами и события внутри каждой авантюры Зигфрида, а создание зеркала Персея предшествует поединку с Горгоной, однако более крупные эпизоды «Иллиады», «Сказаний о Зигфриде» или разные подвиги Персея можно легко поменять местами.

В дальнейшем на основе отношений простого предшествования и слабой упорядоченности возникает целый набор новых отношений, отражаемых историческим познанием.

3. Становление собственно исторического познания связано в первую очередь с фиксацией «длинных» последовательностей актов предшествования типа « A предшествовало B , B предшествовало C ... M предшествовало N ». Понимание «длинных» исторических последовательностей событий, упорядоченных особым образом, знаменует поворотный пункт в генезисе исторического познания, так как позволяет наложить событийную последовательность на последовательность временную. Астрономический календарь (солнечный или лунный) был известен за тысячи лет до обособления и оформления исторического познания. Он использовался для регули-

рования сельскохозяйственных работ и культовой деятельности, для организации некоторых общественных, в том числе государственных, актов и т. д. Но систематическое соотнесение исторических событий с тем или иным точным календарем — изобретение довольно позднее. Даже династические списки, составлявшиеся, например, в Египте, соотносились с астрономическим календарем весьма условно¹.

«Длинные» последовательности не являются исключительным достоянием исторической реальности, если под нею понимать лишь прошлое человеческого общества. Как особая структура, задаваемая отношением «...после...», такие последовательности встречаются и в других развивающихся процессах, например в природе. Чтобы быть отношением, внутренне присущим исторической реальности, такие последовательности должны включать в себя специфически общественные события, ситуации и процессы, ибо познание социально значимых объективных феноменов и процессов прошлого и составляет главную цель исторического познания. Вместе с тем они должны допускать соотнесение с другими последовательностями как в обществе, так и в природе. Первое необходимо для понимания общественной системы как целого, второе — для точной датировки событий и их последовательностей в обществе, а также для выяснения взаимосвязи его с природой (окружающей средой).

4. Сопоставление и сравнение отдельных событий или их последовательностей представляют собой логические операции. Их объективную основу составляет отношение синхронности или сосуществования, выражающееся обычно в форме «*A* и *B* сосуществуют» или «*A* существует одновременно с *B*». Цепочка одновременно совершавшихся событий и действий могла быть довольно большой, что позволяло уже на ранних ступенях формирования исторического знания осуществлять синхронизацию разнородных по своей природе социальных феноменов и включать их в единую структуру описаний и утверждений, относящихся к прошлому. Несмотря на последующее усложнение исторического познания и совершенствование его методов, отношения «длинных» последовательностей и синхронного сосуществования и по сей день остаются фундаментальными основаниями исторического

¹ См.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.

исследования. В исследовании Р. Г. Скрынникова, устанавливающим идентичность Лжедмитрия I и Григория Отрепьева, фиксация последовательности политических и биографических событий, а также одновременности (в некотором временном интервале) «исчезновения» Отрепьева и внезапного появления Лжедмитрия играет решающую роль в процедуре идентификации этих персонажей¹. Взаимное наложение «длинных» последовательностей и сосуществования как раз и приводит к созданию первых хронологий. Думается, что это было подлинным переворотом в генезисе исторического познания, и, хотя создание точных хронологий, а вернее осознание их важности относится к более позднему времени, сама по себе хронологизация истории создает объективную основу ее изучения. Отношение сосуществования создает также и объективную основу для сравнительной истории общественно-экономических формаций, культуры, государства, науки и т. д.

5. Важный тип отношений, включаемый в качестве подструктуры в структуру «длинных» последовательностей событий,— отношение причины и следствия. Оно имеет форму «*А* есть причина *В* при условии (в ситуации) *С*». Так как отношение причины и следствия по самому своему существу предполагает предшествование первой второму, то включение охваченных этим отношением событий во временную последовательность происходит вполне естественно. Начальной фазе формирования исторического познания детерминизм присущ в столь высокой степени, что причины исторических событий в тех случаях, когда они в действительности неизвестны, «домысливаются». Лишь гораздо позже, когда возникло понимание исключительной сложности и многофакторности исторического развития, начал складываться типичный для позднего буржуазного мышления социальный и исторический индетерминизм, «подстегиваемый» индетерминизмом естественнонаучным. Однако подавляющее большинство серьезных исторических исследований, независимо от того, проводятся ли они в рамках исторического материализма или нет, остаются на позициях исторического детерминизма (другой вопрос — насколько ограниченными являются их результаты).

6. Одновременно отчетливо выделяется отношение целевой детерминации, форма которого: «*А* совершило *В*,

¹ См.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978, с. 171.

так как имело целью С». По мере дальнейшего развития, и особенно по мере перехода от преобладания повествовательной формы к форме объясняющей дисциплины, историческое познание отводит этому типу отношений все более заметное место в своих построениях. Типы объяснений, фиксирующих причинные и целевые механизмы в последовательностях исторических событий, часто сливаются в реальных исторических текстах настолько, что поддаются разграничению лишь в ходе теоретического анализа. В своей нерасчлененной форме они выступают как поиски некоторого обобщенного мотива, и что особенно важно, мотива, продиктованного установками, целями, страстями и намерениями людей, а не одних лишь богов, судьбы, сверхъестественных, противостоящих человеку сил. В этом одна из характерных черт исторического познания, становящаяся все более отчетливой по мере его выделения в самостоятельный вид познавательной деятельности.

То обстоятельство, что действия исторических персонажей могут быть объяснены и поняты не только через указание вызывающих их причин, но и через целевую установку, было осознано не сразу. И у античных, и у средневековых авторов божественные и человеческие мотивы деятельности продолжают сочетаться в различной дозировке. В зависимости от объективных социально-исторических условий преобладают то одни, то другие. Но преимущественный интерес к человеческим мотивам постоянно нарастает, пока, наконец, в XIX веке материалистическое понимание истории не выдвигает новый подход, позволяющий синтезировать причинную и целевую мотивацию в рамках объективного научного анализа истории.

7. Наконец, представляется важным выделить особую группу общесоциальных отношений взаимосвязи и взаимодействия. Строго говоря, они не являются специфической принадлежностью структур исторической реальности как таковой, но ведь и сама историческая реальность определяется структурами общественной жизни, соотношенными с развитием системы общества во времени. непонимание глубокого единства общесоциальных и специфически исторических структур часто приводило к затяжным и бесплодным спорам относительно жестких границ между историческим и социологическим знанием. Этому во многом содействовало предложенное О. Контом позитивистское деление общественнознания на социальную динамику и социальную статику. В действительности же раз-

граничение социальной и исторической реальности имеет лишь ограниченный, эвристический смысл, ибо речь, по существу, идет о масштабах, временных интервалах и том или ином аспекте исследования, а не о фундаментальных различиях в самой объективной реальности. Поэтому можно целиком согласиться с академиком Е. М. Жуковым в том, что «общесоциологические законы являются, в сущности, и историческими законами»¹.

Отношения зависимости и взаимодействия, логическая форма которых: «*A* зависит от *B*», «*A* и *B* зависят от *C*», «*A* взаимодействует с *B*», «*A* и *B* взаимодействуют с *C*» и т. д., обладают рядом специфических черт, несмотря на различное конкретное содержание. Взаимосвязи (например, семейные, взаимосвязи подчинения и т. п.) носят, по существу, функциональный характер. Констатация того, что *A* есть родственник *B*, не содержит в себе прямого указания на причинные или целевые механизмы, хотя может обуславливаться определенными причинами и служить основанием определенных целей. Точно так же взаимодействие индивида и социума в виде борьбы или сотрудничества фиксируется историческим познанием как самостоятельный тип отношений, несмотря на то что в каждом отдельном случае можно проследить реальные или мнимые причины, осознанные или бессознательные цели. Эти связи и взаимодействия в их динамике, развитии и внутренних противоречиях фиксируются на самых ранних этапах развития общественного сознания и создают предпосылки, определяющие его историческую форму².

Осознание важности устойчивых социальных взаимосвязей и взаимодействий как фактора, детерминирующего, обуславливающего и вместе с тем ограничивающего деятельность человека, возникло не сразу. Оно составляет содержание многих легенд и мифов и является важным элементом любой культуры, особенно в начальных фазах ее развития. Выделение исторического познания и соответствующей профессиональной деятельности стимулировало изучение и описание таких связей и взаимодействий. В течение многих столетий исследование подобных

¹ Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса, с. 18.

² См., например: Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.

взаимодействий доминировало в исторических трудах над многими другими проблемами и до сих пор занимает в них видное место.

Историческая реальность выступает перед нами как полиструктурная динамическая система, разнообразные структуры которой в основном определяются (но отнюдь не исчерпываются) указанными ранее отношениями. Все эти структуры подвергаются различным модификациям и предстают перед умственным взором историка в различных «обличьях». Их подлинное понимание достигается не сразу, ибо история, подобно айсбергу, поднимает над поверхностью бурного океана жизни лишь малую долю своего действительного «существа». Эта видимая, эмпирически воспринимаемая часть истории — индивидуальные люди, конкретные государства, городские коммуны, революции, мятежи, битвы, интриги и обнародованные замыслы. Именно они образуют элементы и компоненты системы, охваченные ее пересекающимися, накладывающимися друг на друга отношениями, и именно через них лежит путь к познанию этих отношений, а следовательно, и структуры исторической реальности. В терминах современного научного мышления эти чувственно воспринимаемые феномены именуются ситуациями, событиями, процессами и индивидуальностями. Поэтому закончим этот параграф введением данных понятий в аппарат системно-исторического подхода.

Ситуация есть подсистема, выделенная в объекте как предмет исследования, фиксированный в некотором интервале времени. Остальные подсистемы образуют фон ситуации, на котором она выделяется как особенно яркая или значительная деталь.

Событие выделяется внутри ситуации. Это понятие применимо лишь к динамическим или функционирующим системам. Оно фиксирует те элементы и компоненты, преобразования, отношения и свойства, которые отсутствовали в данной ситуации в момент времени t_1 и появились в момент t_2 , просуществовали до момента t_3 , а затем исчезли или изменились. События всегда предполагают трехчленную фиксацию времени и связанные с этим особые отношения.

Так, созыв и работа Генеральных штатов во Франции в 1789 году представляют собой вполне определенную *ситуацию*, четко выделяющуюся на фоне общего социально-политического и духовного кризиса феодально-абсолютистской системы. Попытка прервать работу Генераль-

ных штатов и последовавшая за этим контрмера депутатов, известная как «клятва в зале для игры в мяч», представляют собой четко различимые и фиксированные во времени *события* внутри данной ситуации, знаменующие начало Французской буржуазной революции конца XVIII века.

Процесс также получает адекватное определение в рамках системного подхода. Различают четыре типа процессов.

1. Процесс как последовательность этапов или моментов в возникновении, развитии и исчезновении события в рамках данной ситуации.

2. Процесс как последовательная смена событий в фиксированном интервале времени внутри данной ситуации.

3. Процесс как последовательная смена ситуаций внутри определенной системы в фиксированном интервале времени.

4. Наконец, процесс можно рассматривать как смену систем в фиксированном временном интервале, причем три предыдущих типа процессов не исключают последний и могут происходить наряду с ним и внутри его.

Эта иерархическая сложность процессов особенно важна при построении корректных исторических описаний, одна из существенных особенностей которых заключается в том, что они прежде всего представляют собой именно описание процессов.

Остановимся в заключение на понятии *индивидуального*. Понятие индивидуального фиксирует предположение, что данный феномен включен в бесконечное число отношений, а следовательно, обладает множеством свойств, различимых некоторым фиксированным методом. При этом ни один другой феномен не обладает таким же набором свойств. Для любой пары индивидуальных ситуаций, событий, процессов внутри данной системы или подсистемы всегда существует более или менее значительный набор свойств и отношений, которые присущи одним и отсутствуют у других. Человеческая личность в этом смысле также выступает как индивидуальность.

Отношения и определения, рассмотренные в этом параграфе, характеризуют абстрактные и формальные структуры, образующие «логический каркас» исторического познания в его самом общем виде. Живая конкретная историческая реальность, реальные исторические процессы с живыми людьми, с человеческой психологи-

ей, борьбой страстей, столкновением классовых, религиозных и иных целей, с реальными противоречиями бесконечно богаче, ярче, разнообразнее этих абстрактных структур и отношений. Вместе с тем именно эти структуры и отношения создают исходные логические основания для развития конкретных методов познания исторической реальности в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. Такое восхождение, учитывающее специфику каждой общественно-экономической формации, каждой исторической реалии (конкретного государства, данной революции, отдельного эпизода и т. п.), порождает целый спектр особых методов и приемов исторического познания, которое «отталкивается» от указанных структур и отношений, но не ограничивается и тем более не сводится к ним. В третьей и четвертой частях книги мы покажем, каким образом осуществляется развитие и категориальное совершенствование таких приемов и методов.

4. Историческое познание и реальность: идеология и истина

Центральным для понимания отношения исторического познания к исторической реальности является вопрос о достоверности или истинности исторического знания. Исследование методов установления истины вообще составляет главную проблему теории познания. В настоящее время она располагает целым рядом теорий, дающих более или менее адекватное представление о способах построения и проверки истинных знаний, прежде всего в математике и науках о природе¹. Исследование исторической истины осложняется тремя обстоятельствами: неполнотой информации о прошлом²; невозможностью экспериментально-практического взаимодействия с прошлым; тесной связью исторического познания с идеологией. Рассмотрение двух первых обстоятельств осуществляется на протяжении остальных глав книги. Третьим же, как наиболее специфическим и принципиально важным, мы займемся сейчас.

Буржуазные критики исторического познания, утверждающие, что оно никогда не сможет приобрести статус научной истины, ссылаются на его зависимость от идео-

¹ См.: Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977.

² См.: Исторический источник и историческое познание (Методологические аспекты). Томск, 1973.

логии. Чтобы понять смысл тезиса о полной несовместимости идеологии и истины, следует разобраться в том, как буржуазный сциентизм трактует идеологию.

Термин «идеология» появился во французской просветительской литературе конца XVIII века и обозначает в самом широком смысле учение об идеях. К. Мангейм замечал, что своим вторым рождением этот термин обязан императору Наполеону, презрительно называвшему идеологами своих противников и критиков из среды французской буржуазной интеллигенции. В научный оборот термин «идеология» был введен К. Марксом и Ф. Энгельсом. Благодаря им изучение идеологии стало центральной задачей социальной философии, и особенно социологии познания.

Понимание идеологии в марксистской философии постоянно развивалось и углублялось. В ранних работах К. Маркса и Ф. Энгельса идеология часто отождествляется с историческим идеализмом, отчужденным, противостоящим человеку сознанием, дающим ложную картину общественного бытия. Причиной этого является внутренняя противоречивость, бесчеловечность и отчужденность самого бытия. В противоположность феербаховскому сведению религии как формы ложного сознания к определенной социальной структуре К. Маркс выдвигает тезис, требующий не ограничиваться этим, но переделать само бытие, порождающее ложное сознание. На этой стадии анализа идеология понимается лишь как отчужденное и ложное сознание, как отражение и оправдание социальных противоречий и несправедливости, иными словами, как нечто негативное, подлежащее критике, опровержению и замене. Наиболее значительным достижением этого периода является выявление классовой и в широком смысле социально-групповой природы идеологии. В обществе, разделенном на классы, господствующей является идеология господствующего класса. Из этого следует, что в каждом обществе с развитой классовой структурой существует не одна идеология и что альтернативные идеологии не только противоборствуют, но и выполняют различные социальные функции.

Таким образом, идеология не может характеризоваться лишь со стороны своих негативных функций, но должна иметь и положительные. К ним относятся установки, способствующие консолидации класса или социальной группы, выработке их позитивных идеалов, политической этики и программы, понимаемой в самом широ-

ком смысле. Именно поэтому идеология в известном отношении есть средство стабилизации, самоопределения и самоутверждения соответствующего класса. Поскольку классовая структура общества является преходящей, а различные социально-групповые образования в процессе истории радикально изменяются, то идеология как содержание сознания, связанное с существованием классово-групповой структуры, понимается марксизмом также как преходящий, изменяющийся феномен.

Генезис и формирование исторического познания, его кристаллизация внутри исторического сознания происходят параллельно становлению классового общества, а следовательно, и идеологии как необходимого содержания общественного сознания. С этого момента и до сегодняшнего дня историческое познание и идеология оказываются неотделимыми друг от друга. Они тесно переплетаются, оказывают друг на друга взаимное то стимулирующее, то тормозящее влияние. В чем же смысл этого взаимодействия, этого влияния? Какие познавательные проблемы выдвигает оно перед исторической эпистемологией?

Крупный буржуазный исследователь идеологии К. Мангейм полагал, что ее сущность заключается в следующем. Мышление социальных групп, особенно господствующих, настолько тесно связано с определенными ситуациями, что эти группы и их представители — идеологи не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве. Идеология есть, по существу, «коллективное бессознательное», посредством которого данная группа или класс скрывает реальное положение дел не только от своих противников, но и от себя. В противоположность идеологии утопия, согласно К. Мангейму, выражает духовную позицию угнетенных, подчиненных и эксплуатируемых классов, их стремление преобразовать общество и в силу этого фиксирует лишь его отрицательные моменты, а следовательно, не в состоянии охватить социальную реальность.

Легко показать ошибочность этой точки зрения. Так, технотронные концепции общества являются утопиями, несмотря на то что они ориентированы не на трансформацию, а на сохранение современного западноевропейского и американского капитализма. Вместе с тем идеология французской, американской и английской буржуазии в канун буржуазных революций выражала не только

определенные иллюзии и историческую ограниченность представителей данного класса, но и достаточно глубокое понимание ими реальной социально-экономической и политической ситуации. Ведь ни одна идеологическая система не могла бы играть заметной социальной роли, если бы она представляла собой сплошной клубок заблуждений. Точно так же ни одна социальная утопия не могла бы быть «руководством к действию», не давая никакой информации о социальной реальности.

К. Мангейм различает два вида идеологии — частичную и тотальную. Понятие частичной идеологии фиксирует намеренное или бессознательное искажение социально значимых фактов, подлинное знание которых не соответствует целям или намерениям представителей определенной социальной группы или класса. Критика частичной идеологии ниспровергает психологию противника, разоблачает его бессознательные заблуждения. Понятие тотальной идеологии ставит под вопрос не только отдельные высказывания о тех или иных фактах, но и все мировоззрение, все социальное мышление группы или класса, включая логическую структуру и, выражаясь словами Мангейма, «гномологическое содержание». Критика тотальной идеологии разрушает весь концептуальный аппарат, включая его логику. Из этого напрашивается вывод, согласно которому профессиональный историк, всегда принимающий участие в той или иной форме идеологической борьбы, с необходимостью получает искаженное представление об исторической реальности. Критика исторического познания может при таком подходе фиксировать лишь его ошибки и заблуждения. Однако в этом случае историческое знание было бы лишено познавательной и социальной значимости, а его развитие не могло бы получить никакого объяснения, кроме, быть может, указания на простую любознательность, в свою очередь нуждающуюся в объяснении.

Действительная проблема, которая обнаруживается при первом же знакомстве с реальным историческим познанием, состоит в том, что в исторических текстах наряду с намеренными и ненамеренными искажениями всегда присутствуют несомненно истинные знания. Современные исследования латинских хроник, служащих источником информации о крестовых походах, показали, что они содержат не только вымысел и предвзятые идеологические оценки, но и зерна бесспорной объективной исторической истины. Более того, критический метод, со-

единенный с материалистическим пониманием истории, позволил саму идеологию, политические пристрастия и личные взгляды хронистов объяснить и оценить с позиций исторической истины¹. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы выяснить, каким образом в одном и том же виде познавательной деятельности уживаются, совмещаются и взаимодействуют ориентация на познание истины и идеология.

К. Мангейм при всей своей буржуазной ограниченности понимал, что «в социальных науках, так же как в любых других, последний критерий истинного и ложного должен быть найден в процессе исследования объекта...»² Но как именно может быть отыскан этот критерий и что он собой представляет? Этот вопрос не получает у Мангейма решения. Концепция универсальности идеологии, исходящая из того, что все формы общественного сознания идеологичны, а идеология меняется с изменением социальной структуры общества и социальной практики, приводит Мангейма к релятивизации истины. Дилемма, поставленная буржуазной философией и социологией познания, резюмируется, таким образом, краткой формулой: «Идеология или истина», причем фигурирующее в ней «или» носит жесткий разделительный характер.

Из этого следуют три возможных альтернативных решения.

1. Всякая идеология ложна, ибо интересы любой социальной группы, любого класса преходящи. Стремясь увековечить себя и свои интересы, классы и группы создают отчужденное, ложное сознание — идеологию, претендующую на монопольное владение истиной и вследствие этого уничтожающую ее. Всякая идеология — мистификация, утверждает Ю. Хабермас, и в современном обществе ее позитивные функции (если они имеются) передаются науке и технике³.

2. Истина есть достояние науки и в этом смысле несовместима с идеологией. Как выражение социальных интересов, идеология всегда приводит к сознательному или бессознательному искажению истины. Поэтому поиски истины автоматически ведут к разрушению идеоло-

¹ См.: Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов. М., 1966.

² Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. L., 1936, S. 4.

³ Habermas J. *Technik und Wissenschaft als «Ideologie»*. 3 Aufl. Frankfurt a. M., 1969, S. 79.

гии. Г. Барт, автор книги «Истина и идеология», так резюмирует свой анализ: «Для того чтобы зависимость идеологии от материального субстрата могла быть осознана, должно молниеносно вспыхнуть различие между ложным (идеологическим) и правильным (истинным) сознанием. Понимание детерминирующей функции базиса возможно лишь в том случае, если у субъекта почему-либо появляется сомнение в закономерности собственной позиции. Для того чтобы понять и утверждать, что конкретный результат мыслительной деятельности является «лишь» выражением или отражением социального бытия, следует допустить хотя бы минимальную возможность сравнения. Мыслящий субъект должен быть, по меньшей мере, обеспокоен тем, что ставится под сомнение его «познавательная» деятельность. В основе этого беспокойства лежит не что иное, как идея истины»¹. Таким образом, торжество истины ведет к разрушению всякой идеологии.

3. Возможен, наконец, и такой подход, который признает полную невозможность отторжения идеологии от истины, от научного познания в области общественных наук. Этот взгляд отчетливо выражен Г. Мюрдалем, не только считающим, что в общественных науках анализ ведется с позиций определенных идеалов, но и полагающим, что сама ценность полученных в этой области результатов зависит от характера занимаемой позиции. Иначе, по его мнению, в социальном познании и быть не может². Такая точка зрения может казаться приближением к марксистскому пониманию соотношения истины и идеологии в общественном и, в частности, в историческом познании. В действительности же здесь еще слишком сильны следы познавательного релятивизма К. Мангейма, оказавшего большое влияние на подавляющее большинство современных буржуазных исследователей идеологии. Подлинный корень релятивизма К. Мангейма состоит отнюдь не в признании социальной детерминации сознания и того факта, что социальные группы и классы вырабатывают и отстаивают свои ценностные установки, мировоззрения, систему своих социальных и политических претензий; суть дела в призна-

¹ *Bart H. Wahrheit und Ideologie. Retsch, 1961, S. 287. См. также: Lübke H. Politische Philosophie in Deutschland. Studien zu ihrer Geschichte. Bazel — Stuttgart, 1963, S. 163.*

² *Myrdal G. Value in social theory: a selection of essays on methodology. N. Y., 1958.*

нии равноценности, исторического равноправия всех идеологий. Именно в этом глубочайшее отличие социологии познания Мангейма от исторического материализма К. Маркса.

Как известно, первый постулат специальной теории относительности провозглашает равноценность систем отсчета и отсутствие привилегированных систем. Именно это и позволяет вместе с постулатом о конечности скорости света построить релятивистскую физику. Но физический релятивизм совсем не то же самое, что релятивизм гносеологический, состоящий в отрицании объективности истины. Признание равноценности и равноправности всех идеологий является предпосылкой и главным условием гносеологического релятивизма в историческом познании. Здесь уместно напомнить, что В. И. Ленин в своей формулировке объективной истины подчеркивал независимость ее содержания и от отдельного человека, и от человечества¹. Совместить эту концепцию истины с гносеологическим релятивизмом совершенно невозможно.

Коренное различие этих концепций в том и состоит, что социальная философия марксизма решительно настаивает на неравноценности, на историческом неравноправии различных идеологий в различных обществах на различных этапах и стадиях их развития. Именно эту сторону дела, по справедливому замечанию ряда критиков², не понял, а вернее, отверг К. Мангейм, и именно ее учет позволяет найти решение вопроса о характере взаимоотношений исторического познания и идеологии.

Материалистическое понимание истории связано с рассмотрением различных идеологических систем как отражения общественно-экономических позиций определенных классов, как выражения их политических целей и установок. Внутри каждой общественно-экономической формации функции классов различны и меняются по мере развития формации. Идеология буржуазии в эпоху крушения феодализма была исторически прогрессивной, а стоявшие на ее позициях историки в силу этого оказывались более склонными к установлению исторической истины, чем их политические и идейные противники. Однако эта прогрессивность была ограниченной и

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 123.

² Meja V. The sociology of knowledge and the critique of ideology.— *Cultural Hermeneutics*. Dordrecht, 1975, v. 3, № 1, p. 57—68; Remmling G. W. The sociology of Karl Mannheim. L., 1975.

превратилась в силу исторической диалектики в свою противоположность. Пролетариат, достигший в эпоху промышленного капитализма зрелости, занимает в рамках капиталистической формации, а следовательно, и в истории классового общества совершенно особое место. Его исторические цели и задачи состоят в уничтожении всякой эксплуатации, что является предпосылкой и условием его собственного освобождения, а следовательно, и в ликвидации классового общества вообще. Вследствие этого рабочий класс не заинтересован в увековечении своего господства, в изображении своих классовых интересов как всеобщих и вечных. Именно в этом смысле, будучи эксплуатируемым классом в структуре капиталистического общества, он оказывается привилегированным классом истории, идеология которого не нуждается в искаженном и иллюзорном познании исторической реальности. Такой подход позволяет не только зафиксировать подлинное противоречие между идеологическими и познавательными компонентами исторического знания, но и увидеть механизм их взаимодействия, их единство и взаимопроникновение.

В этом заключается действенный аргумент против концепции исторического релятивизма. Те или иные события, исторические эпохи, массовые движения и отдельные персонажи в ракурсе различных идеологий выглядят и оцениваются по-разному. Однако получаемые знания не равноценны с точки зрения их приближенности к объективной истине. Социальные группы и классы, заинтересованные в силу своего социально-экономического положения в поступательном движении истории, более склонны к ее адекватному познанию, чем те, которым предстоит покинуть ее авансцену.

Таким образом, проблема соотношения исторической реальности и исторического познания выступает теперь как проблема соотношения двух динамических систем, одна из которых является отражением другой. Задача исторической эпистемологии состоит в исследовании структурных и содержательных сторон исторического познания, обеспечивающих достижение исторической истины.

СТРУКТУРА И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ СТАТУС ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Историческое познание представляет собой динамическую систему. В процессе развития его содержание и структура усложняются, изменяется его познавательный статус. Чтобы понять и объяснить эти изменения, необходимо рассмотреть три фактора, их определяющих: отношение исторического знания к своему специфическому объекту, внутренний механизм построения исторического знания и взаимодействие его с другими формами познания. Анализ этих факторов требует дальнейшего уточнения ряда общегносеологических и методологических понятий и процедур, рассматриваемых в большинстве трудов по теории познания и философии науки преимущественно на материале естественных наук.

СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Классификация и типология знания

Любой сложный объект можно рассматривать двояким образом: во-первых, в процессе его возникновения и развития и, во-вторых, как готовый, завершённый продукт этого процесса. Ни один из этих подходов не является самодовлеющим; они находятся в отношении дополнительности, и предпочтение, отдаваемое одному из них, обычно зависит от конкретных целей и условий анализа объекта.

Как следует из определения системного объекта (см. гл. 2, раздел 2), его структура характеризуется двумя моментами: набором присущих ему свойств и отношений, с одной стороны, и методом членения на подсистемы и элементы — с другой. Этот метод вместе с тем позволяет установить различные связи, формы взаимодействия и преобразования, характерные для данного объекта. Поэтому выбор соответствующего метода расчленения и описания должен осуществляться таким образом, чтобы он учитывал как объективные характеристики системы, так и субъективные цели исследователя. В теории познания и методологии наук процедуру расчленения системы на соответствующие подсистемы обычно называют классификацией, а выделенные в результате компоненты — классами.

Наличие в одном и том же системном объекте большого разнообразия реальных структур и возможность различных исследовательских целей обычно порождают ряд более или менее различающихся классификаций. Поэтому предположение, что возможна лишь одна-единственная классификация некоторой сложной системы, является метафизическим предрассудком, отражающим догматически-теологический этап в развитии донаучного мышления. Даже такая относительно простая система, как система целых чисел, допускает несколько класси-

фикаций. В этой системе могут быть выделены классы чисел четных и нечетных; простых и непростых; сравнимых по модулям 1, 2, 3, 4... и т. д. Будучи различными и служа различным познавательным целям, эти классы являются в равной степени объективными.

За последние годы в работах по методологии наук, теории познания и в специальных исследованиях широкое распространение получило понятие типологии. В одних контекстах оно полностью вытесняет понятие классификации, в других — является синонимом, в третьих — содержит какой-то «неявный» намек на особую, более глубокую процедуру членения системных объектов. Простое удвоение терминологии или замена одних общепринятых терминов другими вряд ли оправданны, если для этого нет особых оснований. Поэтому представляется необходимым указать на черты сходства и различия терминов «классификация» и «типология», на специфику стоящих за ними понятий и на те познавательные ситуации, в которых применение этих терминов оказывается оправданным¹.

Обычно процедура классификации состоит в выделении некоторого фиксированного набора признаков, отражающих основные свойства и отношения структур и компонентов, входящих в систему, и в последующем членении системы на классы в соответствии с этими признаками. Классификация иерархических систем допускает изменение исходного набора признаков при переходе с одного уровня системы на другой. Однако во всех случаях предполагается, что классификация осуществляется по отношению к «готовой», завершившейся, созданной системе. Именно такими были знаменитая линнеевская классификация живых организмов и многочисленные классификации, построенные впоследствии астрономами, физиками, математиками, экономистами и даже социологами, где классифицируемые объекты или системы рассматривались как данное, готовое. Такой подход на определенном этапе познания оправдан, но он весьма ограничен. Это особенно ясно обнаруживается, когда речь идет о развивающихся, динамических системах, а ведь

¹ Следует иметь в виду, что понятия классификации и типологии не только по-разному интерпретируются, но и различным образом применяются в процедурах классификации исторических объектов и соответствующих знаний. См. подробнее: Типы в культуре: методологические проблемы классификации и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979.

именно к их числу относятся системы знания, и в особенности историческое познание. Здесь необходимо небольшое уточнение. До сих пор термины «историческое познание» и «историческое знание» употреблялись как равноценные, взаимозаменяемые. Пока это не приводило к недоразумениям, необходимости в специальных уточнениях не было.

Знания можно рассматривать в двух аспектах. В каждый данный момент мы можем получить, так сказать, «моментальный» срез, некую картину всей наличной информации данного рода о данном объекте. В действительности эта картина не может быть стабильной, особенно если речь идет о непрерывно изменяющемся научном познании. В этом смысле необходимо говорить о процессе познания. Поэтому в дальнейшем термин «историческое познание» будет употребляться для обозначения общего процесса «изготовления», «создания», «конструирования» информации о прошлом; когда же речь пойдет об определенном «моментальном» срезе, о состоянии данной информации в фиксированном интервале времени и когда на это потребуются обратить особое внимание, будет употребляться термин «историческое знание».

Теперь можно указать на различие между процедурами классификации и типологии. Классификация осуществляется по отношению к стабильным или функционирующим системам. Основание классификации — фиксированные наборы признаков, которые могут более или менее значительно меняться, варьироваться в определенных границах на каждом шаге классификации, но при этом предполагается, что зафиксированные в данных признаках свойства и отношения объективно присущи системе до начала классификации. Таким образом, варианты признаков зависят от исследовательских целей, а их содержание полностью определено объектом.

Типология (иногда ее называют типизацией) чаще применяется к динамическим системам. Поскольку в подобных системах могут появляться новые компоненты и элементы, устанавливаться новые связи, возникать новые преобразования, то варьирование в наборах признаков, образующих основание типологии, определяется не только исследовательскими целями, но и объективными изменениями в самой системе. Таким образом, типология оказывается особым, притом весьма важным, видом классификации, учитывающим специфику развива-

ющихся систем. Другим характерным признаком типологии является ее преимущественное ориентирование на внутреннее соотношение признаков классифицируемых объектов. Классифицируя плоские многоугольники, мы можем разбить их на правильные и неправильные, а последние — на классы различных n -угольников. Одним из классов окажутся тогда треугольники. До сих пор основанием деления, т. е. классификации, было число углов; теперь можно анализировать внутренние соотношения в треугольниках, рассматривая не сами по себе углы, отрезки, образующие стороны, биссектрисы, медианы, высоты и т. п., а их соотношения. Такой способ дальнейшего деления внутри данного класса также можно называть типологией, что позволяет иметь в виду его особую познавательную важность. В дальнейшем, говоря о типологии знаний, и особенно знаний исторических, мы будем учитывать оба смысла понятия «типология».

Вернемся к историческому познанию. Его развитие предполагает (впрочем, это относится к любому явлению) количественный рост образующих систему элементов, качественное изменение компонентов системы, изменение и усложнение структуры. Применительно к данным конкретным условиям первый момент означает увеличение объема исторической информации, т. е. количества вводимых в систему готовых фактических знаний; второй момент подразумевает повышение достоверности знаний, их приближение к объективной истине; наконец, третий фиксирует возникновение различных исторических дисциплин, их специализацию и превращение первоначально возникшего профессионального исторического знания в современное научное знание. Этим третьим моментом мы сейчас и займемся, а к рассмотрению первого и второго перейдем позднее.

Классификации исторического знания, если рассматривать их как некий сложившийся и существующий на сегодняшний день феномен, могут проводиться по разным основаниям. Начнем с того, что в общей совокупности исторических знаний можно выделить всемирную историю и различные региональные истории: историю Европы, Америки и т. д.; истории отдельных государств и государственных союзов. Другая классификация, проводимая по принципу членения изучаемого процесса на отдельные эпохи, может представить всю совокупность исторических знаний как историю первобытного общества, античного мира, средних веков, нового

и новейшего времени. Возможны и другие классификации, основанные на выделении особых классов или дисциплин, изучающих отдельные виды специализированной деятельности (военная история, история промышленности, торговли, история науки, мореплавания, архитектуры, религии, искусства и т. п.). Выбор других оснований классификации позволяет говорить об истории нравов и обычаев, истории семьи и т. п. Здесь объектом исторического познания оказываются определенные социальные институты в их возникновении и развитии.

Историческая реальность дает объективные основания для взаимного наложения всех этих классификаций, вследствие чего обнаруживается и специфическая полиструктурность как исторического познания, так и являющегося его результатом готового исторического знания. Различные классификации не исключают друг друга, не являются альтернативными; их выбор и уместность в каждом конкретном случае зависят от содержания соответствующих познавательных задач.

Общим для всех вышеприведенных классификаций является то, что они фиксируют такие формы исторического познания, которые возникают как описание и частичное обобщение эмпирически данного материала. Идет ли речь об истории семьи, архитектуры, торговли, империи Александра Великого или об образовании опричнины Иваном IV, исторические знания возникают как некий продукт познания, исходным материалом которого являются особые феномены — исторические свидетельства. На протяжении многих веков они были единственной формой или единственным видом исторических знаний. Их изучение — важнейшая задача источниковедения.

Классификация и типология соответствующих знаний и их построение не представляют какой-то особой философской проблемы. Роль эпистемологии и методологии ограничивается при этом уточнением и разграничением самих понятий и процедур классификации и типологии. Реализация же данных процедур и создание соответствующих классификационных схем — дело историков. Эпистемология, как и в других аналогичных случаях, интересуется здесь лишь логической стороной дела и не может претендовать на роль судьи, выносящего вердикт о правомерности или предпочтительности той или иной классификации.

Будем называть историческое познание, исходным пунктом которого являются эмпирически данные исто-

рические свидетельства, *историографией*¹. Все указанные ранее классификации относятся, следовательно, к историографии и выделяют присущие ей структуры. Эпистемологическая проблема, связанная с определением статуса исторического познания, строго говоря, не затрагивает эти структуры. Зато она фиксирует внимание на другой общей структуре, выявляющей отношения и взаимосвязь между эмпирическим и неэмпирическим знанием в системе исторического познания. Эти отношения долгое время вообще не обнаруживались и даже казались отсутствующими. Их первая по времени фиксация связана с возникновением и обособлением того типа знаний о прошлом, который с легкой руки Вольтера стал называться философией истории.

Многие исследователи обсуждаемого вопроса (например, Коллингвуд) считали и считают до сих пор, что философия истории и собственно историография альтернативны и исключают друг друга. Подобная оценка есть метафизическая фиксация данного вопроса, утрирующая, а потому и искажающая его, и ей должен быть противопоставлен диалектический анализ процесса становления и развития исторического познания не только в его эмпирической, чисто историографической форме, но и в форме неэмпирической, выступавшей в определенных условиях как философия, точнее, как философия истории. Общая структура, охватывающая взаимосвязь этих двух основных компонентов развивающейся системы исторических знаний, предполагает особую их типологию, учитывающую изменение познавательной ситуации, возникновение новых моментов в самом процессе, а следовательно, в содержании и структуре познания. Поэтому следующим шагом нашего анализа явится более детальное рассмотрение оснований этой типологии, выявление их общего эпистемологического статуса.

¹ В исторической и философской литературе термин «историография» долгое время употреблялся (а за рубежом употребляется и поныне) для обозначения всех видов исторического знания. В советской науке он чаще всего используется для обозначения особой дисциплины, рассматривающей историю исторической науки (см. подробнее: Историография.— Советская историческая энциклопедия. М., 1965, т. 6). Предлагаемое словоупотребление не претендует на то, чтобы заменить этот смысл термина. Оно связано лишь с отсутствием устоявшейся адекватной терминологии, фиксирующей тип исторического знания, непосредственно базирующегося на эмпирических данных. Поэтому автор будет рад принять любые более удобные терминологические обозначения, способные устранить всякую концептуальную двусмысленность.

2. Объекты, проблемы и методы как основание типологии исторического знания

Во вступлении к этой части уже отмечалось, что определяющими факторами развития исторического познания являются его внутренний механизм и отношение к специфическому объекту. Под «внутренним механизмом» подразумевается набор процедур и операций, которые применяются в процессе создания исторического знания и которые, по существу, и задают структуру исторического исследования. Учет и анализ методов, регламентирующих подобные процедуры и операции, позволяет выявить одно из наиболее важных оснований типологии исторического познания в самом общем его виде. Другим важным основанием является специфическое отношение исторического знания к своему объекту, который сам является специфическим. Так как метод в конечном счете определяется природой объекта, то именно с его анализа и начнется наше обсуждение.

Прежде всего следует указать на одно существенное обстоятельство. Оно заключается в том, что в принципе объект деятельности и объект познания (или знания) отнюдь не одно и то же, хотя в большинстве случаев в повседневной практике, в технике и естествознании различить их чрезвычайно трудно. Да и сама необходимость такого различения обычно отсутствует. Именно потому, что гносеология, восходящая к Канту и Юму, выросла в основном на естественнонаучном материале, она фиксировала это различие лишь эпизодически. Напротив, для исторической эпистемологии оно имеет принципиальное значение, что лишний раз свидетельствует о способности этой дисциплины выдвигать наряду со своими специфическими проблемами и общегносеологические вопросы.

В чем же состоит сущность разграничения объектов знания и объектов деятельности? Рассмотрим сначала этот вопрос в общем виде. Здесь необходима оговорка. Поскольку специфической и конкретной формой познания, особенно научного, является исследовательская деятельность, или исследование, мы будем в данном контексте употреблять термины «объект деятельности» и «объект исследования» как идентичные.

Допустим, что мы хотим получить максимально полную информацию о таком распространенном компоненте земной коры, как глина. Для этого следует провести ряд

практических экспериментальных манипуляций: смешать глину с водой, проверить ее вязкость, способность сохранять приданную форму; подвергнуть обжигу, измерить прочность обожженной глины; рассмотреть в микроскоп образующие ее частицы и измерить их; провести химический анализ различных глин. Во всех этих процедурах объектом деятельности (исследования) является глина, и на первый взгляд она же оказывается объектом знаний, полученных в результате анализа и фиксации проделанных манипуляций. При очень строгом подходе уже здесь можно указать на некоторое тонкое различие. Оно заключается в том, что каждый раз завершение определенной процедуры изменяет исходный объект, и поэтому полученное в конечном счете знание фиксирует его лишь в определенной, но отнюдь не в полной мере. В данном случае это различие может показаться сомнительным, но уже в следующем примере оно становится очевидным.

Исследуя определенные параметры космических частиц, физик пропускает их через камеру Вильсона, наполненную парами особого вещества. Заряженные частицы, пролетая через эту камеру, конденсируют молекулы пара, оставляя след в виде некой туманной ниточки, существующей, быть может, доли секунды — срок достаточный, чтобы ее сфотографировать. По виду этого следа физик может определить энергию или массу частицы и т. п. В действительности же объектами деятельности, т. е. вещами, с которыми физик имеет дело, которыми он манипулирует, являются камера Вильсона, «ниточка пара», фотографическое изображение и т. п. Однако знание, полученное в результате всех этих манипуляций, и прежде всего измерения, а также последующих вычислений, относится не к этим вещам, а к космическим частицам. Они-то и являются объектами знания. Более того, мы можем ввести еще один «ярус» — знаковые объекты, т. е. числовые и вербальные записи, графики и схемы. Манипулируя с ними и получая с их помощью необходимые знания, физик опять-таки относит их к интересующим его частицам. Таким образом, в этом случае объекты знания и объекты деятельности, включенные в эксперимент, довольно четко различаются. Различие это тем не менее часто упускается из виду, так как подобные ситуации могут неоднократно воспроизводиться ради уточнения полученных данных. К тому же в тех случаях, когда исследователь имеет дело не с микрообъ-

ектами, физические объекты знаний могут непосредственно подвергаться манипуляциям исследователя.

Тем объектом, к которому историк относит полученные знания, является историческая реальность в целом или ее фрагмент, процесс, событие, ситуация, индивидуальность, включенная в ее разнообразные структуры. Однако историческая реальность отделена от историков непреодолимым барьером времени. Таким образом, объект знания оказывается не только недоступным восприятию исследователя, но и вообще за пределами его деятельности. Этим объектом ни при каких условиях невозможно манипулировать.

Спрашивается: с чем же в таком случае имеет дело исследователь истории? Ответ известен. С историческими свидетельствами, или источниками.

Можно, по существу, разделить все источники, используемые в исторических исследованиях, на два основных класса: исторические и археологические. Грань, отделяющая один класс от другого, до известной степени условна. И все же она существует и определяется вещественной природой источника, способом кодирования информации, предметно-практической и гносеологической его функцией. Исторический источник в общем виде можно понимать как объект, существующий к данному моменту и доступный восприятию исследователя, содержащий информацию о фактах прошлого, которые имеют познавательно-историческое значение и характеризуют исторический процесс.

Центральное место среди исторических источников занимают письменные тексты: хроники, документы, письма и т. д. В тех же случаях, когда письменные источники вообще отсутствуют и память человечества даже в виде устного предания, поддающегося прямой текстуализации, не дает необходимой историку информации, мы переходим к археологическим источникам. Это материальные остатки прошлого (различные сооружения, орудия труда, утварь, оружие, украшения и т. д.), сохранившиеся полностью или частично. Для того чтобы их можно было использовать в качестве источников, они должны быть особым образом «прочитаны». Это значит, что все орудия и результаты человеческой деятельности рассматриваются как феномены, в которых прямо или косвенно «закодирована» информация об этой деятельности, условиях и предпосылках ее реализации и т. д. Поэтому археологические источники должны подвергаться двояко-

го рода «декодировке». Первый этап состоит в описании содержащейся в них информации на каком-либо естественном языке; второй — в переводе этого описания на язык исследователя. Для этого требуется особая наука — археология со своим концептуальным аппаратом и методами исследования.

Таким образом, объектами исторического исследования являются исторические и археологические источники. Они включены в систему исследовательских процедур и операций: их читают, сравнивают, расшифровывают, устанавливают их достоверность или подложность, датируют, определяют авторство и т. п. Знания, возникающие в результате таких исследований, в свою очередь, могут быть разбиты на два класса. Одни из них относятся к самим этим источникам и образуют содержание так называемых вспомогательных исторических дисциплин: источниковедения, палеографии, дипломатики и т. д.¹ Объект исследования выступает в данном случае в качестве объекта знания. В обеих этих ипостасях источники доступны эмпирическому познанию, и в принципе к ним можно многократно возвращаться.

Другой класс знаний образует содержание собственно эмпирической историографии. Здесь знания относятся не к объекту исследования, т. е. не к источникам как таковым, а к объективной исторической реальности. Объекты знания и объекты исследования оказываются качественно различимыми, и между ними устанавливается определенное отношение. Объекты второго рода выступают как свидетельства, отражения, образы или следы прошлого, манипулируя с которыми необходимо создавать знания об объекте первого рода, т. е. реконструировать историческую реальность в нашем познании. В ходе такой реконструкции возникают исторические труды: статьи, монографии, учебники. Для краткости будем называть их вторичными историческими текстами. Грань между источниками как первичными текстами, с одной стороны, и вторичными текстами, с другой, также достаточно условна.

Приведем пример. Книгу известного готского историка Иордана «О происхождении и деянии гетов» можно рассматривать как вторичный текст, поскольку он опирался на труды своих предшественников, а возмож-

¹ См., например: *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.

но, и на некоторые документы. Поскольку эти документы и труды не сохранились, книга Иордана сама начала играть роль первичного текста, незаменимого для исследования целого ряда вопросов. Отличительная черта историографии в том и состоит, что создаваемые в историографических исследованиях вторичные тексты всегда опираются на тексты первичные, представляют результат их анализа, обобщения и исследования в самом широком смысле слова.

Выявив различие объектов знания и объектов исследования (деятельности), с одной стороны, а также отличие вторичных исторических текстов от первичных — с другой, мы получили возможность определить место и роль методов и проблем как оснований исторической типологии.

Мышление, будучи в общем и целом отражением объективной реальности, обладает и собственными законами функционирования и развития. Они не являются простым зеркальным отражением законов тех познаваемых объектов, которыми мышление манипулирует. Любой метод научного познания имеет поэтому как бы двухкомпонентную структуру. Образующие ее правила и стандарты должны учитывать специфику объекта, подлежащего изучению, и вместе с тем специфику логики, регулирующей рациональное мышление. Поэтому знание, которое возникает в результате исследовательской деятельности, реализующей определенные методы, несет в себе как бы запечатленное в своем содержании и структуре влияние обоих этих компонентов. Их взаимные пропорции в каждом конкретном методе различны. В сфере эмпирического познания преобладают методы, рассчитанные на чувственнообразное воспроизведение объекта. По мере перехода к теоретическому познанию пропорции меняются в пользу методов, учитывающих логические требования. Поскольку логика, понимаемая в самом широком смысле, одинакова для всех форм познания, постольку изучение методов последнего типа входит в компетенцию эпистемологии, включающей в свой состав логику и методологию наук. Однако вопросы, связанные с конкретным содержанием, структурой и составом методов, рассчитанных на познание именно данного специфического объекта знания, относятся к компетенции соответствующих дисциплин.

Эмпирическая историография и вспомогательные исторические дисциплины, имея общие объекты исследова-

ния и различные объекты знания, пользуются взаимосвязанными методами, но типы получаемых с их помощью знаний оказываются различными. Это хорошо заметно, например, в работах С. Б. Веселовского и Р. Г. Скрынникова¹. Вводя в исследование мало или совсем не изучавшиеся дотоле источники, они, естественно, пользовались методами палеографии, филологической критики текста и т. д. (т. е. методами вспомогательных дисциплин), но конечный результат их изысканий относится не к самим источникам, а к определенной исторической эпохе.

Таким образом, внутреннее соотношение различных типов объектов и методов, выделяемых и разграничиваемых с учетом их познавательных функций, позволяет осуществлять типологию сложных исторических знаний. Эта типология будет, однако, недостаточно полной, если мы не учтем еще совокупность лежащих в ее основании исследовательских проблем или задач².

В самом общем виде любая задача имеет три компонента: описание ситуации, включающей некий объект и фиксирующей отсутствие другого; целевая установка или требование создать отсутствующий объект; набор средств, условий и ограничений, при которых данная цель может или должна быть достигнута.

Наиболее важным является второй компонент, т. е. формулировка цели. В производственных задачах цель состоит в создании какого-либо материального предмета. В познавательных задачах цель обычно заключается в создании новых знаний.

Существует глубокая связь между целями, входящими в состав познавательных задач, и познавательным интересом. В связи с этим стоит вспомнить соображения Г. Риккерта о влиянии исторического интереса на направление и цель исторического исследования. В первой главе уже отмечалось, что исторический интерес определяется не одной лишь волей или теми или иными культурными ценностями, но преимущественно объективным содержанием самой исторической реальности. Обретя относительную самостоятельность, исторический интерес начинает подвергаться разносторонним влияниям со сто-

¹ См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975.

² Более подробно структуры и функции исследовательских задач рассмотрены в книге: *Ракитов А. И.* Философские проблемы науки. М., 1977.

роны интересов политических, идеологических, корпоративных, религиозных и прочих. Определенный вклад в содержание исторического интереса вносит и личная позиция исследователя: воспитание, образование, жизненный опыт, личная одаренность и т. д. Формируясь и трансформируясь под влиянием всех этих факторов, исторический интерес видоизменяет и содержание познавательных исторических задач. Однако ведущим в механизме формирования познавательных задач остается объективный фактор. Причем под объективным фактором следует понимать не только процессы социально-исторической действительности, прямо или косвенно влияющие на историка, но и не зависящие от его воли логические структуры, возникающие и «работающие» в самом процессе исторического исследования. Этой стороной дела, позволяющей обнаружить внутреннюю связь объектов, методов и задач исторического познания, мы теперь и займемся.

3. Структура исследования

Любая разумная деятельность человека представляет собой процесс решения тех или иных задач. В самом общем виде они могут быть разделены на предметно-практические и познавательные. Во всех реальных видах деятельности эти задачи не только не исключают, но, напротив, предполагают друг друга.

Стремясь в процессе производства создать некий материальный предмет, например построить дом, строитель вместе с тем решает и познавательные задачи: он должен приобрести знания о строительных материалах, об объеме и стоимости производимых работ, о правилах планировки строительной площадки и т. д. Все эти знания, так же как и породившие их задачи, носят подсобный характер. Они подчинены решению главной, производственной, задачи, цель которой — строительство дома. Тем не менее достижение этой цели невозможно без достижения ряда подчиненных ей целей, входящих в состав «подсобных» познавательных задач.

Точно так же решение познавательных задач предполагает выполнение подчиненных, но необходимых для достижения познавательной цели предметно-практических процедур и операций. Выдвигая цель приобрести знания о той или иной планете, астроном ставит и решает ряд предметно-практических задач, связанных с соз-

данием и регулировкой оптических инструментов (вспомним Галилея), проведением наблюдений, записей и т. п. В этом случае «подсобными» оказываются предметно-практические задачи, а главными — познавательные.

Все виды деятельности могут быть классифицированы в зависимости от типа основной задачи. Если эта задача познавательная, то результат ее решения есть знание. Именно оно является конечным продуктом познавательной деятельности. Если же основная задача предметно-практическая, производственная, то конечный результат ее решения есть некий материальный предмет. Именно он оказывается конечным продуктом предметно-практической деятельности. Таким образом, основанием для разграничения типов деятельности является соотношение задачи и конечного продукта реализующей ее деятельности. Дальнейшее углубление типологии деятельности требует учитывать метод или способ ее осуществления, ибо одна и та же задача может решаться различными способами.

Исследование, как уже отмечалось, представляет собой особый тип познавательной деятельности. Его отличительная черта состоит в создании нового знания. Именно этим исследовательские задачи отличаются от других познавательных задач. Таким образом, решение тех или иных задач, связанных, например, с усвоением ранее установленных знаний (в процессе обучения), или задач, связанных с проверкой и уточнением ранее полученных результатов, не является исследованием. Точно так же не всякое исследование можно считать научным. Инженерные исследования, например, часто приводят к получению ценных новых знаний относительно технологии или конструкции какого-либо объекта. Но в той мере, в какой они подчинены производственной задаче, они являются «подсобными», а их квалификация в качестве научных может быть оправдана лишь в том случае, когда результат таких исследований включается в состав какой-либо науки. «Новыми» могут быть результаты, полученные алхимиком или астрологом, но сама по себе такая новизна не делает их исследования научными. Поэтому критерий новизны должен быть дополнен критерием научности.

Исторически каждая сложившаяся наука сама нащупывала и разрабатывала критерии научности «по образу и подобию своему». Вследствие этого само понятие «наука», как и вытекающий из него критерий научности, ока-

зались пакетными понятиями. Согласно определению таких понятий (см. гл. 1, § 1), они не содержат единого, общего для всех, центрального признака, и пользоваться ими довольно затруднительно. Поэтому познавательный статус тех или иных специальных знаний, в том числе исторических, довольно часто пытаются определить через способ их получения, т. е. через процесс исследования. Знание считается научным, если оно получено в результате научного исследования. При этом подразумевается, что в нем применяются лишь научные методы познания. Круг оказывается замкнутым: статус исследования определяется через критерий научности и понятие науки, а они, в свою очередь, просто фиксируют признанную научность того или иного исследования.

Чтобы разорвать этот круг и вырваться из него, следует продолжить анализ проблемы в двух направлениях: 1) попытаться выявить общие абстрактные и необходимые моменты познавательной деятельности, претендующей на статус научного исследования, на основе изучения ее эмпирических образцов; 2) рассмотреть социально-исторические и философские предпосылки формирования конкретных форм специализированного профессионального знания, в данном случае исторического. Первым направлением мы займемся в этой главе, вторым — в следующей.

Каковы же общие абстрактные и необходимые свойства познавательной деятельности, оцениваемой как научное исследование? Известно, что исследования, проводимые математиками, физиками, биологами, психологами и историками, имеют совершенно различные объекты знания и исходные исследовательские объекты. Сравнить их по этому признаку совершенно бессмысленно. Зато относительно просто выделить общие компоненты, а следовательно, и включающие их структуры в системах исследовательской деятельности. Такими компонентами в самом общем и абстрактном виде являются:

а) исследовательская задача, фиксирующая проблемную ситуацию, цель, а также условия и методы ее достижения;

б) набор исходных гипотез;

в) совокупность исходных предварительных знаний, в том числе теоретических;

г) методы и средства изучения эмпирического материала (объектов исследования) и проверки гипотез, включая методы логические, математические и т. д.;

д) конечный результат исследования — новое знание. Это довольно грубый перечень компонентов исследовательской деятельности. Все они реализуются последовательно во времени и могут повторяться в разных сочетаниях. В ходе реальных исследований неоднократно уточняются и корректируются задачи, выдвигаются и отбрасываются гипотезы, ставятся различные эксперименты и т. п. Порядок и точная последовательность процедур и операций каждого этапа или компонента исследования не могут быть определены заранее. Исследование оказывается полиструктурной системой, развивающейся и меняющейся во времени. Конкретное содержание этапов в различных сферах познания может иметь более или менее значительные различия. Так, в физическом исследовании, как правило, присутствует эксперимент или прямое наблюдение, а объекты знания и исследования часто совпадают. В историческом исследовании эксперимент фактически невозможен¹, а объекты знания и исследования разделены во времени и принципиально различны по качеству.

По мере перехода от общей структуры исследования к конкретным исследовательским процессам, процедурам и операциям их разнообразие растет. Это объясняется разнообразием конкретных объектов знания, исходных познавательных ситуаций и задач, встречающихся в реальной исследовательской практике. Поэтому даже в рамках однотипных, например археологических, исследований возможны различные исследовательские структуры, в которых последовательность и состав этапов, процедур и операций более или менее значительно варьируются. Тем не менее и здесь можно выявить сходные по логической природе процедуры и операции. В любом историческом или археологическом исследовании приходится осуществлять сбор и поиск источников, их предварительную обработку и описание, классификацию и систематизацию, сравнение, анализ, идентификацию, оценку подлинности, значимости и т. п.

Логико-методологический анализ конкретных исследе-

¹ В статье автора «К вопросу о структуре исторического исследования» (см.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969) говорилось о возможности эксперимента в историческом исследовании; при этом имелся в виду мысленный эксперимент с предполагаемыми историческими ситуациями, используемый в целях проверки исторических гипотез. Такой эксперимент не следует отождествлять с реальным физическим экспериментом.

довательских структур, связанный с выполнением одинаковых по логической природе операций и процедур (таких, как классификация, систематизация, сравнение и т. п.), с необходимостью требует рассмотрения ряда задач, выходящих за рамки первоначальной основной познавательной задачи. Это отчетливо обнаруживается по мере накопления эмпирического материала. В самом деле, без классификации и систематизации нельзя осуществить сравнение различных эмпирических данных и фактов; без сравнения невозможно провести идентификацию, критический анализ и оценку источников и т. д. Ф. Энгельс, говоря о природе естественнонаучного познания, подчеркивал, что необходимость классификации, систематизации эмпирического материала сама подводит естествоиспытателей к построению теоретического знания. А это невозможно без применения определенных логических норм, правил и принципов. Логико-методологическая проблематика с необходимостью порождается самим процессом исследования, независимо от желаний и намерений исследователя¹. Вместе с этой проблематикой в структуру конкретных исследований проникают и философские знания, образуя особый компонент или подсистему внеисточниковых мировоззренческих общетеоретических знаний.

Этот вывод можно целиком распространить и на обществоведение, включая историографию. Известно, что один из видных представителей буржуазной историографии Л. Ранке пытался ограничить задачу историка одним лишь описанием того, «что и как было». Тем не менее и он не был свободен от философского, методологического компонента, присутствующего в его трудах и входившего во внутренний механизм процесса исследования. Здесь мы вплотную подходим к вопросу, связанному с выявлением и выделением так называемых базисных и производных исследований.

Производные исследования и соответствующие им задачи могут возникать не только в познавательной, но и в предметно-практической производственной деятельности. Приведем следующий пример.

Один античный трагик представил на сцене легендарного царя Миноса, предложившего удвоить размеры надгробного памятника Главка для воздания тому еще больших почестей. При этом он повелел: «Не нарушая

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366.

красоту формы, удвой немедленно каждую сторону гробницы»¹. Чтобы упростить задачу, заменим исходный объект (оригинал статуи) и конечный объект (копию) мраморными кубами соответствующих размеров (как это впоследствии и делали греческие математики). Если грань оригинала равна a , то объем равен a^3 . Соответственно и задача приобретает вид: «Создать куб, в два раза превосходящий оригинал».

Умея оперировать линейными величинами, античные ваятели разбили исходную базисную задачу на ряд подзадач: увеличить в два раза каждый из линейных параметров, т. е. длину, ширину и высоту исходного объекта. Однако простой расчет показывает, что такое решение привело бы к совершенно неожиданному результату, а именно: $2a \cdot 2a \cdot 2a = 8a^3$. Это в четыре раза больше, чем требовалось по условиям задачи, т. е. $2a^3$. Возникшую ситуацию можно назвать конфликтной или проблемной. Она требует сформулировать и решить новую производную задачу: найти причину ошибки и устранить ее. Хотя базисная задача является предметно-практической, производная всегда оказывается исследовательской. Для ее решения следует проанализировать формулировку базисной задачи, методы и технические средства ее решения, а также «совместимость» задачи и объектов. Легко заметить, что в рассматриваемом случае со статуей источником конфликтной ситуации явилась неадекватность методов содержанию базисной задачи. Поэтому производная задача оказывается здесь методологической (в узком смысле): она ведет к созданию знаний о новых методах решения базисных задач².

В простейших случаях, подобных только что рассмотренному, производную задачу легко отличить от базисной. Первая относится к сфере познавательной деятельности, вторая — к предметно-практической; исходный и конечный объект первой — знания, исходный и конечный объект второй — материальные предметы. Гораздо сложнее обстоит дело, когда и производная, и базисная задачи принадлежат к классу исследовательских. При этом производные задачи и соответствующие им исследования могут относиться к различным типам. Они бывают мето-

¹ См.: Ван дер Варден Б. Л. Пробуждающаяся наука. М., 1959, с. 221.

² В истории греческой математики эта задача известна как задача об удвоении куба. Ее решение стимулировало создание новых интересных методов.

дологическими (в узком и широком смысле), эпистемологическими, логико-семантическими, философско-историческими. Типология таких исследований и соответствующих им знаний оказывается отнюдь не легким делом.

Производные исследования, порождаемые базисными историографическими исследованиями, часто осуществляются самими историками. Пока объем их относительно невелик, а выполнение не требует специальной логико-методологической подготовки, различие между этими типами исследования не осознается. И все же следует заметить, что выработка представлений о категориях исторической причинности, исторической цели, исторической связи, закона исторического развития и т. п. не входит, строго говоря, в круг базисных задач эмпирической историографии. Вместе с тем без решения этих производных проблем проведение базисных исследований оказывается невозможным.

Таким образом, внутренний механизм профессионального исторического познания, тысячекратно повторяемый отдельными исследователями, решающими различные по содержанию историографические задачи, с необходимостью приводит к образованию «нового слоя», нового типа исторических знаний. Эти знания возникают не как результат исследования исторических и археологических источников, но как результат анализа самого исторического исследования и создаваемых в нем вторичных исторических текстов. Результаты такого производного «исследования исследования» фиксируются в виде особых подсистем исторического знания. Лишь на очень поздних этапах развития они оформляются как самостоятельные познавательные структуры. Их содержание частично отражает структуру и «технологию» самого исторического исследования, а частично несет информацию об исторической реальности. Эта сложность производного исторического знания, в свою очередь, выдвигает ряд производных задач второго порядка, решение которых, как будет показано дальше, относится к компетенции исторической эпистемологии.

Усложнение структуры исторического познания, возникновение различных типов исследований немислимо без выделения точно сформулированных методов познания. Историческое познание как сложная рациональная деятельность сравнимо с другими развитыми формами рационального познания, среди которых оно должно определить свое место и свой познавательный статус.

4. Познавательный статус исторического знания. Концепция науки (узкая, или специальная, версия)

Обсуждение вопроса о статусе исторического познания заставляет вспомнить о третьем (указанном во вступлении к этой части) факторе, влияющем на его структуру и развитие. Этот фактор создается в процессе взаимодействия исторического познания с другими формами познания. Некоторые из них, например познание природы, начинают свое победоносное шествие в период античности одновременно с историческим познанием, но гораздо раньше его достигают методологической и теоретической зрелости, становятся практически полезными и приобретают почетный титул точных знаний, или науки. Историки и философы, насколько можно судить, всегда под тем или иным углом зрения рассматривали и сравнивали различные формы познания, классифицировали их.

Аристотель, например, относил историческое знание к проявлениям памяти и полагал, что историческое познание, хотя оно и уступает поэзии, все же ближе к ней, чем к науке. Ф. Бэкон, который во многих вопросах считал себя антиподом Аристотеля, также отводил историческому познанию место за пределами науки. Долгое время трактовка исторического познания как разновидности искусства, вспомогательной политической или этической дисциплины не вызывала возражений и была общепринятой. Лишь в XIX веке вопрос о возможности исторической науки приобрел новое звучание и получил новые решения. Помимо внутренней потребности самоопределения этому содействовали следующие факторы.

1. С конца XVI и особенно на протяжении XVII—XVIII веков в Европе быстро развивается новое, механистическое естествознание, математическое и экспериментальное одновременно. Его гипотезы проверяются экспериментами; его законы формулируются предельно точно, они объективны и постоянно находят практическое приложение. Крупнейшие мыслители этого периода — от Ф. Бэкона до Канта — возлагают на естествознание большие надежды, полагая, что оно сделает человека господином над природой, рационализирует само общество, избавит человечество от бедности, несправедливости и болезней. Преклонение перед наукой растет. Однако уже в XIX веке становится очевидным, что прогресс естествознания и техники не устраняет социальной несправедливости, нищеты, болезней и политического произвола. На-

дежды мыслителей постепенно обращаются к знаниям об обществе, прежде всего историческим. Но исторические знания могут быть использованы для рационализации общества лишь при условии, что они являются наукой, т. е. обладают особым познавательным статусом.

2. Начиная с эпохи средних веков вплоть до Нового времени различные исторические сведения постоянно используются для решения практических юридических и политических задач (династические споры, взаимные территориальные и имущественные претензии и т. д.). В Новое время использование исторических аргументов в политической практике делается невозможным без их соответствующей апробации. Юрист или политик требуют, чтобы предоставляемые в их распоряжение исторические данные были достоверными. Это заставляет с другой стороны подойти к проблеме познавательного статуса исторического знания и выдвигает вопрос о научности методов исторического исследования.

3. Что касается воспитательной и образовательной функций исторического познания, то в домашнем и школьном воспитании исторические знания различного уровня использовались с незапамятных времен. Однако практика современного школьного и высшего образования предъявляет к ним особые требования. В систему школьного образования, как правило, входит изучение основ наук. Высшая же школа призвана выпускать специалистов, отвечающих всем современным требованиям и способных выполнять исследования на уровне современной науки. Историческое познание само требует высококвалифицированных специалистов, владеющих обширным арсеналом сведений, относящихся к другим научным дисциплинам: лингвистике, экономике, психологии, философии, этнографии и даже математике. В социалистическом обществе, где система образования имеет целью воспитание научного мировоззрения, требования к знаниям, включенным в эту систему, особенно высоки. И это также делает актуальным вопрос о критериях и статусе исторического познания.

4. Человечество всегда стремилось заглянуть в будущее, предвидеть, предсказать его. В разные эпохи процедура предвидения опиралась на разные основания: космические (расположение и движение небесных светил), климатологические (состояние погоды — ясное солнце, тучи, разбушевавшееся море), зоо- и фитографические (гадание по внутренностям животных, по растениям)

и т. д. В настоящее время разрабатываются научные способы предвидения и прогнозирования будущего. Связанные с этим статистические, кибернетические и другие методы опираются на использование исторических знаний. Естественно, что эти знания заслуживают доверия лишь в том случае, если методы их получения обладают авторитетом научности.

5. Особую важность вопрос о статусе исторического познания приобретает в связи с проникновением исторических методов и исторического подхода в другие сферы научного познания. В XIX веке историзм постепенно овладел лингвистикой, экономической наукой, биологией, а еще раньше он вошел как необходимый элемент в структуру юридических наук и благодаря исторической школе права получил широкое признание. Триумф марксизма еще больше содействовал распространению исторического подхода к изучению общественных и естественных явлений. В XX веке исторические методы охватили не только социологию, но и проникли в науки о неорганическом мире, такие, как физика, астрономия и т. д., бывшие некогда цитаделью механистического мировоззрения. Естественно, что правомерность такого проникновения может быть доказана лишь при условии, что за историческим познанием в целом, а следовательно, и за развиваемыми в его рамках методами и установками признается статус науки. В силу сказанного при обсуждении вопроса о познавательном статусе историографии целесообразно обсудить и уточнить концепцию науки.

Если рассматривать развитие тех систем знаний, которые и сейчас, и в прошлом считали науками, то можно установить некоторые устойчивые тенденции. Одна из них состоит в том, что каждая эпоха и каждая культурная традиция создают свой познавательный идеал. Этот термин довольно часто использовался в начале века¹. Познавательный идеал фиксирует признаки, отражающие в абстрактном, идеализированном виде основную тенденцию познания, его наиболее совершенную с точки зрения современников форму. Такой идеал представляет собой некую мыслимую модель, желаемый «образ» явления и отличается от эталона тем, что последний существует реально, являясь фактически лучшим, но отнюдь не предельным образцом.

¹ См.: *Алексеев Н. Н.* Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. М., 1912.

В XVI — начале XVII века познавательный идеал научности выступал как дедуктивно построенная математическая система, а реальным эталоном являлась геометрия Евклида. Спиноза строил свою философскую систему по этому образцу. Ему же пытались подчинить и историческое познание. В XVII—XIX веках эталоном научности стала классическая механика с присущим ей четким разделением всех знаний на два уровня: теоретический и эмпирический. На первом уровне осуществляется дедуктивное математическое развертывание основных предложений теории, их обоснование; на втором — на основе наблюдений и экспериментов получают эмпирические данные, необходимые для формулирования обобщений (законов) и проверки гипотез. Система объектов науки выступает как механическая модель определенным образом взаимодействующих частиц. Этот познавательный идеал нередко распространялся и на общественные дисциплины. Наиболее отчетливо он выражен в концепциях науки Конта и его последователей вплоть до неопозитивистов середины XX века.

Происходящие во второй половине XX века глубокие изменения в самой структуре научного познания находят отчетливое выражение в изменении познавательного идеала. Целесообразно называть его эпистемологическим идеалом, так как в данном случае речь идет именно о науке, а не о познании вообще.

Следует иметь в виду, что эпистемологический идеал в действительности представляет собой результат логических процедур абстрагирования, предельного перехода и идеализации, отправным пунктом которых являются эмпирически данные системы современного научного знания. Предельный переход и идеализация улавливают, усиливают и крайне преувеличивают основные характеристики, обнаруживаемые в динамике и функционировании наиболее развитых современных наук: физики, астрономии, механики, кибернетики и т. д. Именно эти дисциплины в самом широком их понимании задают тон в современной науке.

Концепция науки, выступающая как эпистемологический идеал, является своеобразной моделью, к которой стремятся «гвардейские» науки века. Она может со временем радикально измениться, однако маловероятно, что это случится в ближайшем будущем.

Наука в этом смысле представляет собой систему знаний об определенной системе материальных объектов,

их свойств, связей и отношений. Эти знания расчленяются на ряд следующих функциональных подсистем или групп.

1. *Теория* — совокупность истинных высказываний, связанных между собой логическими отношениями выводимости и выражающих знания о законах соответствующей онтологической системы (объекты знания).

2. *Факты* — совокупность высказываний, фиксирующих результаты экспериментов и наблюдений, полученные по определенным правилам с помощью специальной аппаратуры в соответствии с критериями точности и адекватности, продиктованными данной теорией. Такие высказывания рассматриваются как достоверные или статистически вероятные.

3. *Метод* — совокупность правил, норм и критериев, регулирующих все операции и процедуры, необходимые для построения и развития теории, а также для получения соответствующих фактов. В первом приближении методы делятся на эмпирические и теоретические.

4. *Проблемы* — совокупность задач, выражаемых вопросительными и целевыми предложениями и в известной мере предопределяющих все процедуры построения теории и поиска (открытия) эмпирических фактов.

Определенная наука как система знаний в своем внешнем проявлении выступает как особая знаковая система в форме специального языка — языка науки, который может более или менее значительно отличаться от естественного языка, выражающего обыденное знание (здравый смысл), а также от языков других наук.

В структуре любой деятельности, как предметно-практической, так и познавательной, можно выделить присущие ей задачи, методы и факты. Главной отличительной чертой науки является наличие в ее составе теории (понимаемой в вышеуказанном смысле). В эпистемологическом идеале теория выступает как своего рода математическая машина, которую не следует отождествлять с какими-либо техническими устройствами (станками, транспортными аппаратами, компьютерами и т. д.). Такие машины можно рассматривать как дискретные автоматы в том смысле, в каком говорит о них Эшби¹. По существу, их следует представлять в виде простых или сложных функций, аналогичных машине Тьюринга²

¹ См.: Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1957, с. 43.

² См.: Эббингауз Г. Д. и др. Машины Тьюринга и рекурсивные функции. М., 1972.

и служащих для переработки информации. Чаще всего они выступают как системы взаимосвязанных уравнений, переменные которых интерпретируются в терминах данной онтологической системы и обозначают соответствующие свойства, отношения или количественные параметры, характеризующие объекты знания. В содержательном плане такие уравнения рассматриваются как постулаты, аксиомы или законы, образующие теории. После подстановки эмпирических данных (количественно выраженных фактов) и решения уравнений (работа машины) получаются новые количественные данные (выходная информация), которые подлежат предметно-практической проверке («отладка машины», проверка гипотез) или технологическому внедрению. Классической иллюстрацией подобной «машины» может служить небесная механика Кеплера — Ньютона. Подстановка на входе исходных эмпирических данных, полученных в момент времени t_1 , позволяет на выходе получить знания о расположении планет на околосолнечной орбите в моменты t_2 , t_3 и т. д.

Описанная здесь упрощенная схема «работы» теории позволяет рассматривать ее как функционирующую систему знаний, осуществляющую выработку («производство») новых знаний — эмпирических. Смысл этой деятельности заключается в том, что в определенном временном интервале она освобождает исследователя от необходимости постоянно обращаться к эксперименту и наблюдению. Потребность в них сохраняется лишь для коррекции, уточнения и углубления «работающей» теории. Основной же задачей экспериментатора становится поиск новых фактов, стимулирующих выдвижение новых гипотез, построение новых теорий и обеспечивающих их подтверждение или опровержение. Теория как компонент эпистемологического идеала присуща только науке.

Изложенная здесь концепция выражает определенный, обусловленный развитием науки эпистемологический идеал. Как уже отмечалось, он построен на основе наиболее развитых и математизированных естественно-научных дисциплин. Поэтому будем называть эту концепцию узкой или сильной версией науки¹. Даже те ре-

¹ Термины «узкий» и «сильный» употребляются здесь в чисто логическом смысле и не несут какой-либо эмоциональной или социально значимой нагрузки. Первый относится к объему понятия, подчеркивая, что с усилением требований или признаков число подпадающих под понятие явлений уменьшается; второй обращает внимание

альные дисциплины, на базе которых сконструирована сильная версия, не подпадают под нее целиком и полностью и не могут безоговорочно отождествляться с нею. Но может ли в таком случае быть подведено под эту концепцию историческое познание? К рассмотрению этого вопроса мы и перейдем.

5. К вопросу о сравнительном анализе исторического познания

Сравнительный анализ структур естественнонаучных и исторических исследований позволяет, как было показано, установить ряд их общих характеристик. Однако по мере перехода к более конкретным реальным исследованиям эти характеристики становятся все более расплывчатыми и их место занимают специфические черты и структурные особенности. Введение понятий «эпистемологического идеала» и «эталона науки» позволяет рассмотреть всю проблему не с точки зрения структуры процесса создания знаний, а с точки зрения уже созданных готовых знаний. Этот подход имеет свою историю, но целесообразно начать с того момента, когда он достиг кульминации и все полемические акценты проявились с должной ясностью, а методологические и логические позиции обозначились во всей полноте и взаимосвязи с общими философскими принципами.

В конце XIX — начале XX века лидеры неокантианской философии науки В. Виндельбанд, а затем Г. Риккерт выдвинули тезис о наличии двух классов наук: исторических и естественных. Первые являются идиографическими, т. е. описывающими индивидуальные, неповторимые события, ситуации и процессы; вторые — номотетическими, они фиксируют общие, повторяющиеся, регулярные свойства изучаемых объектов, абстрагируясь от несущественных индивидуальных свойств. Поэтому номотетические науки — физика, биология, психология и т. п. — в состоянии сформулировать законы и соответствующие им общие понятия.

Развивая этот подход, Риккерт перенес центр тяжести на методы исследования. Согласно Риккерту, исторические науки пользуются индивидуализирующим методом, естественные — генерализирующим. И те, и другие

на то, что признаки понятия содержат максимально сильные требования или критерии, ослабление которых ведет к расширению объема понятия.

применяют абстракции и общие понятия, но для первых это лишь вспомогательные средства, ибо их назначение — дать конкретное, максимально полное описание неповторимого исторического феномена; для вторых общие понятия в известном смысле — самоцель, результат обобщения и условие формулирования законов. Поэтому исторические науки отличаются большей субъективностью, а сама история есть развитие культуры, понимаемой как система общезначимых ценностей. Выбор объектов исторического познания, согласно Риккерт, определяется историческим интересом, который, с одной стороны, зависит от характера культуры, а с другой — от чисто индивидуальной позиции исследователя. Выбор же ракурса, в котором рассматриваются исторические события, в конечном счете определяется индивидуальной оценкой. В отличие от культурных ценностей оценка целиком субъективна. Если культурные ценности вводятся в структуру исторического интереса, так сказать, с парадного подъезда, то оценка проникает с заднего крыльца. Таким образом, историческое знание не только фиксирует индивидуальное и неповторимое в истории, но и строится на основе индивидуальных оценок и личных предпочтений исследователя. Напротив, законы естествознания объективны и, будучи продуктами определенной культуры, по существу, от нее не зависят.

Справедливо подчеркивая классовые корни и идеологическую ограниченность этой концепции, ее критики часто упускали из виду, что в ней были зафиксированы некоторые реальные моменты практических исторических исследований. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с произведениями классиков немецкой исторической науки Б. Нибура, Л. Ранке, И. Дройзена и других, труды которых, будучи весьма скрупулезными, как правило, не выходили за границы документированного описания индивидуальных событий прошлого, отбор и оценка которых производились с определенных ценностных позиций (часто, впрочем, неосознанных). Формулируя свои цели и замыслы, такие историки нередко честно стремились к объективности, но реализация этих замыслов обнаруживала их субъективную подоплеку. Профессор Йельского университета Гей, исследуя исторический стиль Ранке, замечает, что за его объективизмом и нежеланием судить историю скрываются неосознанные политические пристрастия и что Бисмарк в этом смысле ближе Ранке, чем социал-демократ Бе-

бель¹. В зеркале неокантианской философии эти реальные исторические исследования выступали в утрированном виде. При этом их методологическая и методическая ограниченность возводилась в принцип и выдавалась за всеобщую определенность и сущность исторической науки и исторического познания.

Нетрудно заметить, что историческая наука в понимании Виндельбанда и Риккерта имеет мало общего с научным естествознанием. Для этого достаточно взглянуть на следующую таблицу (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

	Исторические науки	Естественные науки
1. Конечный результат познания	Описание индивидуального события	Законы
2. Основной источник информации	Письменные источники, тексты (хроники, мемуары, письма, документы), материальные остатки прошлого	Природа, взаимодействие с природой
3. Способ взаимодействия с объектом знания	Опосредствованное, через исторические и археологические источники	Прямое наблюдение, эксперимент
4. Метод исследования	Описание индивидуального события или процесса	Генерализация, построение общих понятий
5. Особенности объектов знания	Неповторимые, не поддающиеся воспроизведению	Повторяющиеся во времени и в пространстве
6. Отношение к ценностям	Историческое знание целиком зависит от ценностей и оценок	Естественнонаучное знание само представляет собой ценность, но от ценностей и оценок не зависит

Эта таблица достаточно красноречива и не нуждается в комментариях. Как видно из нее, исторические и естественнонаучные знания почти не имеют точек соприкосновения и общих характеристик. Но в этом случае за-

¹ Gay P. *Style in history*. N.Y., 1974. См. подробнее: Смоленский Н. Н. Леопольд фон Ранке. Методология и методика исторического исследования.— Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 4, т. 187.

конно спросить: на каком основании и те, и другие относятся к единому классу «наука»?

По-видимому, такую классификацию, не опирающуюся на строгий логический анализ процедуры классификации знаний, объясняют два стихийно сложившихся обстоятельства. Первое из них связано с академической традицией, с тем, что историография была включена в состав университетских дисциплин и среди ее крупнейших представителей имелось немало ученых высокого профессионального уровня. Однако ученые могут заниматься самыми разными проблемами, и это само по себе еще не может служить методологическим или логическим основанием для того, чтобы причислить ту или иную систему знаний к науке. Как известно, среди университетских курсов в некоторых университетах Западной Европы и Америки до сих пор числятся астрология и «окультурные науки».

Другое основание, неявно зафиксированное в неокантианской позиции, перешедшей по наследству ко многим современным философским школам, связано с тем, что понятие «наука» по-разному окрашивается в зависимости от используемого для его интерпретации лексического, словесного материала.

Так, английское слово «science» обычно относят к естествознанию и точным математическим знаниям, что сразу создает своего рода лингвистический барьер между естественнонаучным и гуманитарным знанием. Напротив, немецкий термин «Wissenschaft» по своей этимологии относится к любым систематизированным знаниям. Наконец, русский термин «наука» в своей исторической этимологии фиксирует любые знания, овладение которыми требует некоторой подготовки (вспомним хотя бы «науку побеждать» или «науку страсти нежной»).

Очевидно, что, рассматривая знания, претендующие на роль науки, следует учитывать прежде всего не такие внешние факторы, как лингвистические и культурные традиции, а принципиальные эпистемологические характеристики. Известно, что неокантианская концепция исторического познания не только оказала большое влияние на тех, кто занимался логикой и методологией истории в первой половине нашего века, но и в значительной степени предопределила круг проблем, которые обсуждаются философами, логиками, методологами, эпистемологами и историками вплоть до наших дней. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с трудами вид-

ных представителей философии истории и историографии, затрагивающими эти проблемы¹.

Сравнение исторического и естественнонаучного знания может привести к двум альтернативным выводам. Первый из них, по существу, подсказан самим неокантианством. Если историческое знание и естественнонаучное знание отличаются друг от друга столь радикально и если естествознание без всяких ограничений признается наукой, то историография (хотя неокантианцы этого и не говорили) наукой признаваться не может. Если все же историографию признать наукой, то термин «наука» в этом случае должен получить совершенно особый смысл и значение, не имеющие ничего общего с тем смыслом и значением, которые имеются в виду, когда речь идет о математике, физике, астрономии, механике и т. п.

Такое радикальное отрицание научности историографии, вообще говоря, не является новинкой. В XIX веке подобного взгляда придерживался Шопенгауэр. Да и в XX веке имеется немало историков и философов, отрицающих за историографией статус научности. Однако этот крайний «исторический нигилизм» встречает резкую оппозицию у большинства профессиональных историков и у многих специалистов, работающих в сфере эпистемологии, логики и методологии науки. Как это часто бывает в истории науки, их аргументация в защиту научности историографии строится по довольно простой логической схеме. Если противники «научности» историографии признают за эталон естественные науки и поэтому отказываются признавать историческое познание наукой, то контраргументация строится на том, что никакого отличия между исторической и естественнонаучной формами познания не существует. В результате одна крайность порождает другую.

Противники неокантианской концепции исторического познания стремились и стремятся прежде всего доказать наличие в историческом познании черт и признаков, присущих в равной мере как естественнонаучному, так и историческому знанию. В качестве таковых обычно выдвигают наличие законов (реже теорий), а также единых общенаучных методов. Убеденным представителем

¹ См., например: *Kon I. S.* Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Kritischer Abriss. Berlin, 1964; *Скворцов Л. В.* История и антиистория. К критике методологии буржуазной философии истории. М., 1976; *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979

первого подхода был известный русский историк Д. М. Петрушевский. Согласно его точке зрения, историческая наука, чтобы быть наукой об индивидуальном, должна быть наукой об общем и наоборот. Избегая излишних упрощений, она должна строить социологические закономерности и пользоваться ими. Вырабатывая законы и общие понятия, она по своему логическому существу ничем не отличается от других наук¹.

Еще безапелляционнее этот взгляд выражен польским историком и философом Е. Топольским. Выступая против исторического скептицизма, отрицающего возможность познания прошлого, он замечает: «Прежде всего мы должны доказать отсутствие специфики исторического познания, что имеет серьезное значение для разработки науки истории». И несколько далее: «Таким образом, мы приходим к выводу, что все проблемы, касающиеся исторического познания, являются проблемами, касающимися одновременно всякого познания»². Главный акцент Е. Топольский делает на сходстве и даже совпадении научных методов. Исторические знания, так же как и физические, могут быть верифицированы, т. е. может быть установлено их эмпирическое значение, причем посредством процедур, аналогичных тем, которые используются в естествознании. В историческом исследовании, так же как и в естественнонаучном, возможно прямое наблюдение (например, наблюдение материальных остатков прошлого — древнего плуга или каменных накопчиков, стрел и копий).

Хотя взгляды Д. М. Петрушевского и Е. Топольского и продиктованы намерением отстоять научный статус исторического познания, тем не менее с ними нельзя согласиться. Достаточно сравнить самые «теоретические» страницы из сочинений Б. Нибура, Л. Ранке, Т. Моммзена, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского или А. Е. Преснякова с теоретическими работами И. Ньютона, Ж. Лагранжа, Д. Максвелла, А. Эйнштейна, П. Дирака или Л. Д. Ландау, чтобы увидеть их различие, ту самую специфику, которую столь сильно преувеличивали В. Виндельбанд и Г. Риккерт и которую столь же категорически отрицают Д. М. Петрушевский и Е. Топольский.

¹ *Петрушевский Д. М.* К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг., 1915, с. 14—16, 18.

² *Topolski J.* Metodologia historii. Warszawa, 1973, S. 280, 289.

Точно так же обстоит дело и с методами исследования. Человек, разглядывающий каменный наконечник или прослушивающий магнитофонную запись давно состоявшейся беседы (пример Е. Топольского), конечно, наблюдает материальные остатки прошлого. Но как мало похоже это на наблюдения за излучением пульсаров или на эксперименты по обнаружению кварков. Отрицание специфики исторического знания и исторического исследования вряд ли может служить аргументом в пользу их научности.

Более того, отождествление исторического и естественнонаучного познания, присущих им методов и критериев научности вызывает у многих историков законные возражения. А. Я. Гуревич, подчеркивая необходимость особой методологии исторического познания, замечает: «Попытки познать «объективное», отвлекаясь от «субъективного фактора» в истории, означают не что иное, как беспощадное изуродование живого организма человеческой культуры на прокрустовом ложе естественнонаучного мышления»¹.

Итак, результат нашего анализа состоит в признании того, что проблема сложнее, чем могла бы казаться. Ее решение требует не одностороннего игнорирования специфики или общности различных форм профессионального исторического познания, но их диалектического анализа на основе исторического материализма и принципа единства противоположностей. Поэтому зафиксированные здесь различия исторического и естественнонаучного познания сами должны быть рассмотрены исторически.

¹ Гуревич А. Я. Традиционное и новое в историческом знании.— Тезисы докладов межвузовской научной конференции «Современные проблемы философии истории». Тарту, 1979, с. 27.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. Концепция науки (слабая, или широкая, версия) и историческое познание

Конечный пункт предыдущего рассмотрения выступает теперь исходным пунктом дальнейшего анализа.

Напомним, что концепция науки, сформулированная в четвертом параграфе предыдущей главы, построена на основе гиперболизации и абстрагирования наиболее существенных характеристик современной физики, кибернетики и других в конечном счете сводимых к ним систем знаний. Так как в большинстве современных работ по философии науки исследования формальных и содержательных характеристик науки, как правило, опираются на системы знаний, сложившиеся в наиболее развитых отраслях естествознания и математики, без учета большинства других и особенно общественных дисциплин, то возникающие в результате представления и определения оказываются весьма ограниченными¹.

По существу, сильная версия в какой-то мере делает синонимами понятия «наука» и «физика». Приняв ее в качестве единственно возможной версии и ставя вопрос, является ли данная система знаний наукой, мы в действительности спрашиваем, является ли эта система физикой (или кибернетикой). Когда речь идет о географии, геологии, медицине, юриспруденции, а тем более историкографии, отрицательный ответ напрашивается сам собой. Но почему же в таком случае сильная версия рассматривается как единственно возможная в большинстве трудов по логике, методологии и философии науки?

Повышенный интерес к сильной версии имеет серьезные основания. К. Маркс отмечал, что наука лишь тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой. Он, естественно, имел в виду не любое использование математики, ибо она с давних пор

¹ Этот упрек относится и к взглядам, изложенным в ранее опубликованных моих работах.

находит более или менее широкое применение в географии, геологии, юриспруденции и в историческом познании (например, статистические подсчеты), а также в технике и в повседневной практике. Наука достигает совершенства тогда, когда она использует математику особым, только науке присущим способом.

Математика выступает не только как средство подсчета, как вычислительная рецептура, но и как формальный язык или система формальных преобразований, с помощью которой только и может быть построена строгая дедуктивная теория. Она-то и составляет основной компонент эпистемологического идеала науки, являясь своего рода «машинной» или «автоматом» (в том смысле, какой имел в виду Эшби) для производства новых (эмпирических) знаний. Новая информация может порождаться подобной «машинной» до поры до времени без обращения к прямому эксперименту и наблюдению. Ничего подобного мы не обнаруживаем в историческом познании. Такого рода математизированные теории — «машины» — мы находим лишь в наиболее развитых разделах физики, кибернетики, молекулярной биологии и т. п. Именно эти системы знаний на сегодняшний день выступают как науки, достигшие «совершенства» в том смысле, который имел в виду К. Маркс. Но означает ли это, что другие, не достигшие совершенства формы профессионального познания не являются науками? Тот или иной ответ на этот вопрос характеризует отношение общества к соответствующим системам знания, степень их объективности и надежности, возможность их использования в тех или иных социально значимых ситуациях и т. д. Однако прежде следует рассмотреть отношение исторического познания к здравому смыслу.

Те формы познания, которые с точки зрения сильной версии не могут быть квалифицированы в качестве науки и вместе с тем не относятся к художественному, религиозному, политическому, правовому или моральному познанию, обычно относят к здравому смыслу или обыденному знанию. Здравый смысл отнюдь не хаотическое нагромождение разрозненных и разнокачественных знаний. Он складывается исторически и представляет собой организованную систему сведений о предметах внешнего мира, о человеке, правилах общежития и повседневной производственно-бытовой деятельности. Он хранится, трансформируется и передается в структурах повседневной деятельности и удовлетворяет стереотипные,

стандартные для данного общества, данного класса или социальной группы потребности. Научные знания возникают и развиваются на основании здравого смысла, но, достигнув определенной стадии, вступают с ним в противоречие. Со временем под воздействием науки здравый смысл сам претерпевает более или менее заметные изменения. В него проникают различные сведения из области физики, математики, астрономии, химии, биологии, медицины и т. д., необходимые для решения повседневных задач. Естественно, что современный здравый смысл весьма заметно отличается от здравого смысла эпохи средневековья или античности.

Главное отличие здравого смысла от науки состоит не в количестве и содержании охватываемой ими информации, а в системообразующих принципах, ибо они противостоят друг другу не как хаос системе, но как системы, опирающиеся на разные познавательные принципы.

Системообразующий принцип научного познания коротко можно сформулировать так: «Все об объекте». Соответственно все компоненты любой науки ориентированы на получение максимально доступной истинной информации о данной онтологической системе. На этом основано и практическое применение науки.

Напротив, системообразующий принцип здравого смысла гласит: «Все для субъекта». Соответствующая информация может относиться к качественно разнородным объектам, процессам и ситуациям и включать в себя наряду с суждениями о свойствах вещей условные правила деятельности, наряду с истинными знаниями ложные и тем не менее практически полезные. Включение последних в структуру здравого смысла обычно имеет чисто утилитарное оправдание. Например, представление о том, что Солнце движется, а Земля неподвижна и к тому же плоская, практически целесообразно при передвижении из одной деревни в другую или для определения начала рабочего дня, хотя и ложно с научной точки зрения. Не будем останавливаться на этой стороне дела более подробно, ибо гносеологическая природа здравого смысла еще ждет своего исследователя. Заметим лишь, что правила, функционирующие в системе здравого смысла, имеют утилитарные основания и не всегда опираются на знание законов объективной реальности, тогда как правила или методы развитых современных наук целиком обосновываются такими законами и содержащими их научными теориями.

Историческое познание в период своего возникновения и начального развития мало чем отличалось от знания на уровне здравого смысла. Даже в более поздние периоды, например в эпоху средневековья, оно продолжало подчиняться чисто прагматическим целям.

На протяжении многих столетий, развиваясь в рамках европейской культурной традиции, профессиональное историческое познание то поднималось до известных высот достоверности и правдоподобия, то вновь опускалось до уровня легенд и смутных преданий, в которых крупинцы исторической истины щедро перемешаны с предрассудками и фантазиями. Столь же неровно развивались и другие формы профессионального знания — география, геология, медицина и т. д. Впрочем, их эволюция подвергалась менее мощному натиску политических страстей, религиозных, этнических и идеологических устремлений. И все же, несмотря на все перипетии, в развитии каждой формы профессионального знания наступает период, когда ее отличие от здравого смысла становится не просто заметным, но поднимается до ранга противоположности. Несмотря на различие объектов, методов и проблем, общие черты, присущие всем этим формам знания, позволяют не только противопоставить их здравому смыслу, но и обнаружить тот общий системообразующий принцип, который лежит и в основе познавательных систем, охватываемых сильной версией науки. Эти черты можно сгруппировать и сформулировать следующим образом.

1. Каждая форма познания относится к более или менее четко обособляемой совокупности объектов знания, образующих ее онтологическую систему.

2. На данном множестве объектов (процессов, ситуаций) выделяется фиксированное для каждого периода и вместе с тем допускающее расширение множество отношений, свойств, взаимодействий и преобразований, между которыми устанавливаются более или менее определенные связи. Эти взаимосвязанные отношения, свойства и т. д. образуют предмет знания или онтологическую модель.

3. Выделяется относительно ограниченный общезначимый, «понятный», по крайней мере, для специалистов круг проблем. По мере развития познания их набор и содержание могут изменяться, сохраняя известную преемственность. При этом всегда существуют «стержневые» проблемы, идентичные для всех стадий данной

формы познания и гарантирующие ее самотождественность.

4. Существуют принятые внутри данной формы познания критерии истины.

5. Методы исследования, принятые в данной форме познания, рациональны, подчинены решению рационально сформулированных проблем, принятым критериям истины и ориентированы на качественно определенный предмет и объект знания.

6. Существует исходный эмпирический базис знания, т. е. некоторая информация, полученная в результате прямого и непосредственного чувственного наблюдения.

7. Существуют специфические для данной познавательной формы теоретические знания, которые не следует отождествлять с понятием теории, фигурирующим в определении эпистемологического идеала науки. Теоретические знания, вообще говоря, не обязательно выступают как строгая дедуктивная система. Средством их выражения отнюдь не всегда могут быть формальные математические исчисления. Более того, в отличие от теорий в строгом смысле, включающих в свой состав лишь логически взаимосвязанные законы, теоретические знания, понимаемые в широком смысле, содержат гипотезы различных уровней, допущения, ограничения, принципы, условия и т. д., отличительная черта которых состоит в том, что они не эмпирического происхождения, по крайней мере, в рамках данной формы познания. Таким образом, теория в строгом смысле слова оказывается наиболее развитой и совершенной, но отнюдь не единственной формой теоретических знаний.

8. Не существует жестко обособленного формального, искусственного языка, специфичного лишь для данной отрасли знания, хотя можно говорить о частичной профессиональной концептуализации, т. е. о частичном изменении смыслов и значений терминов, их приспособлении к решению задач в системе профессиональной исследовательской деятельности. Многие специализированные формы познания долгое время пользуются естественным языком, модифицируя его лексику. Их язык отличается от обыденного своим концептуальным словарем, но не своей особой структурой, что имеет место для систем, подпадающих под сильную версию науки.

Перечисленный набор признаков можно назвать слабой или широкой версией концепции науки. Эпитет «слабый» не должен вызывать никаких эмоциональных

ассоциаций. Он просто фиксирует существующую ситуацию, в которой ряд форм профессионального познания не выдерживает требований сильной версии, т. е. эпистемологического идеала науки, сложившегося во вполне определенных исторических условиях и фиксирующего определенный уровень ее развития. Вместе с тем эти формы познания по своему системообразующему принципу, по методам и результатам познания действительности резко выделяются из системы здравого смысла и во многом ему противоположны. Если рассматривать дисциплины, подпадающие под слабую версию науки, в исторической перспективе, с учетом тенденций их развития, то можно заметить, что они, хотя и неравномерно, движутся в сторону эпистемологического идеала. Однако дистанция, отделяющая их от этой цели, иногда так же велика, как и дистанция, отделяющая их от здравого смысла.

Слабую версию не следует рассматривать как концепцию *ad hoc*¹. В свое время дисциплины, подпадающие теперь под сильную версию, не отвечали ей в полной мере и находились на той стадии, на которой находится в настоящее время группа дисциплин, соответствующих слабой версии науки. Таким образом, обе версии фиксируют в логически очищенном виде различные синхронные срезы на общем стволе развития научного познания. Эти версии абстрагируются от различных стадий эмпирической истории познания и позволяют обсуждать, теперь уже на более или менее четкой понятийной основе, не только ретроспективные моменты, но и перспективы дальнейшего развития исторического познания.

2. Теоретическое знание и философия истории

В отличие от сильной версии науки, возникающей как следствие идеализации и предельного перехода, слабая версия является простым эмпирическим обобщением форм профессионального познания, которые, принципиально отличаясь от здравого смысла, обладают рядом специфических для науки черт.

Классифицируя знания по их отношению к объективной реальности, по способу фиксации выделяемых в

¹ Для данного случая (лат.).

ней сторон и зависимостей, можно противопоставить научное познание всем остальным формам познания. Наиболее существенный и специфический компонент науки, как уже отмечалось, образует теория. Однако анализ целого ряда дисциплин показывает, что они не обладают теориями в строгом смысле, как о них принято говорить в математике, физике, химии, механике и т. п. Эти дисциплины, важные в практическом и социально-политическом смысле, располагают тем не менее теоретическими знаниями, которые и образуют центральный признак познавательных форм, подпадающих под слабую версию науки. Отличаясь от строгих теорий в одном отношении, теоретические знания сходны с ними во многих других и выполняют во многом аналогичные познавательные функции. В процессе эволюции и развития познания из таких теоретических знаний нередко и формируются строгие теории.

Чтобы понять своеобразие формирования теоретических знаний в структуре исторического познания, следует сделать шаг в сторону и уточнить, что представляют собой теоретические знания вообще. Рассмотрим вкратце несколько примеров из физики. Это тем более важно, что как противники, так и сторонники тождественности исторического и естественнонаучного познания строят свою аргументацию на сравнении и противопоставлении физики и историографии.

Теоретическое знание нередко возникает в своей первоначальной форме как эмпирическое обобщение. Типичным примером может служить второй принцип, или второе начало, термодинамики. Одна из его формулировок гласит: «Невозможен процесс, единственным результатом которого является передача энергии в форме теплоты от холодного тела к горячему». Это — простое обобщение наблюдений и экспериментов, миллионы раз повторявшихся в повседневной практике и производстве. Не всякое обобщение представляет собой теоретическое знание. Не всякое теоретическое знание образует строгую теорию или входит в нее. Почему же это обобщение рассматривается как теоретическое знание и даже принцип термодинамики? Дело в том, что второе начало вместе с первым и третьим принципами термодинамики служат тем основанием, из которого по логическим правилам с помощью математических преобразований можно вывести ряд теорем и следствий, образующих единую систему знаний о тепловых процессах. Взятые

вместе, они образуют строгую теорию, причем каждый ее отдельный элемент получает особый смысл и значение, которыми такие элементы, взятые порознь, не обладают. Следовательно, данное начало приобретает статус теоретического знания именно как элемент теории.

Далеко не всякое теоретическое знание является эмпирическим обобщением, тем более не всякое входит в состав строгой теории. Примером этого может служить принцип Маха, предложенный для объяснения некоторых наблюдаемых физических феноменов. Если с большой высоты (например, с Останкинской телебашни) бросить в безветренную погоду камень, то он упадет не точно вниз, к основанию мыслимого перпендикуляра, опущенного из точки бросания к поверхности Земли, а немного в стороне. Точно так же маленький шар, скатываемый по поверхности огромной вращающейся вокруг собственной оси сферы, несколько отклонится от линии меридиана. Для объяснения подобных смещений вводится гипотеза о том, что на камень и на шар оказывают моментальное гравитационное воздействие все тела Вселенной. Эта гипотеза не является эмпирическим обобщением, так как взаимодействие всех тел «одновременно» и к тому же «моментально» наблюдать нельзя. Кроме того, число таких тел немисливо велико, практически бесконечно.

Следует отметить, что принцип Маха находится в противоречии с одним из постулатов специальной теории относительности (СТО), согласно которому скорость света является конечной. Свет распространяется (в вакууме) со скоростью $C = 300\,000$ км/сек. во всех направлениях, независимо от скорости движения его источника. Данный постулат представляет собой констатацию эмпирического факта, подтвержденного, в частности, опытом Майкельсона — Морли. Будучи включенным в систему постулатов СТО, данный эмпирический факт становится теоретическим знанием. Это происходит вследствие того, что ему приписывается всеобщее, универсальное значение. Другой постулат СТО, согласно которому не существует привилегированных инерциальных систем отсчета, не является эмпирическим. Он не основан на наблюдении, а представляет собой гипотезу, предложенную в итоге теоретического размышления и анализа в целях конструирования соответствующей физической теории. Поскольку основные выводы СТО получили экспериментальное подтвержде-

ние, оба постулата можно рассматривать как доказанные и гарантирующие процедуру получения объективных физических истин.

Если бы простое эмпирическое обобщение, гласящее, что во всех физических экспериментах, поставленных до сих пор, не наблюдалось скоростей движения и распространения взаимодействия, превышающих C , не было поднято до уровня теоретического знания благодаря включению в число постулатов СТО, то принцип Маха не вступал бы в противоречие ни с какими теоретическими знаниями. То обстоятельство, что он противоречит некоторым эмпирическим фактам, свидетельствовало бы просто о границах его применимости, ограничивало бы сферу его действия либо же ставило под сомнение правомерность этого принципа, а возможно, и корректность эмпирических наблюдений и обобщений.

Приведенные примеры показывают, что теоретические знания разнородны по своему происхождению, что они не эквивалентны понятию «строгая теория» и что в общей системе физических знаний имеются различные несоответствия и даже противоречия между отдельными теориями и теоретическими знаниями. Возникновение таких противоречий — неизбежный результат развития науки и один из источников дальнейшего ее движения вперед. Однако сейчас следует обратить внимание на другую сторону дела, связанную с процедурой построения теоретического знания.

Сами эмпирические обобщения могут обладать различным познавательным статусом. Как уже было показано, при определенных условиях они трансформируются и становятся теоретическими знаниями. Более того, процесс эмпирического обобщения, столь распространенный в системе здравого смысла, приобретает совершенно особую логическую структуру, если оно предпринимается ради построения теорий или теоретического знания.

Так, согласно первому постулату классической ньютоновской динамики, любое тело в инерциальной системе отсчета при условии, что на него не действует никакая сила, покоится или движется равномерно и прямолинейно. Для подтверждения обычно приводят такое рассуждение. Если скатывать шарик с наклонной плоскости, он будет катиться по горизонтальному желобу все дальше и дальше по мере того, как желоб будет подвергаться лучшей полировке, устраняющей эффект трения. Предполагается, что, полностью устранив влияние

трения и сопротивление воздуха, а также воздействие других сил, можно создать условия, в которых рассматриваемый постулат будет простым эмпирическим обобщением. Но здесь-то и находится замаскированная ловушка. В действительности мы не можем полностью устранить воздействие всех физических факторов (гравитационных, электромагнитных, механических и т. д.). Шарик будет катиться все дальше, но в конце концов либо остановится, либо начнет двигаться криволинейно, т. е. с ускорением. Простое эмпирическое обобщение должно было бы фиксировать именно эту сторону дела. Первый же постулат классической динамики представляет собой не простое, а альтернативное обобщение; он отражает не то, что есть в действительности, а то, что могло бы в ней быть при определенных условиях. Именно отклонение от этих условий и позволяет в реальных экспериментах учитывать влияние сил, останавливающих шарик или изменяющих направление и скорость его движения. Само альтернативное обобщение опирается на наблюдения, но выворачивает наблюдаемые связи и отношения «наизнанку» ради построения строгой физической теории. Эта «изнанка» и есть сущность явления, фиксируемая в законе, но не данная непосредственно наблюдению. Поэтому между теорией и вообще теоретическими знаниями, с одной стороны, и простыми наблюдениями и эмпирическими обобщениями — с другой, нет прямого однозначного соответствия; первые не являются зеркальным отражением вторых.

Теоретические знания, специальным и наиболее важным видом которых является теория, выполняют такие познавательные функции, как объяснение, предсказание, систематизация, классификация, идентификация и конструктивная трансформация наблюдаемых явлений. Именно этим и оправдывается объективная необходимость включения теоретических знаний в структуру науки. Не случайно формы познания, в которых функционируют теоретические знания, а не только строгие теории, обладают статусом научного знания.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с теоретическим знанием в системе исторического познания. Это вплотную подводит нас к вопросу о взаимоотношении историографии и философии истории. Дело в том, что теории и теоретические знания в естествознании, в частности в физике, астрономии и механике, возникали и развивались, так сказать, в теле самих этих дисциплин, хотя

иногда они рассматривались и в философских трактатах. Как известно, между наукой и философией вплоть до Нового времени редко проводилось жесткое разграничение, и многие естественнонаучные концепции выступали в философском облике. Тем не менее строгие теоретические знания развивались чаще всего в борьбе с метафизическими и теологическими концепциями, преобладавшими в средневековой, особенно схоластической, философии. Что же касается теоретических знаний относительно истории общества, то понимание их развития требует выяснения специфики отношений между философией истории и историографией, специфики, не имевшей места в истории естественных наук.

По мере развития профессионального познания, приближения его к определенным стандартам научности и перехода от слабой версии науки к сильной роль теоретического знания возрастает, пока, наконец, не приводит к качественно новому этапу — созданию строгой теории.

Историческое познание в его современной профессиональной форме не обладает теорией, приближающейся к требованиям эпистемологического идеала. Вместе с тем историческая наука целиком соответствует слабой версии науки и располагает большим объемом теоретических знаний. Обнаружение этого обстоятельства часто затрудняется своеобразием развития исторической науки, точнее, конкретными особенностями превращения профессионального исторического познания в историческую науку. Этот процесс может быть правильно понят лишь с учетом того, что внутри исторического познания, рассматриваемого как особый класс в системе наук, роль теоретического знания выполняла (и еще отчасти выполняет) философия истории, считавшаяся многими философами и историками вполне самостоятельной дисциплиной, причем скорее философской, чем исторической.

Такой взгляд на отношения философии истории и эмпирической историографии фиксирует внешнюю, феноменологическую, и вместе с тем вполне реальную картину их развития, совершенно не затрагивая их внутренней, функциональной, связи. С одной стороны, это приводит к непониманию того, что, по существу, мы имеем дело лишь с разными видами, разными способами познания истории, а с другой стороны, заставляет усомниться в научности каждой из этих дисциплин, поскольку одна оказывается лишенной эмпирического базиса, а другая — теоретических знаний.

Выяснить и понять подлинные отношения между эмпирической историографией и философией истории чрезвычайно трудно, и прежде всего потому, что само понятие философии истории трактуется буржуазными исследователями весьма неоднозначно¹.

Г. Риккерт утверждал, что существуют три значения термина «философия истории»: всеобщая история, учение о принципах исторической жизни и логика исторической науки. Это, по существу, три различные, но взаимосвязанные и взаимообусловленные науки. Первая опирается на вторую, а вторая — на третью, образующую их общий фундамент. Под логикой исторической науки Риккерт имел в виду учение о методах и формах мышления безотносительно к конкретному эмпирическому материалу. Эта «логика» вместе с всеобщими принципами исторического бытия и образует, по его мнению, основное содержание философии истории².

Позиция Риккерта получила дальнейшее развитие у ведущих представителей современной западноевропейской и американской философии, однако учение о принципах исторического бытия как метафизическое было выкинуто за пределы эмпирической историографии и философии истории, а последняя оказалась целиком сведенной к исторической эпистемологии в ее идеалистическом варианте. Так, Р. Коллингвуд, несмотря на критицизм по отношению ко всем своим предшественникам, включая Риккерта, сводит философию истории, которую он рассматривает как отрасль философии, именно к этому значению.

«Фактом, привлекающим внимание философа, является не прошлое само по себе, как для историка, и не мысль историка о нем, как для психолога, но то и другое в их взаимном отношении,— пишет Коллингвуд.— Мысль в ее отношении к своему объекту — уже не просто мысль, а знание»³. В отличие от психолога, спрашивающего, как историк думает, философ спрашивает, как историк знает. Философа не интересует прошлое, ибо это предмет историка; философ интересуется тем, как историк знает о прошлом. Коллингвуд отмечает, что филосо-

¹ См.: Кон И. С. Проблема истории в истории философии.— Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 4, т. 187.

² См.: Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908.

³ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, с. 6.

фия истории в процессе своего развития меняла смысл и значение. Начав с критического анализа исторического познания (Вольтер и другие), она прошла стадию всемирной истории (Гегель), а затем период формулирования всеобщих законов исторического развития (середина XIX в.). Это отчасти повторяет схему Риккерта. Коллингвуд, по существу, соглашается с неокантианским противопоставлением теории естественнонаучного и исторического познания. Вместе с тем он подчеркивает, что анализ исторического познания должен привести к перестройке философии. Однако, оставаясь на позициях идеализма, он, по существу, не мог найти правильного решения этой задачи.

Сведение философии истории к теории исторического познания или к логике и методологии истории свойственно и современной аналитической философии. Одним из наиболее серьезных ее представителей можно считать А. Данто. Он различает субстантивную и аналитическую философию истории. Первая имеет тот же предмет, что и историческое познание (термин «история» употребляется им для обозначения не самого прошлого, а знания о нем.— *A. P.*), но различия возникают из-за временных границ. Субстантивная философия истории рассматривает «всю историю», включая прошлое, настоящее и будущее, тогда как собственно историческое познание есть лишь описание прошлого.

Субстантивная философия истории претендует на роль теории, точнее, дескриптивной теории, по отношению к историческому познанию. Их отношение подобно отношению теории Кеплера к наблюдениям и описаниям Тихо Браге. Для того чтобы превратиться в сложную научную теорию, субстантивная философия истории должна быть дополнена объяснительной теорией, подобно тому как теория Кеплера была дополнена механикой Ньютона. Однако такая философия истории является, по мнению Данто, невозможной и внутренне противоречивой, ибо она пытается дать историческое объяснение не только прошедшим, но и будущим событиям, а написать историю того, что не произошло, невозможно. Кроме того, она пытается объяснить последовательность событий, что, по его мнению, не свойственно научным теориям. Поэтому Данто сохраняет реальную значимость лишь за аналитической философией истории, изучающей, каким образом организованы и разграничены события в рамках исторического познания. «Дело философии —

определять границы явлений,— пишет он,— а аналитическая философия истории (в моем понимании) должна заниматься определением именно этой границы»¹.

Позиции Риккерта, Коллингвуда и Данто, несмотря на некоторые различия, выражают вполне определенную тенденцию в развитии философии истории, четко обозначившуюся на протяжении последнего столетия и состоящую в том, что философский анализ все больше концентрируется на изучении исторического познания, а не на исследовании исторической реальности. Справедливости ради следует сказать, что все перечисленные авторы хорошо знают историю философии истории. Однако проблема заключается именно в том, что все моменты ее прежнего содержания целиком отвергаются ими как «метафизика истории». Тем самым закрывается путь к пониманию роли и механизма возникновения теоретического знания в структуре исторического познания.

Негативизм по отношению к философии истории и особенно той ее части, которую Риккерт называл «принципами организации исторического бытия», разделяют и многие современные западные историки. В этом смысле характерна позиция американского историка Коммаджера. С его точки зрения, философия истории «есть нечто коренящееся в историках. Это не продукт логики в рамках истории и даже не продукт логики историка; это продукт индивидуального опыта и личности исследователя»².

3. Историческое познание и генезис философии истории

Когда же и почему возникла философия истории? Какие факторы обусловили ее появление и содержание?

Советский исследователь античности А. Ф. Лосев полагает, что философия истории возникла в Древней Греции, когда начала формироваться ее проблематика, и что античная философия истории во многом превосходит философию истории других эпох. «...Категория движения, притом всеобщего, универсального и никогда не скончаемого движения,— пишет он,— была в античности осознана весьма ярко и отчетливо, так что в отношении разработки этой категории античная философия истории

¹ Danto A. *Analytical Philosophy of History*. Cambridge, 1965, p. 16.

² Mind, Science and History. N. Y., 1970, p. 313.

и вся античная философия культуры не только не уступали никакой другой послеантичной философии истории, но, пожалуй, и превосходили всякую другую, неантичную философию истории»¹.

А. Ф. Лосев прав, указывая, что категории становления, движения, развития, взаимодействия личности и общества и т. п. необходимы для понимания истории и построения исторического знания. Но хотя их разработка в античной диалектике до сих пор вызывает изумление, это вряд ли дает основание считать, что в греческой культуре уже сложилась развитая философия истории. Думать так значило бы уподобиться путнику, который в жаркий солнечный день ищет убежища в тени желудя на том основании, что это будущий дуб. А. Ф. Лосев подробно рассматривает становление и развитие мифологических, эпических и полисных представлений о времени, пространстве и личности, глубоко раскрывает античные представления об уникальности и причинной обусловленности событий в обществе и в космосе, но все это не дает основания отождествлять их с философией истории. Для этого необходимо было бы, чтобы античная мысль отчетливо осознала и сформулировала саму концепцию истории как особого самостоятельного феномена. А. Ф. Лосев справедливо замечает, что общественное развитие и есть исторический процесс², но как раз античному мышлению это понятие во всей его определенности было чуждо, а следовательно, не могла существовать и соответствующая ему форма рефлексии — философия истории.

Даже после того как в V веке до нашей эры возникла и начала обособливаться эмпирическая историография, должно было пройти несколько столетий, прежде чем сформировалась особая проблематика, приводящая к исследованиям, результаты которых выступают как теоретические знания и предстают перед нами в качестве философии истории.

В трудах Платона, Аристотеля и более поздних греко-римских историков и философов имеется немало ценных соображений и сведений о прошлом человечества. Однако эти сведения не составляли какой-либо стройной системы со своей проблематикой, своим методом философствования, с собственным объектом и предметом. Поэтому едва ли правомерно рассматривать их как фи-

¹ Лосев А. Ф. Античная философия истории, с. 15—16.

² См. там же, с. 7.

лософию истории. Почему же в таком случае это делает такой тонкий знаток античности, как А. Ф. Лосев? По-видимому, объяснение этому следует искать в его понимании принципа историзма и слишком свободной интерпретации термина «философия истории».

Историзм, в понимании А. Ф. Лосева, есть такое представление о жизни, когда ее моменты воспринимаются как неповторимые и уникальные, когда происходит смена целей и направления исторического развития. Такой историзм был чужд мировоззрению греков, рассматривавших мир в виде вечного круговорота и повторения всего сущего. Поэтому, отмечает А. Ф. Лосев, грекам ближе «природный» историзм, распространяющийся не столько на общество, сколько на весь мир: все, что движется, одновременно покоится в пределах одной сферы. «Здесь именно природа будет моделью для истории, а не история — моделью для природы»¹. Коль скоро дело обстоит именно так, название «античная философия истории» оказывается неадекватным, ибо, по существу, речь идет о философии как миропонимании, понимании космоса, мира в целом, в котором отдельные ракурсы познания истории выступают лишь как смутные, не сформировавшиеся, не обособившиеся моменты философской рефлексии.

Формирование философских проблем истории совершается постепенно. Они образуют своего рода «нарост», некое новообразование на развивающемся теле эмпирической историографии. Содержание этих проблем проясняется по мере увеличения эмпирического материала, доставляемого конкретными историческими исследованиями. Начав с повествования о событиях (греко-персидские войны, пелопонесская война), эмпирическая историография постепенно расширяла свой предмет, включая в свое содержание историю отдельных городов-полисов, затем целых государств и народов (особенно в римский период) и, наконец, совершенно новый жанр исторической биографии.

С. Я. Лурье в предисловии к своей книге о Геродоте замечает, что до нас не дошло целостной биографии «отца истории», поскольку описание жизни отдельной личности еще не представляло в то время осознанного интереса. Ко времени Плутарха исторические биографии, тесно связанные с описанием наиболее значительных со-

¹ Лосев А. Ф. Античная философия истории, с. 19.

бытий в жизни общества, уже весьма распространены. С. С. Аверинцев указывает, что они насчитывались сотнями, многие из них были многотомными и в значительной части содержали жизнеописания философов, поэтов и политических деятелей, в частности знаменитых правителей¹. Некоторые биографии писались под совершенно определенным углом зрения, акцентируя внимание на взаимосвязи различных социально значимых видов деятельности. В этом смысле характерен, например, труд Гермиппа «Жизнеописания людей, перешедших от философских занятий к тиранической или династической власти».

Однако даже исторические повествования римских историков Тита Ливия, Полибия и других не выходили еще за рамки истории одного народа, одной государственной системы. Лишь в период раннего христианства в европейской исторической традиции возникли порожденные структурой исторического исследования познавательные ситуации, которые можно было бы назвать конфликтными². В начале нашей эры Евсевий Кесарийский (IV в.) создал один из первых набросков всемирной истории, объединив в одних рамках библейскую историю с историей греко-римского мира. Это выдвигало уже не эмпирическую задачу простого последовательного описания событий, но задачу, которую можно было бы назвать теоретической. Она диктовалась необходимостью создания некоторой общей (в рамках тогдашнего цивилизованного мира) исторической периодизации, без которой невозможно было охватить и осмыслить даже чисто внешнюю связь и взаимозависимость событий. Такая периодизация была создана латинским переводчиком и продолжателем свода Евсевия блаженным Иеронимом, разбившим историю на четыре периода — четыре царства: Ассиро-Вавилонское, Мидо-Персидское, Греко-Македонское, Римское. Удержавшись на несколько столетий, эта периодизация, подсказанная, конечно, не столько эмпирическим материалом, сколько христианской теологией, подспудно ставила вопрос о границах основных периодов, требовала уточнения хронологии и заставляла задуматься об особенностях этих периодов, о причинах перехода от одного периода к другому.

¹ См.: Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973, с. 165 и далее.

² О фактической стороне этого процесса см.: Вайнштейн О. А. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964.

Легко заметить, что с эпистемологической точки зрения историческая периодизация, хотя и в неявном виде, выполняет функции теоретического знания. Она, по существу, задает определенную классификацию и типологию, особым образом систематизирует материал, фиксирует внимание на тех его сторонах, которые при ином подходе могли бы остаться незамеченными. Разумеется, эти функции исторической периодизации осознаются не сразу, и тем не менее в хаотический эмпирический материал вносятся определенный порядок и организация.

Но даже и здесь еще преждевременно говорить о философии истории в собственном смысле слова, ибо осмысление истории происходит при этом, так сказать, с внешних христианско-теологических позиций. Образцом такого религиозно-богословского осмысления истории считается концепция Августина (354—430 гг.).

Августин разбивает историю на шесть периодов: от Адама до потопа; от потопа до Авраама; от Авраама до Давида; от Давида до Вавилонского пленения; от Вавилонского пленения до рождения Христа; от Христа до Страшного суда. Эти периоды соответствуют возрастной структуре человека: младенчество, детство, юность, молодость, мужество, старость. Завершающим периодом является эпоха христианства, подготавливающая переход от града земного к граду божьему. Основной причиной смены периодов признается божественный промысел. Подобно тому как Александрия была создана архитекторами, но задумана Александром, так и человеческая история хотя и создается людьми, но в основе ее лежит божественный замысел. История демонстрирует противоборство дьявола (тьмы) и бога (света). Неизбежное торжество света и определяет смысл истории. Здесь можно отчетливо видеть не только влияние восточных мистических учений, но и решительный отказ от платонистской и вообще античной идеи круговорота, по крайней мере, в развитии общества. В известном смысле Августин выступил как новатор, и буржуазные историки нередко считают его одним из создателей идеи исторического прогресса¹.

Сравнивая концепцию Августина с античным пониманием истории, Г. Г. Майоров отмечает: «...никто из известных нам античных мыслителей не привел в систему

¹ См., например: *Герье В. И.* Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.

тогдашние воззрения на историю, никто не построил исторической теории. Возможно, именно циклизм, непреодолимая дурная бесконечность повторения,— вот что делало для античности малопривлекательным углубленное исследование исторического процесса. Да и самого понятия исторического процесса античность не знала»¹. Христианская теология, выросшая в условиях напряженного эсхатологического ожидания будущего, в философии Августина по-своему сформулировала не только идею развития, идею асимметрии прошлого и будущего, но в определенной степени и идею личной ответственности и морально-религиозной основы деятельности как критерии классификации общественных структур и индивидуальных поступков. Все эти идеи не основывались на эмпирическом анализе и обобщении источников и по своему происхождению, а также по своим познавательным функциям могут рассматриваться как теоретические знания о прошлом, облеченные в характерную для этого периода теологическую и нравоучительную форму.

И детерминизм, и теологический подход, и историческая схематизация, предложенные Августином, играют весьма сложную, противоречивую роль. С одной стороны, они нацеливают на отыскание исторического замысла творца и заставляют рассматривать историю не как хаотическое скопление бессмысленных актов человеческой трагедии, но как звенья внутренне осмысленного богом процесса. С другой стороны, навязанная богословская схема тормозит развитие исторического познания, ограничивая свободу научного поиска. В некотором отношении роль августинианской концепции истории аналогична роли птолемеевой модели в астрономии. Но в отличие от схемы Птолемея схема Августина представляет собой не просто ограниченное и ошибочное обобщение эмпирического материала, но прокрустово ложе, в которое этот материал пытаются уложить. Однако, стимулируя так или иначе подбор подтверждающего концепцию материала, обе схемы рано или поздно должны были рухнуть под натиском противоречащих им фактов.

Произошло это в связи с возникновением буржуазного общества. В это же время появилась и ранняя форма современной науки с присущим ей духом критичности и стремлением к объективной истине. Вначале были

¹ Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М., 1979, с. 331.

предприняты попытки отделить истину от веры, затем — противопоставить ей и, наконец, утвердить как независимую и превосходящую ее ценность. Только тогда и возникла подлинно конфликтная ситуация в области исторического познания, вызванная глубоким противоречием между огромным по объему сырым эмпирическим материалом, собранным предшествующей эмпирической историографией и не укладывавшимся в теологические рамки, и социальной потребностью осмыслить, понять и использовать этот материал в интересах нового рождавшегося буржуазного общества. Именно в это время завершается эмбриональная подготовительная стадия и создаются предпосылки для развития философии истории в точном смысле слова.

4. Историческое познание, историософия и историческая эпистемология

Историческое познание в форме эмпирической историографии было порождено, можно сказать, первоначальным историческим интересом, вызванным объективными изменениями в общественном развитии и обращенным к прошлому общества, к самой исторической реальности. Со временем исторический интерес изменяется и распространяется не только на объективную историю, но и на само историческое познание. Это приводит к образованию новой его подсистемы — философии истории, которая в дальнейшем, в свою очередь, структурно дифференцируется. В ней выделяются как бы два слоя: один образуют знания, обращенные к исторической реальности, другой — знания, выявляющие логическую структуру и методологические основания самого исторического познания.

Отмечая сложность этого процесса, В. Ф. Асмус писал: «Едва возникает интерес к изучению фактов общественного развития и его законов, как одновременно с ним возникает другой интерес — стремление выяснить условия, при которых историческое познание возможно, или, иначе, стремление установить особый характер исторического знания, определяющий отношение истории к другим наукам. Так, наряду с наукой истории возникает с нею тесно связанная, ее в качестве своей основы предполагающая «философия истории», рядом с изучением *реальных* закономерностей исторического процесса — изучение *логической* природы и познавательной

компетенции знания, на этот процесс направленного. Обращенная к истории, научная мысль спрашивает не только о том, *что и как* произошло, и не только о том, *почему* нечто произошло; с не меньшей настойчивостью она спрашивает и о том, каким образом осуществляется само познание происшедшего, иначе говоря, спрашивает о том, *что такое история как наука*. В этом двойственном значении — как познание предметного содержания исторического развития общества и как познание логического характера самой исторической науки — история есть одна из центральных проблем буржуазной философской и научной мысли, возникающая почти одновременно с возникновением самой буржуазной общественно-экономической формации»¹.

В историческом познании Нового времени можно выделить уже три отрасли: эмпирическую историографию, историософию и историческую эпистемологию. Первая образует содержание и основу исторической науки. Две другие, нередко переплетаясь и сливаясь, долгое время развиваются в недрах единого интеллектуального процесса, называемого философией истории. Однако их функции различны: историософия по существу представляет собой осмысление истории, точнее, теоретическое знание об истории, эмпирическое знание о которой даст историография². Объект знания историографии и историософии один и тот же. Но предметы знания отличаются: первая описывает реальные события и ситуации в объективных процессах; вторая стремится понять их необходимые связи, т. е. законы. Различаются и объекты исследования: историография имеет дело с историческими источниками; историософия опирается на вторичные

¹ Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм.— Избранные философские труды, т. 2, с. 209.

² Впервые термин «историософия» ввел в научный оборот А. Цешковский (в книге: *Cieszkowski A. von. Prolegomena zur Historiographie*. Berlin, 1838). Термин этот был использован для обозначения гегелевской философии истории, а также спекулятивной теоретической истории вообще. Он получил известное распространение в трудах по религиозной философии истории. Однако впоследствии этот термин практически вышел из употребления. Об этом свидетельствует, например, то, что он отсутствует в Большой Советской Энциклопедии, в Советской исторической энциклопедии, в Философской энциклопедии, а также в Британской энциклопедии и в Американской философской энциклопедии. Поэтому, используя этот термин, я наделю его лишь вышеуказанным смыслом, не связывая себя с имевшимися прежде значениями и смыслами.

исторические тексты. Историческая эпистемология есть теория исторического познания, охватывающего историософию и историографию¹.

Историография, историософия и историческая эпистемология возникают и развиваются не одновременно и отнюдь не параллельно друг другу, а то отставая, то опережая друг друга. Это имеет свои причины. Займемся прежде всего историософией и исторической эпистемологией.

Буржуазное общество не возникает сразу, как Минерва из головы Юпитера. Оно долго вызревает в недрах общественного бытия и по мере своего созревания отражается общественным сознанием, внося в него серьезные изменения. Глубоко скрытый буржуазный утилитаризм, сопровождающийся стремлением к экономической, а затем и политической свободе, первоначально выступает в форме ренессансных гуманистических и философских воззрений. В центре их находится человек, и этот, по существу, буржуазный человек, глубоко враждебный средневековью и всему, что с ним ассоциируется, пытается освободиться от теологии, познать мир и самого себя, а следовательно, и свое прошлое. Однако именно оно меньше всего поддается познанию, ибо историография дает обширную, но не достоверную, не систематическую и, по существу, «немую» информацию. Как в области исторических фактов, так и в понимании их взаимосвязей существует огромный пробел. Именно потребность заполнить его, а затем и использовать полученные знания в политической деятельности служила мощным импульсом к созданию историософии. Тем самым созревала особая познавательная ситуация.

Это была новая задача, и методология ее решения еще отсутствовала. Поэтому мыслителям Возрождения приходилось пользоваться познавательными моделями, разработанными в ходе создания натурфилософии. И. С. Кон² верно подметил, что философия истории (точнее, та ее часть или версия, которую можно называть историософией) в начальной стадии по отношению к истории играла ту же роль, какую играла натурфилосо-

¹ Некоторая тяжеловесность применяемой здесь терминологии — это неизбежная плата за стремление точнее обозначить и разграничить различные познавательные структуры в единой и сложной системе исторического познания.

² Kon I. S. Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Kritischer Abriss. Berlin, 1964, Bd. I, S. 384.

софия XVI—XVIII веков по отношению к природе¹. Домысливая недостающие связи, конструируя на чисто спекулятивной основе причинные объяснения, стремясь открыть внутреннюю систему истории без необходимых объективных критериев, мыслители Ренессанса, а затем и эпохи Просвещения целиком оставались в рамках исторического идеализма. Но было бы ошибкой не замечать и определенного позитивного вклада их в становление теоретического познания общественного процесса.

Наиболее интересны в этом отношении Н. Макиавелли (1469—1527) и Ж. Боден (1530—1596). Первый из них рассматривал историю с точки зрения организации власти и принятия политических решений. Успех в этих сферах деятельности зависит от использования исторического опыта, который можно извлечь из уроков прошлого, поскольку события, ситуации, движущие страсти и нравственные проблемы в истории государств и народов повторяются. Как и многие мыслители Возрождения, Макиавелли отдал дань античному принципу круговорота и особенно его неоплатонистской версии. Новаторство Макиавелли заключалось в том, что изучение им истории целиком диктовалось политическими целями и почти полностью освобождено от теологического привкуса. Весь эмпирический материал подчинен одной идее — поискам политических закономерностей, которые могут быть утилитарно использованы современными правителями.

Что же касается Бодена, то он явился одним из первых представителей новой историософии, провозглашавшей идею исторического прогресса. Располагая тем же материалом, что и Макиавелли, Боден усматривал в нем доказательство того, что «золотой век», который со времен Гесиода относили к прошлому, в действительности был веком железным. Согласно Бодену, современное общество благодаря прогрессу техники, изобретательству и мореплаванию стоит выше античности и средневековья.

¹ В начале нашего столетия Б. А. Кистяковский в книге «Социальные науки и право» (М., 1916) утверждал: «Что касается зависимости социальной науки от социальной философии, то социальная наука находится теперь приблизительно в том же положении, в каком находилось естествознание в начале XIX столетия, когда над ним господствовала натурфилософия» (с. 16). Это неверно и фактически, и по существу дела. Уже в середине XIX в. возник исторический материализм, широко распространившийся в конце этого и особенно в начале XX в. По своим целям и задачам он несовместим с какой бы то ни было натурфилософией.

Это был новый взгляд на историю, новое понимание ее механизмов, и здесь Боден — ближайший предшественник Бэкона. Несмотря на признание важной роли природных и этических факторов, Боден был все же далек от материализма. По существу, он являлся мистиком, причудливо сочетавшим католицизм, пифагореизм и кабалистику. Стремление видеть везде гармонию чисел наталкивало его на мысль искать математические закономерности и в истории. Сама его идея прогресса математична. Ее влияние заметно и у более поздних авторов, например у Кондорсе. Несмотря на идеализм, историософия Бодена весьма примечательна. В противоположность Макиавелли он не подчинял историческое познание политике, но видел в нем основу для философии, а также инструмент реализации человеческой свободы.

Ф. Бэкон (1561—1626) был не только политическим деятелем и мыслителем. Он явился создателем европейской философии науки. И хотя его основные интересы замыкались на проблемах естествознания и технического прогресса, но и проблемы истории находят видное место в его обширном научном наследии. Здесь он интересен тем, что выступает одновременно и как историограф (напомним его историю Генриха VII), и как теоретик истории. Историческое познание, по Бэкону, может быть связано с политическим аспектом и обогащать государственных деятелей историческим опытом, но оно может рассматриваться и в связи с внешними условиями существования человека (природными, климатическими и т. д.). Хотя Бэкон, в отличие от Макиавелли и Бодена, не выдвигал идеи исторической закономерности, он во многом подготовил почву для попыток найти такие закономерности во взаимодействии природы и общества. Однако, разрабатывая проблемы логики и методологии естествознания, с одной стороны, и занимаясь эмпирической историографией — с другой, Бэкон почти ничего не сделал для создания исторической эпистемологии. В этом отношении он близок к своим предшественникам.

Политические запросы эпохи и неспособность эмпирической историографии удовлетворить их — не единственный стимул развития историософии. Другой заключался в авторитете и влиянии математических и естественных наук. Достигнув сравнительно высокого уровня совершенства в XVI и особенно в XVII и XVIII веках, они содействовали формированию математических, а за-

тем и механико-атомистических идеалов познания. Математический идеал вышел и за пределы естествознания. Он получил широкое распространение в философии (Б. Спиноза, Т. Гоббс, Р. Декарт) и постепенно проник в труды теоретиков естественного права (Г. Гроций, С. Пуфендорф и другие). В этих трудах общество как субъект права предстает не только как математически гомогенная, однородная среда, которую можно описать с помощью системы дедуктивных положений, но и как совокупность изолированных и взаимодействующих механических точек.

Огромные успехи механики наталкивали на мысль представить само общество как механический агрегат. Поскольку же по самой сути своей такая попытка была антиисторична, она, как это ни парадоксально, заставила по-новому взглянуть на само развитие общества, ибо требовалось каким-то образом объяснить его возникновение, существование и изменение. Здесь мы сталкиваемся с фактом негативного стимулирующего влияния: ограниченность механистического идеала познания вызвала необходимость постепенно пересмотреть и критически переоценить саму эмпирическую историографию.

Эта тенденция усилилась под воздействием скептицизма и рационализма картезианской философии. Хотя сам Декарт (1596—1650) и не рассматривал историческое познание как науку, но его методологические установки — ясность, самоочевидность, восхождение от простого к сложному, последовательное членение объектов — стимулировали исторический критицизм, а эволюционный взгляд на развитие космоса служил обоснованием всеобщей идеи развития. Этот сплав разнородных влияний особенно заметен у мыслителей эпохи Просвещения. Именно в этот период Вольтер (1694—1778) вводит термин «философия истории» в своей одноименной книге (1765). Конечно, он фиксировал не возникновение феномена, а его наличное существование: прежде чем получить имя, ребенок должен был родиться.

Такие мыслители, как Д. Вико (1668—1744), а затем Ш. Л. Монтескье (1689—1755) и Ж. Ж. Руссо (1712—1778), придали историософии новое, во многом диалектическое, но вместе с тем и глубоко идеалистическое содержание. Идеологи Просвещения — и это касается как материалистов, так и идеалистов, — конструируя теоретические схемы истории, видели в конечном счете лишь духовные источники ее развития. По словам Ф. Энгель-

са, «на историю... смотрели как на постепенное осуществление идей, и притом, разумеется, всегда только любимых идей каждого данного философа»¹. Однако самым главным итогом развития историософии, позволяющим не только отличить, но и противопоставить ее эмпирической историографии, является настойчивое стремление найти законы исторического развития. Заимствованная из философии естествознания и философии права и преобразованная в соответствующем направлении, идея исторического закона становилась центральной проблемой и в известном смысле системообразующим принципом историософии как особой подструктуры в философии истории.

Еще Вико выдвинул идею трехстадийного развития каждой цивилизации. Эпохи богов, героев и людей обозначали возникновение, расцвет и упадок социальных форм. Это была первая попытка сочетать противостоявшие до сих пор концепции прогресса и круговорота. Однако сама концепция закона, охватывавшая лишь духовные исторические феномены, ввиду ее крайней абстрактности нередко расходилась с конкретным эмпирическим материалом.

Теоретики немецкого просвещения И. Г. Гердер (1744—1803) и И. Кант (1724—1804) сделали еще один значительный шаг вперед. Они разрабатывали концепцию всемирной истории, но в их воззрениях намечалось глубокое различие. Гердер, будучи эволюционистом, включал в понятие всемирной истории эволюцию неживой и живой природы, плавно переходящую в историю человечества, целью которого является достижение абстрактного гуманизма и благополучия. В отличие от него, Кант считал основой исторического прогресса нравственные принципы и этим отделял факторы эволюции природы от истории². Гарантией достижения свободы, спра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 305.

² Л. А. Калинин в книге «Проблемы философии истории в системе Канта» (Л., 1978) рассматривает историзм Канта как прямое продолжение эволюционной космогонии Декарта. Первое проявление этого историзма он усматривает в кантовской концепции эволюции солнечной системы, и в частности Земли. Кант действительно явился предтечей принципа историзма, но отнюдь не потому, что признавал эволюцию Вселенной и солнечной системы, а потому, что видел особые специфические факторы развития истории, отличающиеся от факторов эволюции природы. И хотя он ошибался, сводя их лишь к духовным началам, но он был прав в своем стремлении специфицировать факторы общественного развития, в отличие и в

ведливости и нравственного совершенства признавалось правовое государство. И здесь Кант заложил основу той философии истории, которая является главным достоянием немецкого классического идеализма и которую завершил Гегель (1770—1831). Соотношения необходимости и свободы, закономерности и случайности, теоретической схемы и индивидуального события стали центральными проблемами философии истории. Гегель стремился найти в самой истории законы столь же объективные, как и законы Кеплера. Эти законы и представляют собой разум, дух истории. История разумна, если на нее смотреть разумно, и ее высшая цель — достижение свободы, понимаемой как самодостаточность духа, как осознание необходимости, — реализуется лишь с помощью разумного правового государства.

Уже у Фихте (1762—1814), а затем у Шеллинга (1775—1854) и Гегеля отчетливо обнаруживается глубокое противоречие между теоретической схемой истории и эмпирической историографией. Фихте и не скрывал того, что конструирование подобных схем не нуждается в рассмотрении эмпирического материала. Призванная устранить конфликтную ситуацию, порожденную бессистемностью, индетерминизмом и необозримостью данных эмпирической историографии, идеалистическая историософия породила новую конфликтную ситуацию: огромное количество произвольных схем истории, концептуальный аппарат, не опирающийся на логически апробированную методологию, несоответствие теоретических схем эмпирическим данным.

Лишь в этих условиях могла возникнуть новая познавательная задача — проанализировать структуру готового исторического знания (теоретического и эмпирического), выявить его объективные предпосылки и основания, исследовать методы его построения, разработать специфические критерии его научности. Хотя в трудах теоретиков философии истории XVI — начала XIX века встречаются отдельные элементы исторической эпистемологии, создание ее как стройной системы стало актуальным лишь к середине XIX века. Разложение гегельянства создало субъективные предпосылки для решения историко-

противоположность факторам эволюции природы. Колоссально преувеличенная и потому извращенная, доведенная до гротеска, эта противоположность составила основу гегелевского противопоставления природы, лишенной подлинного развития, обществу, развивающемуся по законам исторической диалектики.

эпистемологических задач, а социально-экономические противоречия в недрах буржуазного общества, осознанные марксизмом,—объективные предпосылки. Тем самым историческая эпистемология становилась равноправным и даже доминирующим компонентом философии истории.

Историческая эпистемология не рассматривает в качестве своего объекта историческую реальность. Напротив, ее объект — знания о прошлом. Она рассматривает как эмпирическую историографию, так и историософию в их единстве и различии. Объектом знания в исторической эпистемологии оказывается знание об объекте исторического познания. Непосредственным объектом исследования становятся вторичные исторические и историософские тексты, рассматриваемые в их отношении к действительности, а также с точки зрения методологических оснований и логики базисных исследовательских процедур.

С самого начала своего обособления и выделения в общей структуре познания историческая эпистемология развивалась в двух противоположных направлениях. Одно связано с материалистическим пониманием истории, другое — с неокантианским и позитивистским ее пониманием. Развитие и совершенствование материалистической версии исторической эпистемологии постепенно подготавливает исчезновение историософии как философской дисциплины, ставящей себя вне эмпирической историографии, над ней и диктующей ей свои условия. Вместо идеалистической историософии возникает и развивается научно обоснованное теоретическое знание об исторической реальности, образующее вместе с историографией подсистему исторической науки.

Итоги нашего рассмотрения, фиксирующие основные структурные зависимости между эмпирической историографией, историософией и исторической эпистемологией, могут быть представлены в виде следующей схемы (см. табл. 2).

Несмотря на то что эта схема, как и всякая схема вообще, огрубляет и упрощает действительные связи и отношения, она позволяет представить их в достаточно четком и обозримом виде.

Выявленная теперь динамика становления структур исторической науки позволяет сконцентрировать дальнейшее изложение на центральных эпистемологических проблемах исторического познания:

Таблица 2

Историческая наука

Философия истории

	Историография	Историософия	Историческая эпистемология
Объект знания	Историческая реальность	Историческая реальность	Историческое познание
Предмет знания	Индивидуальные события, конкретные ситуации и процессы, отдельные структуры	Закономерности, тенденции, общие схемы и структуры	Логические структуры, методологические и общеполитические основания, способы исследования
Объект исследования	Исторические и археологические источники. Первичные тексты	Вторичные тексты	Вторичные тексты
Метод исследования	Критический анализ источников, анализ материальных остатков, методы вспомогательных исторических дисциплин, филологический анализ	Теоретический анализ	Теоретический, логико-методологический анализ
Тип знаний	Эмпирические знания	Теоретические знания	Теоретические, философские знания

каким образом строится эмпирическое познание в исторической науке и каковы его основные формы;

в чем специфика и способы построения теоретического знания в исторической науке.

Обсуждению первой из этих проблем посвящена третья часть книги, обсуждению второй — четвертая, заключительная.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ИСТОРИИ

Многие философы и историки считали и продолжают считать историческое познание описательным. Понятие описательных наук получило широкое распространение в классификационных исследованиях XIX века. К их числу относили, помимо исторической науки, географию, этнографию, филологические дисциплины и др. Эпитет «описательный» не только противопоставлял эти науки наукам теоретическим, но и заключал в себе нередко уничижительный смысл. Предполагалось, что описательные науки не способны по самой своей природе давать знания о законах возникновения, функционирования и развития изучаемого объекта. Поэтому их относили к числу «второразрядных». Этот ходячий научный предвзгляд был не только закреплен, но и философски обоснован В. Виндельбандом, Г. Риккертом и их последователями. Предложенное ими деление наук на идиографические и номотетические пережило своих создателей и критиков. Даже некоторые противники этой классификации, как среди историков, так и среди философов, до сих пор прямо или косвенно подчеркивают преимущественно описательный характер исторического знания.

Другую отличительную черту исторического познания видели в его исключительной или преимущественной эмпиричности. Для определенного и притом довольно продолжительного периода его развития эта характеристика в общем правильна. Однако по мере превращения профессионального исторического познания в науку в нем все яснее вырисовывались фрагменты теоретического знания. Современная историческая наука не может рассматриваться как чисто описательная и эмпирическая. Тем не менее оба эти момента имеют место, и их анализ составляет одну из важных задач исторической эпистемологии.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

1. Описание в системе научного знания

Анализ понятия «историческое описание» наталкивается на ряд трудностей. Благодаря широко распространенному влиянию двухуровневой модели научного знания исследование структуры науки нередко ограничивается рассмотрением теоретического и эмпирического уровня, проблемой редукции, сведения первого ко второму, анализом языка теории и наблюдения и т. п. Понятию «описание», которое в рамках исторической эпистемологии может быть возведено в ранг категории — как в силу его общности, так и вследствие особой значимости, — уделяется крайне мало внимания. Это касается как общих работ по философии науки, так и специальных исследований по теории исторического познания.

Максимум того, что можно обнаружить в трудах, посвященных логико-гносеологическому анализу описания, мы находим в книге А. И. Уварова¹. Однако и он ограничивается лишь замечаниями, что описание имеет место как в сфере исторических фактов, так и в сфере исторической теории и что его не следует отождествлять с эмпирическими данными и т. п. Пожалуй, самой значительной работой на эту тему является статья В. Н. Топорова «О космологических источниках раннеисторических описаний»². Но и в ней проблема рассматривается в ракурсе скорее культурологическом, чем эпистемологическом.

Эпистемологическая природа исторических описаний пока остается вне поля зрения логиков и методологов. Отсутствуют также сколько-нибудь серьезные исследования, посвященные сравнительному анализу естественно-

¹ См.: Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973, с. 42.

² См.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1973.

научных и исторических описаний. Эта ситуация требует рассмотреть и решить следующие задачи:

1) выявить специфику и познавательные функции описаний в структуре научных знаний;

2) на основе анализа конкретных образцов уточнить функции исторических описаний;

3) осуществить сравнительный анализ описаний в естествознании и исторической науке;

4) исследовать взаимоотношения понятий «теоретическое знание» и «эмпирическое знание», «факт» и «описание» в системе исторического познания.

Прежде всего ответим на вопрос, что такое описание в самом общем виде. Допустим, что существует некоторый системный объект A . Далее, имеется некоторая совокупность предложений (обозначим ее символом S), выраженных на каком-либо языке. Предложения этой совокупности включают в себя термины, обозначающие различные подсистемы, свойства, отношения и преобразования системы A . Кроме того, имеется ряд индивидуальных терминов — имен, обозначающих отдельные элементы системы или особо выделенные свойства и отношения. Множество всех этих терминов образует словарь S . Помимо словаря S обычно существует словарь данного языка в целом, в который входят другие термины и особенно слова, реализующие грамматические и логические категории, необходимые для построения различных по своей структуре предложений.

Совокупность S называется *описанием*, или языком описаний объекта A , если входящие в эту совокупность предложения выражают особые знания об A , то есть: позволяют различать и разграничивать подсистемы и элементы A ; позволяют различать и разграничивать свойства, отношения, взаимодействия и преобразования, имеющие место в A .

S называется *полным*, или *целостным*, описанием, если входящие в него предложения позволяют различать и разграничивать все (по крайней мере, все известные) подсистемы, элементы, свойства, отношения, взаимодействия, преобразования A . Описание S называется *единичным*, или *индивидуальным* (независимо от того, выражено оно одним или несколькими предложениями), если оно фиксирует знание, т. е. допускает различение и разграничение, по отношению к одному-единственному элементу A или одной-единственной подсистеме. В последнем случае внутренняя структура и состав такой под-

системы в описании не фиксируются. Если отдельное предложение или группа предложений S выполняет функции различения и разграничения относительно какой-то подсистемы объекта A и при этом учитывается внутренняя структура данной подсистемы, то S называется *частичным* описанием.

В трудах по военной истории России можно найти описание Бородинского сражения, явившегося переломным моментом в Отечественной войне 1812 года. В той мере, в какой это описание фиксирует основные стадии сражения, его подготовительные этапы и непосредственные следствия, расположение и состав войск, их передвижение, приказы генералов, тактические маневры и т. д., оно является *полным*. Описания отдельных фрагментов сражений, действий Багратиона или Раевского являются *частичными*, поскольку характеризуют во всей их неповторимости отдельные динамические подсистемы целого. Наконец, сохранившиеся и дошедшие до нас описания действий отдельных лиц, солдат, полководцев или групп, взятые в их нерасчлененности и почему-либо важные для понимания сущности Бородинского сражения, могут рассматриваться как *единичные*.

Важно отметить, что один и тот же элемент или подсистема объекта A могут описываться различными способами; при этом фиксируются различные наборы параметров, различные моменты времени, свойства, отношения или ситуации, в которых находятся данный элемент или подсистема.

Отличительной чертой исторических описаний является обязательная фиксация в них временного момента. Например, целостное описание внешности и поведения Ивана IV Грозного складывается из единичных или частичных описаний, сделанных различными современниками в различные периоды его жизни. При этом в каждом таком описании могут фиксироваться только внешность, только манера поведения в определенный момент или на протяжении более или менее длительного периода его царствования, определенный набор отношений с ограниченным кругом лиц и т. д. Целостное описание предполагает определенный и отнюдь не простой синтез, позволяющий четко выделить этого монарха по всем доступным параметрам в галерею его предшественников и преемников. Поскольку частичные или единичные описания могут быть противоречивыми и даже полностью исключать друг друга, их оценка, отбор, систематизация

и синтез представляют собой особую познавательную задачу.

Противоположной, но не менее важной задачей является экстраполяция целостных описаний, описаний класса на подклассы и элементы. Такие задачи встречаются не только в естествознании (в биологии это связано, например, с определением вида, семейства и т. п. вновь открытого растения или животного), но и в общественных науках, когда решается вопрос о возможности распространить описание социума определенного вида на новые, ранее неизвестные социальные структуры.

Совокупность предложений S может рассматриваться как особая система. Если между предложениями, образующими S , выявлены или установлены определенные логические отношения, а следовательно, и связи (например, отношения дедуктивной или индуктивной выводимости, эквивалентности, логической несовместимости и т. п.), S является логически организованной системой. Это значит, что входящие в нее предложения организованы по соответствующим законам логики, обуславливающим их последовательность внутри данной системы. Связи между предложениями S могут быть и не логическими, а эмпирическими. Это значит, что одно предложение, входящее в данное описание, не может быть получено (выведено) из другого по законам и правилам логики без наблюдения за объектом A , его подсистемами, элементами и происходящими с ними преобразованиями и т. п. В этом случае S является эмпирическим описанием, так как последовательность и связь образующих его предложений целиком зависят от экспериментов и наблюдений над объектом A . При определенных условиях эмпирическое описание (полное, частичное или единичное) может быть преобразовано в логически организованное. Однако это составляет особую проблему, связанную с возникновением специальных теоретических знаний. При этом особого внимания заслуживает то обстоятельство, что описания сохраняются и в структуре теоретического знания. Следовательно, они не являются простым и однозначным показателем эмпиричности. Особенно хорошо это прослеживается в теоретическом естествознании.

Сделаем еще одно необходимое уточнение. Дело в том, что метод научного исследования нередко также рассматривают как особое описание (описание исследовательской деятельности, отдельных процедур и опера-

ций). В принципе с этим можно было бы согласиться. Однако термин «описание» приобретает при этом нежелательную многозначность и, по существу, лишается познавательного значения, поскольку почти все повествовательные предложения естественного и многих научных языков начинают рассматриваться как описания. Поэтому следует сузить значение данного понятия следующим образом: совокупность предложений S является описанием (при наличии указанных ранее признаков), если S относится к объекту знания данной науки.

Основные функции описаний, определяющие их место в любой познавательной системе, состоят в выделении, обособлении и различении отдельных систем, их подсистем и элементов. Описания позволяют провести те или иные разграничительные линии, причем с логической точки зрения совершенно неважно, каким именно образом это делается. Главное здесь — точно установить тот уровень, на котором совершается описание. Так, утверждение «Все люди имеют мягкую мочку уха» является описанием человека как особого биологического вида, поскольку наличие мягкой мочки является отличительным признаком именно человека. Однако это же самое утверждение нельзя рассматривать как описание, когда речь идет о выделении и различении отдельных рас, наций, половозрастных, этнических или социальных групп. Точно так же утверждение о наличии косого разреза глаз и выдающихся скул входит в описание монголоидов, но эти разграничительные признаки не могут считаться описаниями, выделяющими отдельные национальные группировки внутри данной расы. В то же время подобные сведения вообще могут не входить в систему описаний, если речь идет, например, о нейрофизиологии человека или о его способностях. Следовательно, помимо указанных выше признаков и познавательных функций совокупность предложений S , для того чтобы быть описанием, должна соответствовать содержанию определенной познавательной задачи. Вне контекста задачи S в целом, так же как и его отдельные элементы (единичные и частичные описания), не может считаться описанием.

Вообще следует подчеркнуть, что описания не являются и по самой своей природе не могут являться единственным элементом какой-либо познавательной системы. Всякое познание, в том числе историческое, помимо функций разграничения, различения и обособления, должно осуществлять сравнение, идентификацию, анализ и

ряд других познавательных функций и процедур (в частности, функции объяснения, предсказания, систематизации, общего синтеза и др.). Поэтому речь может идти лишь о большей или меньшей дозировке описаний в структуре познания, но не о том, что какая-либо сложившаяся и развитая система познания является чисто описательной. Однако дозировка эта может быть весьма значительной, и удельный вес описаний, выполняемых на разных уровнях, в различных науках не одинаков.

Представляется важным вкратце коснуться принятого в логике деления специализированных языков, и особенно языков науки, на два слоя: объектный язык и метаязык. Объектные языки, в свою очередь, делятся на два основных уровня: язык наблюдений и язык теории. Кроме того, выделяется особый язык связи, или корреспондентный язык. Считается, что в языке наблюдений выражаются описания, фиксирующие прямую эмпирическую информацию. На языке теории формулируются универсальные предложения, играющие роль гипотез или законов. Язык связи содержит правила интерпретации терминов теоретического языка в терминах языка наблюдений, а также правила редукции, сведения предложений первого к предложениям второго и их соотношения. Этим как бы задается грань между языковыми слоями и уровнями, содержащими и не содержащими описания. По-видимому, такая грань и «увечивает» деление наук на описательные и теоретические, ибо в тех случаях, когда соответствующая форма познания не располагает строгими теориями, ее содержание излагается на языке наблюдений. Это и означает, что данная форма является чисто описательной. На наш взгляд (и мы постараемся это показать), подобный подход к проблеме описаний не адекватен как в логико-методологическом, так и в собственно эпистемологическом плане, поскольку он не отражает реальной научной практики.

Наконец, следует сказать, что метаязык описывает не саму действительность, а объектный язык. С помощью метаязыка описываются, анализируются и в широком смысле исследуются логическая структура и познавательные функции языков соответствующих наук. Однако описания, фигурирующие в метаязыке, не относятся к объектам знаний самих наук. Поэтому мы не будем касаться этих описаний в дальнейших рассуждениях.

Теперь можно обратиться к собственно историческим описаниям.

2. Исторические описания

Чтобы придать бóльшую конкретность изложению, приведем несколько примеров исторических описаний. Эти примеры позволят в дальнейшем уточнить некоторые наиболее важные характеристики описания как специфической формы исторического познания, а также сравнить исторические и естественнонаучные описания. Разумеется, что цитируемые ниже материалы не дают исчерпывающего представления об интересующем нас предмете, но вместе с тем позволяют сделать некоторые важные выводы. Приведенные выдержки разбиты на четыре группы. К первой относятся описания, взятые из летописей ассиро-вавилонских царей XII—IX веков до нашей эры, ко второй — фрагменты из труда византийского историка VI века нашей эры Агафия Миринейского, к третьей — несколько отрывков из русской так называемой патриаршей, или Никоновской, летописи XVI века. Наконец, к четвертой группе относятся исторические портреты, заимствованные у различных авторов.

I

1. Из летописей Тиглатпаласара I (ок. 1114 — ок. 1076 гг. до н. э.):

«Шестьдесят царей стран Наири, вместе с теми, кто пришел к ним на помощь, я преследовал острием моего меча вплоть до Верхнего моря... Сиени, царя страны Дайаени, который не подчинился Ашшуру, моему владыке, я привел пленным и связанным в мой город Ашшур. Я помиловал его и отослал его из города Ашшура, в качестве почитателя великих богов, чтобы он жил и поклонялся им. Обширные страны Наири, во всю их длину и ширину, я подчинил, и их царей я поверг к своим ногам».

2. Из летописей Салманасара III (859—824 гг. до н. э.):

«...Я вступил в проходы страны Альзи; страны Альзи, Сухме, Дайаени, Тумме, Арзашкуну, столицу Арама, царя Урарту, Гильзану и Хубушкию я покорил.

Страну Хатти, до ее крайнего предела, страну Мелиди, страны Дайаени и Сухме, Арзашкуну, столицу Арама урартийского, страны Гильзану и Хубушкию, от истоков Тигра до истоков Евфрата, от моря страны Замуа,

которое находится внутри ее, до моря Халдейской страны поверг я под свои ноги.

В проходы страны Энзиге я вступил, страны Сухме, Дайаени, Урарту целиком я покорил».

3. Из летописей Шамшиадада V (823—811 гг. до н. э.):

«...Я направился к Гизильбунде. Город Кинаки я захватил, я разорил, я опустошил, я сжег огнем. Я перешел через горы из камня бишбизиды. Дань Титамашки из Сазиашу, Киары из Карсипуту, состоящую из лошадей, приученных к ярму, я получил.

Внушающее страх величие моего величества и мощный натиск моего строя сокрушили всех (жителей) Гизильбунды, и они покинули многие свои города. В Ураш, свою твердыню, они вступили. Этот город я взял приступом. Кровью их воинов окрасил я кварталы их городов, как шерсть. Шесть тысяч из них я поразил. Пиришати, их царя, вместе с 1200 его бойцов, захватил я живьем. Их добычу, их собственность, их добро, их крупный рогатый скот, их овец, их лошадей, серебряные сосуды, блестящее золото и медь в несметном множестве я захватил. (Их города) я разорил, я опустошил, я сжег огнем. Дань Энгура из Сибару я получил. Я поставил мое царское изображение, придав ему геронческую позу»¹.

II

«Военачальник римлян Нарзес, хотя еще не знал точно этого, но, отличаясь величайшим благоразумием, желая всегда предупреждать планы врагов, тотчас же решил употребить все силы для подчинения тех городов... которые еще были во власти готов. Ибо этот муж, не кичась свыше меры победой, не превозносился гордыней и не предавался после трудов покою и удовольствиям, как это случается с другими, но тотчас, собрав войско, со всей быстротой поспешил к Кумам. Этот чрезвычайно укрепленный италийский город, который с трудом мог бы быть взятым неприятелем, расположен на крутом и трудно доступном холме и представляет как бы сторожевую башню Тирренского моря. На берегу моря стоит большая скала, о подножие которой разбиваются морские волны, а вершину опоясывают стены, сильнейшим образом укрепленные башнями и брустверами. У Тотилы

¹ Вестник древней истории. М.—Л., 1947, № 1 (19), с. 264, 265.

и Тейи, прежних королей готов, наиболее ценное и важное имущество сохранялось в этой крепости, как сильнейшей. Как только Нарзес явился туда, он всеми силами стремился поскорее овладеть и городом и ценностями, чтобы готы не имели больше опорного стратегического пункта и чтобы, овладев этим городом, добиться полной и окончательной победы»¹.

III

1. «В лето 7017. Сентября 19, во вторник, к великому князю Василию Ивановичу всея Руси приидоша послы Литовския от короля Жихдимонта, пан Станислав Глебович воевода Полотцкий, и пан Иван Сопежич моршалко и секретарь, и пан Войтех Нарбутович моршалко, и писарь Ивашко Богданов Сопежича, о миру и о любви и о вечном докончании».

2. «Тоя же зимы к великому князю Василию Ивановичу всея Руси от царя Магмед-Аминя Казанского прииде посол Шаусеин-Сеит о крепком миру и о дружбе».

3. «Тоя же зимы, Февраля 2, к великому князю Василию Ивановичу, государю всея Руси, прииде на Москву от избранного цесаря Максимилиана и навышшаго короля Римского его посол, именем Юрьи Снитцем Помер, цесарского величества советник, о любви, о братстве и о дружбе».

4. «Тоя же весны, Майя 28, к великому князю Василию Ивановичу всея Руси прииде на Москву из Царяграда от Турского султана Салим-Шаг-Хандикеря посол именем Кемалби, князь Мингунский, о братстве и о любви»².

IV

1. Исторический портрет Гая Юлия Цезаря:

«Говорят, он был высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые. Здоровьем он отличался превосходным: лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи, да два раза во время занятий у него были приступы падучей. За своим телом он ухаживал слишком даже тщательно, и не только стриг и брил, но и выщипывал волосы, и этим его многие попрекали. Безо-

¹ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, с. 19.

² Полное собрание русских летописей. Спб., 1904, т. 13 (первая половина), с. 10, 14, 16, 17.

бразившая его лысина была ему неспосна, так как часто навлекала насмешки недоброжелателей. Поэтому он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб; поэтому же он с наибольшим удовольствием принял и воспользовался правом постоянно носить лавровый венок. И одевался он, говорят, по-особенному: он носил сенаторскую тунику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал, но слегка: отсюда и пошло словцо Суллы, который не раз советовал оптиматам остерегаться плохо подпоясанного юнца»¹.

2. Исторический портрет византийского императора Василия II:

«Большинству моих современников, видевших Василия, царь представлялся человеком угрюмым, грубого нрава, вспыльчивым и упрямым, в жизни скромным и во все чуждым роскоши. Но из сочинений историков, писавших о нем, я узнал, что поначалу он был не таким и от распушенности и изнеженности перешел к строгости под влиянием обстоятельств, которые как бы укрепили его нрав, сделали сильным слабое, твердым мягкое и изменили весь образ его жизни»².

Сопоставление приведенных текстов сразу же обнаруживает как их взаимное сходство, так и различия. Все они представляют собой описание определенных событий, ситуаций и процессов реальной исторической действительности. Некоторые авторы или инициаторы текста были иногда участниками или современниками описываемых событий. Поэтому довольно часто они могли зафиксировать любые детали. Во всяком случае и в количественном, и в качественном отношении объем индивидуализирующих характеристик мог бы быть гораздо более значительным, чем тот, который обнаруживается в приведенных текстах. Эта относительная скудость исторических свидетельств объясняется, по-видимому, тем, что в мышлении летописцев, историков, политических деятелей и других непосредственных очевидцев происходит определенный отбор, группировка свойств и отношений феноменов, подлежащих описанию.

Описания в примерах I—III носят четко выраженную политическую ориентацию. Их основная задача — за-

¹ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей, М., 1964, с. 20.

² Михаил Пселл. Хронография. М., 1978, с. 7.

фиксировать определенные политические и военные акты. В месопотамских летописях эта информация обретае, как мы сказали бы сейчас, дополнительную пропагандистскую окраску. Их сверхзадача — устрашение покоренных народов и утверждение господства данного правителя. Они содержат сведения в очень укрупненном масштабе: лишь об основных географических пунктах (названия городов, областей, покоренных царств, рек, гор и т. п.) и о весьма «размытых» интервалах времени. Это — «макродетали», за которыми во всех отрывках первой группы скрываются описания идентичных по типу действий, образующих единую систему военной деятельности. Именно фиксация этой деятельности с ее основными последствиями («опустошил», «подчинил», «сжег», «поверг», «захватил», «покорил», «разорил») и образует основную задачу, решению которой служат приведенные отрывки летописей. В этом смысле отвлечение от деталей позволяет сделать обобщенное описание типа военной деятельности в довольно широком временном диапазоне у определенной группы народов, находящихся на соответствующей ступени исторического развития. Вне определенной последовательности и при устранении деталей, фиксирующих названия отдельных городов, народов и правителей, сам тип деятельности, ее состав и структура трудноразличимы, так сказать, деиндивидуализированы. Еще нагляднее это обнаруживается при рассмотрении примеров группы III.

Фрагменты, включенные в группу III, подобраны, разумеется, вполне тенденциозно. Содержание описаний в основе идентично. Они фиксируют определенные дипломатические акты: прибытие послов ко двору Московского великого князя Василия III. Способ отображения этих актов может быть разбит на три элемента: сообщение о прибытии посольства с указанием даты или примерного времени, сведения о целях посольства (в описанных случаях — установление мира, дружбы и братства) и сведения о составе посольства с поименным перечнем. За исключением этого, мы вообще не можем здесь обнаружить ничего индивидуального, единичного и неповторимого с точки зрения изображения самого исторического действия. Во всех четырех случаях группы III роль индивидуализирующих спецификаторов выполняют элементы, относящие действие к определенному моменту времени и указывающие на персональный состав посольства и приславшее его государство. При этом все осталь-

ные детали (внешний вид, возраст, черты характера членов посольства, их обычаи, дипломатический ритуал, детали переговоров, помещение, в котором они происходили, дорожные приключения и т. д.), могущие представлять интерес с какой-то другой точки зрения и дающие дополнительные индивидуализирующие спецификации, в данных описаниях полностью отсутствуют. Это, разумеется, не означает, что реальные исторические события и персонажи были лишены объективных индивидуальных особенностей. Дело в том, что соответствующие описания сделаны в рамках решения определенной политической задачи: сохранить и систематизировать наиболее важную с точки зрения государственного управления информацию в форме, удобной для быстрого и действенного политического использования.

Другая важная цель летописей состояла в хранении и передаче информации будущим поколениям. Однако это никогда не являлось единственной целью. В определенном интервале времени летописи использовались как актуальные политические документы, что, естественно, предъявляло определенные требования к степени детализации и индивидуализации содержащихся в них описаний. Рассматриваемые как изолированные текстовые отображения отдельных социально-политических действий в ограниченных ситуациях, описания часто фиксируют лишь самые общие свойства и взаимосвязи отражаемых в них феноменов. Их подлинная индивидуальность обнаруживается лишь с учетом того, что описания являются элементами или подсистемами некоторого системного целого — исторического познания, которое, в свою очередь, представляет собой целостное отражение не отдельных индивидуальных событий и ситуаций, а развивающейся системы — исторического процесса, охватывающего эти события и ситуации в качестве своих подсистем и элементов.

Отдельно взятое предложение или набор предложений, фиксирующих изолированное событие или ситуацию, вообще не в состоянии воспроизвести и отразить их как объективную индивидуальность, характеризующую бесконечным спектром свойств, отношений и взаимодействий. Лишь отражение процесса некоторой последовательности событий, отражение деятельности как развивающейся системы, учитывающее и описывающее взаимодействие механизмов целеполагания и реализации целей с определенными материальными условиями, позво-

лется добиться более высокой индивидуализации исторического познания. В этом смысле характерен фрагмент II. В нем зафиксированы цель византийского полководца, географические и технические условия ее реализации, дана психологическая характеристика Нарзеса, объясняющая особенности его действий, и т. д. Это уже описание не изолированных действий, но деятельностной подсистемы в более общей системе последовательно развивающейся деятельности. Такое описание можно назвать исторической картиной, причем многоплановой, полиструктурной.

Разновидностью исторической картины является исторический портрет (примеры из группы IV). В отличие от портрета живописного, сохраняющего, как правило, почти все индивидуальные особенности персонажей, вербальный исторический портрет содержит лишь наиболее важные зрительно воспринимаемые детали, а также характерные черты поведения данного персонажа. Таким является описание Цезаря у Светония. Напротив, в описании императора Василия II зрительно воспринимаемые детали отсутствуют, зато четко вырисовывается эмоционально-психологический портрет. Очевидно, что набор деталей описания, так сказать, его параметров или переменных, зависит не только от объекта, но и от задачи, которую ставит перед собой летописец или историк.

Теперь уместно поставить вопрос: действительно ли исторические описания идиографичны и дают знания о совершенно индивидуальных и неповторимых исторических феноменах? Думается, что, несмотря на ограниченный набор приведенных примеров, можно все же высказать несколько вполне определенных утверждений, отвечающих на этот вопрос.

1. Исторические описания могут рассматриваться как сугубо индивидуальные лишь при особых условиях. Выдержки из ассиро-вавилонских хроник отличаются с точки зрения хронологии событий и перечня покоренных народов, захваченных и разрушенных городов, размеров дани, военной добычи и т. д. Однако они легко поддаются обобщению, построенному на отвлечении от этих моментов. Предложение: «Войны ассиро-вавилонских царей XII—VIII веков до нашей эры отличались большой жестокостью и завершались большими опустошениями, разрушениями, ограблением и порабощением покоренных народов» — является обобщающим описанием. В отличие от описаний группы I обобщающее описание относится

к большому интервалу времени, лишено многих деталей, но вполне удовлетворяет всем логическим требованиям, предъявляемым к описаниям. Точно так же все конкретные описания группы III могут быть заменены обобщающим описанием: «В определенный период княжения Василия III велась интенсивная дипломатическая деятельность по установлению дружественных отношений между Москвой и соседними государствами». При этом следует иметь в виду, что функции выделения и разграничения осуществляются обобщающими описаниями слабее, чем описаниями исходными, конкретными. Однако, несмотря на это, и те и другие выполняют свою познавательную роль в рамках соответствующих познавательных задач. Поэтому предельная детализация, а тем более полная индивидуализация, связанная с бесконечным перечнем параметров, не является отличительным признаком исторических описаний вообще, в том числе и вполне конкретных исторических описаний. Хотя последние и позволяют выделять и различать отдельные события, они не исключают возможности их частичной, а иногда и очень глубокой идентификации с другими.

2. Во многих случаях конкретные исторические описания сами являются достаточно обобщенными. Если в отрывке II заменить имя византийского полководца Нарзеса переменным символом x , а название области, где велись боевые операции,— символом y и не указывать даты события, то даже историк, не являющийся, конечно, специалистом-византологом, вряд ли сможет определить, о ком и о чем идет речь. Поэтому пресловутая «идиографичность» исторических описаний отнюдь не является их особым автономным свойством, а оказывается результатом включения каждого описания в общий контекст. Эта «идиографичность» предполагает большой объем дополнительной информации, которая не содержится в каждом отдельном описании, а извлекается из других описаний, из других источников. При строгом подходе можно без большого риска утверждать, что ни одно отдельно взятое описание не дает исчерпывающей информации обо всех индивидуальных особенностях события, ситуации или процесса.

Степень индивидуализации исторических описаний может быть очень высокой или незначительной. Это зависит от трех факторов: от характера объекта; от характера познавательной задачи; от возможности практического пополнения и уточнения необходимой информации. Од-

нако ни один из этих факторов, взятых порознь, ни все факторы в целом не определяют содержание и степень индивидуализации одних лишь исторических описаний. От этих же факторов, и в первую очередь от характера поставленной задачи, зависит и степень индивидуализации естественнонаучных описаний. Поскольку же характер познавательных задач в процессе развития научного познания меняется, что ведет к различному пониманию объекта познания и выделению различных предметов в познании, то это существенно влияет на форму описаний. Подтверждению такого понимания содействует сравнение естественнонаучных и исторических описаний.

3. Сравнительный анализ естественнонаучных и исторических описаний

Посмотрим прежде всего, применяются ли описания в естественнонаучном познании или же они являются исключительной привилегией историографии.

В физике термин «описание» имеет очень широкое хождение. Он встречается как в специальной, так и в учебной литературе¹. Никто тем не менее не рискнул бы назвать физику на этом основании описательной наукой. Что же имеют в виду физики, говоря об описании? Понятие «описание» чаще всего встречается в утверждениях типа: «Квантовая механика описывает состояния атомной системы», или: «Классическая динамика описывает движение тел в определенных условиях», или: «Закон Ома дает количественное описание взаимосвязи напряжения и силы электрического тока». Здесь, по существу, речь идет о строгих физических теориях. Утверждение, что они нечто описывают, равноценно утверждению, что в них рассматриваются или отражаются некоторые системы объектов или фиксируются определенные знания. С известным основанием и в полном соответствии с определениями, приведенными в разделе I, можно говорить, что физические теории наряду со своими основными познавательными функциями (объяснением, предсказанием, систематизацией и т. д.) выполняют и функции описания. Такие теории особым образом выделяют свои

¹ Известная книга В. А. Фока «Начала квантовой механики» (М., 1976) начинается с раздела, посвященного сравнению квантовомеханического и классического способа описания явлений. Такое же словупотребление можно найти и в известном учебнике Г. С. Ландсберга «Оптика» (М., 1976), и в сотнях других работ.

объекты, а также те их свойства, отношения, преобразования и взаимодействия, которые отражены и зафиксированы в соответствующих законах и не рассматриваются другими теориями. В этом смысле физические теории и выполняют функции различения, разграничения и распознавания изучаемых феноменов.

«Описание» по самой своей этимологии связано с понятием о письменности, со знаковым выражением знания, с процедурой записывания. Понятие «описание» подчеркивает наличие определенным образом зафиксированных формулировок, а в области физики — математических формул, графиков, таблиц, числовых записей.

В применении к физической теории термин «описание» несет несколько иную смысловую нагрузку, чем в тех случаях, когда речь идет об описании наблюдений или экспериментов. Рассмотрим несколько примеров. В качестве образца физической теории возьмем классическую динамику Ньютона. Что она описывает? Ее объектами являются твердые тела. Классическая динамика не интересуется размерами, геометрической формой, химическим строением, цветом, происхождением и другими характеристиками этих тел. Она прежде всего фиксирует, что они обладают некоторой неизменной массой, которая первоначально понималась как особое количественно выражаемое свойство материальных тел сохранять состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, т. е. как мера инертности. При современной интерпретации масса часто понимается как некий коэффициент, фигурирующий в уравнениях теории и связывающий между собой ее основные измеряемые величины (сила, ускорение, импульс, скорость и т. п.). При этом тело может рассматриваться как механическая точка, в которой сосредоточена вся его масса, хотя ни одно реальное материальное тело не является точечным в математическом смысле слова. Не существует также тел, тем более в надмолекулярной области (а именно такие макротела, и притомдвигающиеся со скоростями, не сопоставимыми со скоростью света, и рассматривает классическая физика), которые не имели бы геометрической формы, химической структуры, не изменяли бы своих размеров при перемещении, изменении температуры и т. п. Классическая динамика, следовательно, говорит о движении некоторых идеализированных или абстрактных объектов с крайне ограниченным и неизменным набором свойств. При этом устанавливаются точные зависи-

мости между величинами, характеризующими движение тел в однородном пространстве в инерциальных системах отсчета. Зафиксированные в уравнениях теории зависимости рассматриваются как объективные законы физики.

Таким образом, с точки зрения классической динамики все реальные физические тела неразличимы, коль скоро они удовлетворяют абстракциям и постулатам этой физической теории. Камень, лежащий на поверхности земли, летящее пушечное ядро, Петр I, пирующий после Полтавской битвы, и цветущая магнолия совершенно идентичны, если их рассматривать в строгих инерциальных системах отсчета как тела с фиксированными массами, при скоростях движения, не сопоставимых со скоростью света, и не принимать в расчет никаких других свойств и отношений. Только при таких условиях классическая динамика дает формулы, посредством которых при наличии исходных эмпирических данных можно установить численные значения соответствующих величин для каждого отдельного тела, в каждой точке абстрактного физического пространства, для любого момента или интервала времени.

Сопоставив сказанное о классической динамике с определением описаний, можно рассматривать эту и аналогичные ей по логической структуре теории как описания классов физических объектов, удовлетворяющих определенным аксиомам и неформальным допущениям. Однако в рамках подобных теорий невозможно получить описания индивидуальных чувственно наблюдаемых феноменов, поскольку сами теории имеют дело лишь с абстрактными идеализированными объектами и зависимостями.

Рассмотрим теперь эмпирические описания в физике. В своей исходной форме они выступают как числовые, графические или вербальные записи наблюдений. Такие описания, фиксирующие некоторые индивидуальные события, используются либо как эмпирическая база для дальнейших обобщений, для поиска законов и теорий, либо для эмпирического контроля и проверки гипотез. Что же означает в данном случае выражение «индивидуальное событие»?

Допустим, мы хотим проверить закон свободного падения тел вблизи поверхности Земли $\left(S = \frac{gt^2}{2} \right)$.

Так как коэффициент g постоянен и равен примерно 10 м/сек , то из данного закона следует, что любое тело

независимо от его массы пролетит вертикально вниз пять метров за одну секунду своего падения, двадцать метров за две секунды, сорок пять — за три и т. д. Это можно проверить, бросая шарик с определенной высоты и засекая его положения через равные, предположим односекундные, интервалы. Полученные результаты мы можем представить в виде ряда цифровых записей или графиков. Так как в реальных условиях возможны различные отклонения, вызванные случайными факторами, то придется повторить эксперимент несколько раз.

Каждая отдельная запись фиксирует не только обстоятельства, предусмотренные законом, но и случайные воздействия и поэтому не может использоваться в своем первоначальном виде для сопоставления с предсказаниями, полученными из формулы закона. Для этой цели применяются уже не эмпирические данные — первоначальные записи, а эмпирический факт — статистическое резюме эмпирических данных, устраняющее случайные воздействия. Именно это резюме и представляет наибольшую ценность для проверки рассматриваемого закона или гипотезы. Возможно, что в результате четырехкратного измерения пути, пройденного шариком за 2 секунды свободного падения, мы получим записи, равные 19,96 м, 19,97 м, 20,01 м, 20,02 м. Среднеарифметическое значение, т. е. факт (его иногда называют истинным значением), составит 19,99 м, что дает хорошее эмпирическое приближение сделанного предсказания и позволяет считать его подтвержденным. Однако в действительности ни в одном из четырех случаев шарик не был зафиксирован после двух секунд полета на отметке 19,99 м. Эмпирический факт оказывается в результате описанием некоторого множества случайных индивидуальных событий, числовые характеристики которых расположены в определенном данной статистикой интервале значений. При этом события, в точности совпадающего с эмпирическим фактом, может вообще не оказаться среди эмпирически зафиксированных событий.

Таким образом, в классе физических описаний выделяются три следующих типа: 1) теория как описание всех мыслимых, всех возможных ситуаций, предусмотренных аксиомами теории; множество мыслимых событий принципиально может считаться бесконечным, но ограниченным данной теорией и отличным от событий, описываемых другой теорией; 2) эмпирический факт, представляющий статистическое описание множества

имевших место и зафиксированных в эксперименте событий; события, охватываемые данным фактом, не отличаются принципиально друг от друга, но отличаются и отграничиваются от событий, лежащих в основе других физических фактов; 3) эмпирические (единичные) данные, являющиеся описаниями отдельных событий, зафиксированных в каждом единичном наблюдении и отражающих всю совокупность влияющих на события факторов, в том числе и случайных. Особенно важно подчеркнуть, что эти три типа описаний связаны совершенно определенным образом: набор параметров, фиксируемых эмпирическим фактом и единичными эмпирическими данными, ограничен и заранее определен содержанием теории. Числовые параметры могут в реальном эксперименте принимать бесконечно варьируемые числовые значения, но сам набор параметров конечен и, как правило, весьма невелик. Эти особенности физических описаний следует постоянно иметь в виду при сравнении их с описаниями историческими.

Первым шагом такого сравнения должно быть рассмотрение отношений физических и исторических описаний к их объектам.

Физические описания всех трех типов имеют дело с некоторыми абстракциями. Неверно думать, будто бы лишь теории описывают абстрактный объект. Не только эмпирические факты, но и единичные данные также имеют дело с объектами, в которых фиксируется крайне незначительное число параметров. В приведенном выше примере учитывается лишь один параметр: путь, пройденный шариком за две секунды свободного падения. Эксперимент, следовательно, строился так, чтобы с самого начала представить реальный физический процесс (падение шарика) как процесс абстрактный, однопараметровый. В квантовой физике существует специальный постулат о неразличимости одноименных элементарных частиц, ввиду чего даже реальные, данные в эксперименте частицы описываются как абстрактный объект и их эмпирические описания не позволяют различать, скажем, два любых электрона как индивидуальные объекты.

Напротив, объекты исторических описаний, как видно из примеров I—IV предыдущего раздела, гораздо более конкретны, индивидуализированны. Не только внешность Гая Юлия Цезаря и императора Василия II описывается с разной степенью подробности и в разных терминах

(параметрах), но и относительно однотипные захватнические войны ассирио-вавилонских царей содержат большое количество различных деталей, географических наименований и т. д. Даже весьма однотипные описания иностранных посольств (группа примеров III) отличаются перечнями дипломатов, датами их прибытия, пославшими их странами. Это нередко приводит к утверждениям о принципиальной индивидуальности, абсолютной конкретности объектов исторических описаний. Подобные утверждения и создают методологическую базу для концепции идиографичности исторического знания вообще.

Однако гораздо большая конкретность и индивидуализированность самих объектов исторических описаний не означает, что они даны нам эмпирически как феномены с бесконечным числом отражаемых в описании параметров. Речь поэтому должна идти о том, что число таких параметров здесь, быть может, на несколько порядков больше, чем у объектов физических описаний, но ни в одном случае мы вообще не можем иметь дела с бесконечным набором параметров. Если бы историческое познание было полностью математизировано и мы могли бы измерять порядок параметров в описаниях, то можно было бы обсуждать интересующие нас отличия исторического знания от физического на количественном языке. Однако это не так. Вместе с тем и сейчас мы в состоянии зафиксировать то обстоятельство, что в отношении физических и исторических описаний к своим объектам есть как черты сходства, так и черты различия. Первые объясняются тем, что любое, даже самое конкретное, описание (внешность Цезаря или состав посольства) предполагает некоторое абстрагирование, т. е. ограничение набора параметров; вторые же связаны с тем, что в физических описаниях наборы параметров заранее регламентированы теорией и весьма невелики по числу, а в эмпирической историографии на протяжении многих столетий выбор параметров описания диктовался интуицией, личным вкусом, предрассудками, политическими, религиозными и другими установками, личной культурой историка или хрониста и прочими факторами, тогда как теоретические знания оказывали ничтожно малое влияние, поскольку сами еще находились в зародышевом состоянии.

Второй шаг сравнения физических и исторических описаний позволяет установить различие в зависимости описаний от познавательной задачи и принятой методо-

логии. В современном естествознании, если речь идет о так называемой нормальной науке¹ с четкой парадигмой, т. е. совокупностью основных теорий и стандартов, задача полностью регламентирована этой парадигмой. Поэтому здесь любые описания, идет ли речь о теории, фактах или эмпирических данных, полностью рациональны, т. е. совершаются по строго установленным, общезначимым для всех специалистов правилам. Исторические же описания или описания, претендующие на роль исторических (сделанные в свое время для совсем иных целей), чаще всего выполнялись вне определенной осознанной парадигмы. Задачи, решению которых они служили, часто менялись на протяжении одного и того же исследования, были разнородными по характеру, почти никогда не определялись сформулированной заранее теорией и поэтому не могли быть полностью рациональными.

Говоря о том, что, выделившись из общего контекста исторического сознания, историческое познание становится рациональным (гл. 1), мы не имели в виду, что оно с самого начала и на всех уровнях является регламентированным строгими правилами. По мере превращения профессионального исторического познания в историческую науку его рациональность постоянно возрастала. Наиболее полно она проявлялась в сфере построения специальных методов и вспомогательных исторических дисциплин, где описания гораздо более стандартизованы, чем в традиционной эмпирической историографии. В современных исторических исследованиях, опирающихся на теоретические знания и на современную, в частности математико-статистическую, методологию, описания, по крайней мере по форме, гораздо более однородны и однотипны, чем в традиционных историографических трудах. В качестве иллюстрации сошлемся на исторические описания крестьянского хозяйства в средневековой Византии и в Эстонии XIX века. Несмотря на различие эпох, народов, культур и исторических источников, параметры, включенные в эти описания, по существу, однотипны, а сами описания легко сопоставимы и уж во всяком случае не идиографичны².

¹ См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975, с. 22—23.

² См.: *Хвостова К. В.* Некоторые вопросы применения количественных методов при изучении социально-экономических явлений средневековья (по данным византийских источников XIII—XIV вв.).— Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972, с. 15—88; *Кахк Ю. Ю., Уйбу Х. Э.* О социальной структуре и ее динамике в эстонской деревне во второй четверти XIX в.— Ма-

Таким образом, можно прийти к выводу, что обе крайние точки зрения — одна из которых целиком противопоставляет историческое знание как описательное и идиографическое естественнонаучному как аналитическому и номотетическому, а другая полностью игнорирует различия между этими классами знаний — представляют собой крайне одностороннее, а потому и неправильное понимание проблемы.

В разные периоды исторические описания имели различный удельный вес. Их состав и структура также были различными. По мере превращения исторического познания в науку не только возрастал (и продолжает возрастать) объем аналитических и теоретических знаний, но благодаря их воздействию постепенно менялись (и продолжают меняться) и сами исторические описания. Однако процесс этот носит затяжной характер. Он связан с перестройкой эпистемологических структур и, в частности, как будет показано в следующей главе, с переходом от уровня единичных данных к уровню эмпирических фактов. Но прежде чем перейти к этой стороне дела, необходимо отметить еще одно, и притом центральное, отличие исторических описаний от естественнонаучных. Это отличие, накладывающее отпечаток на все содержание соответствующих наук, определяется тем, что историческое знание и описание как его основание выделяют в качестве своего главного предмета *развитие и изменение социально значимой человеческой деятельности, а она неразрывно связана с сознанием*. Именно здесь проходит демаркационная полоса, отграничивающая историческое познание от познания естественнонаучного, которое имеет дело с природой, а не с человеком.

4. Историческое описание: деятельностный подход как принцип исторического материализма

Основной проблемой восходящей к Канту теории познания является исследование отношений между двумя классами систем: системами объектов и системами знаний. Принципиальное новаторство гносеологии диалектического материализма состояло во введении новой, третьей системы — деятельности. Деятельность человека

тематические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977, с. 98—117; *Какх Ю. Ю.* О работе историко-математической группы Института истории АН ЭССР.— Там же, с. 362—373.

представляет собой систему взаимосвязанных и двояко-обусловленных операций или действий. Одним из обуславливающих ее факторов является характер объектов, на которые направлена деятельность, другим — совокупность используемых для ее реализации знаний. Деятельность общественного человека как система характеризуется известной повторяемостью, обеспечивающей производство и воспроизводство идентичных по своей качественной определенности материальных предметов и социальных ситуаций. Наряду с этим она постоянно приводит к созданию ранее не существовавших материальных предметов и социальных ситуаций, выступая в этом качестве как революционно-преобразующая практика.

Двухчленная формула познания, по существу, воспроизводит познавательную процедуру, закрепленную классическим естествознанием. Классическая динамика, например, рассматривает лишь систему законов и подтверждающих их эмпирических фактов, с одной стороны, и систему идеализированных механических объектов — с другой. В действительности же в этих знаниях зафиксированы не только свойства объектов и отношения между ними, но и определенный способ исследовательской деятельности. Однако именно эта сторона дела игнорируется классическим естествознанием, и сформулированное им знание относится к системе объектов вне контекста исследовательской деятельности.

После возникновения современного неклассического естествознания (квантовой механики, релятивистской физики, кибернетики и т. д.) стало очевидным, что игнорирование активной познавательной деятельности исследователя, а стало быть и человеческой деятельности вообще, и устранение ее из структуры познания не позволяют понять ряд объективных феноменов и сформулировать адекватные им законы. Признание этого обстоятельства привело, как известно, к вспышке субъективного идеализма, спекулировавшего на том, что познание объекта неотделимо от деятельности субъекта. Хотя само по себе это и не может служить основанием для субъективно-идеалистических выводов, некоторые философы-материалисты также рассматривали необходимость исследовать объективные свойства и отношения природы в контексте деятельности как уступку субъективизму. Теперь, когда эта позиция преодолена, особенно важно напомнить, что введение активной и притом сознательной деятельности человека в структуру познания и замена двухчленной

формулы (знание — объект) трехчленной (знание — деятельность — объект) является важнейшим достижением исторического материализма. Необходимо подчеркнуть здесь именно вклад *исторического* материализма, так как впервые — и притом задолго до возникновения современного естествознания — единство систем знаний, деятельности и объектов было сформулировано в рамках философской концепции, ориентированной на познание истории.

С точки зрения исторической эпистемологии, развиваемой в рамках философского материализма, центральным для понимания всех проблем, рассматриваемых в этой книге, является следующее утверждение Ф. Энгельса: «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека»¹. Таким образом, историческое познание, оставаясь в рамках трехчленной познавательной структуры, переносит центр внимания на социальную деятельность.

Своеобразие такой познавательной ситуации заключается в следующем. Историческое познание включает в свою структуру деятельность исследователя. Вместе с тем в своем объекте, т. е. в исторической реальности, это познание выделяет в качестве основного предмета историческую деятельность. В результате мы сталкиваемся с двумя видами, формами или уровнями деятельности. На одном из них она выступает как предмет познания, на другом — как инструмент. В первом своем виде это деятельность исторических персонажей, во втором — деятельность историка.

В естествознании подобная ситуация отсутствует. Деятельность естествоиспытателя не имеет аналогов в предмете познания, т. е. в выделенных и ограниченных данными задачами сторонах объективной действительности, подлежащих эмпирическому и теоретическому описанию. Именно сложность и необычность ситуаций, возникающих в историческом познании, заставляет даже наиболее проникательных из современных буржуазных философов истории противопоставлять его познанию естественнонаучному. Одним из наиболее сильных стимулов такого противопоставления, причем идеалистического, является то, что можно было бы назвать «эффектом встречи».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

Как видно из только что приведенных слов Ф. Энгельса, он понимал историю как развивающуюся во времени целенаправленную деятельность. Целеполагание, независимо от того, сознательно оно или бессознательно, есть проявление мышления, психики. Вместе с тем любая деятельность материально обусловлена и реализуется материальными существами — людьми. Деятельность ученого-историка также неразрывно связана с мышлением. Поэтому в процессе исследования происходит как бы встреча двух видов деятельности: деятельности исторических персонажей и деятельности историка. При этом возникает большое искушение идентифицировать познавательные моменты двух по существу различных видов деятельности. Основная цель познавательной деятельности историка — выработка знаний или осознание исторической действительности; основная цель исторических персонажей — так или иначе изменить политическую, экономическую, правовую или бытовую ситуацию, т. е. саму действительность. Проявления и материальные следствия той и другой деятельности различны, но наличие обязательного целеполагающего компонента создает благоприятные основы для фиксации и закрепления в абстракции лишь этой стороны деятельности. Как это происходит на деле, можно увидеть на примере позиции одного из видных представителей буржуазной философии истории первой половины нашего века — Р. Коллингвуда. Его понимание целей исторического познания вообще и исторической науки в особенности получило широкое распространение в зарубежной историографии и выражает весьма типичную для многих мыслителей позицию.

Коллингвуд жестко разграничивал внешнюю (outside) и внутреннюю (inside) сторону каждого исторического акта, процесса, события или системы событий. «Историк никогда не занимается лишь одной стороной события, совсем исключая другую. Он исследует не просто события (простым событием я называю такое, которое имеет только внешнюю сторону и полностью лишено внутренней), но действия, а действие — единство внешней и внутренней сторон события»¹. В соответствии с терминологической традицией, принятой в англосаксонских странах, Коллингвуд понимает под наукой естественные науки (science) и соответственно учеными считает представителей точного естествознания.

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография, с. 203.

Сравнивая познавательную деятельность историка и ученого, Коллингвуд утверждает: «Ученый-естествоиспытатель не трактует событие как действие и не пытается воспроизвести замысел лица, совершившего его, проникая через внешнюю сторону события к его внутренней стороне. Вместо этого ученый выходит за пределы события, устанавливает его отношения к другим событиям и тем самым подводит их под некоторую общую формулу, или закон природы. Для естествоиспытателя природа всегда только «феномен», «феномен» не в смысле ее недостаточной реальности, но в смысле того, что она является некоей картиной, данной сознанию разумного наблюдателя; в то же время события истории никогда не выступают как простые феномены, картины для созерцания. Они объекты, и историк смотрит не «на» них, а «через» них, пытаясь распознать их внутреннее, мысленное содержание»¹.

Это утверждение подчеркивается Коллингвудом с особой настоятельностью: «Природные процессы... с полным правом могут быть описаны как последовательность простых событий, исторические же процессы — нет. Они не последовательность простых событий, но последовательность действий, имеющих внутреннюю сторону, состоящую из процессов мысли. Историк ищет именно эти процессы мысли. Вся история — история мысли»².

Провозгласив единство «внутренней» и «внешней» сторон, Коллингвуд в конечном счете ориентирует историческое познание на изучение и понимание лишь внутренней, т. е. когнитивной, деятельности, которую он отождествляет с мышлением. Законы мышления суть законы логики. Отсюда легко перейти к утверждению, что в конечном счете законы истории или, по крайней мере, заменяющие их механизмы определяются законами логики, т. е. чистыми, формальными структурами. Сам Коллингвуд таких выводов не делает. Напротив, он подвергает довольно резкой критике Гегеля и других представителей подобной историософии, но грань, отделяющая его от них, чрезвычайно тонка, и для преодоления ее не нужно особых усилий.

Сравнение первого и последнего из приведенных отрывков обнаруживает непоследовательность Коллингвуда, его стремление отдать приоритет внутренней стороне

¹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*, с. 203—204.

² Там же, с. 204.

над внешней. Во втором отрывке подчеркивается, что естествознание устанавливает закономерности, связывающие внешние материальные характеристики событий, тогда как историческое познание, рассматривая внутреннюю их сторону, ограничивается постижением мышления персонажей, участвующих в исторических событиях, но не закономерностей последних.

Концепция исторической деятельности как единства внешней и внутренней сторон сложилась в трудах Коллингвуда под несомненным влиянием идей классической немецкой диалектики и особенно под влиянием идей К. Маркса, с которыми Коллингвуд был хорошо знаком, но которые он не смог в полной мере усвоить. Поэтому он оказался не в состоянии удержаться на уровне понимания диалектического двуединства деятельности и опустился до более тривиального идеалистического ее понимания.

Историко-материалистическая концепция деятельности как основы и сущности исторического процесса состоит не в простом признании ее двоякой обусловленности и двусторонности, а в определении приоритета одной из сторон и их взаимосвязи. Ключ к пониманию проблемы дает знаменитый тезис марксизма, гласящий, что не сознание определяет общественное бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет общественное сознание. Это приводит к рассмотрению общественного развития как естественноисторического процесса: «естественного» потому, что законы такого развития столь же объективны, как и законы природы; «исторического» потому, что деятельность, подчиненная этим законам, является сознательной, целенаправленной и в каждом своем звене неотделима от воли, желаний, эмоций и сознания исторических персонажей и социальных групп.

Трудность, связанная с необходимостью схватывать и удерживать в познании обе стороны деятельности, взятой в историческом развитии, и порождает стремление разделить две стороны деятельности, противопоставить одну из них другой. Преодоление этой трудности требует от исторической эпистемологии сделать еще один важный шаг: синтезировать системный и деятельностный подход к исследованию исторической реальности.

Такой синтез предполагает уточнение самих понятий «действие» и «деятельность».

Если *A* некоторая система, то *действием* называется все, что вызывает количественные или качественные из-

менения в отдельных элементах или компонентах системы. В этом смысле действия имеют место как в природе, так и в обществе. Соударение двух металлических шариков, радиоактивное облучение фотопластинки и тому подобные явления могут рассматриваться как действия или взаимодействия. Действиями являются извержение Везувия, уничтожившее Помпею, прибытие послов ко двору московского князя Василия III и т. п. Понятие «действие» предполагает лишь эффект изменения в отдельных элементах и компонентах системы, но не указывает, чем вызвано само действие.

Деятельность представляет собой определенную динамическую систему, необходимыми элементами которой являются мотивированные, сознательные, целевые действия. Такие действия могут быть осуществлены лишь человеком. Поэтому в природе, по крайней мере в неорганической, не существует деятельности в строгом смысле слова. В слабой, более элементарной форме деятельность присуща только высшим животным.

Таким образом, описания как форма языковой фиксации исходных чувственных наблюдений и описания как средство разграничения и различения объектов знания могут быть сами разграничены по их отношению к деятельности и действиям.

В естественных науках полные, частичные и единичные описания относятся к элементам и компонентам соответствующих систем и к объективным действиям и взаимодействиям в этих системах. Эти описания не фиксируют деятельность вообще (классическое естествознание) или фиксируют исследовательскую деятельность лишь в той мере, в какой она оказывает влияние на действия и взаимодействия в системе объектов (например, измерения в квантовой механике и т. п.).

Напротив, исторические описания концентрируются на фиксации деятельности, мотивированных действий. Описания стационарных материальных элементов, например географической среды, зданий и сооружений, костюмов, бытовых деталей, имеют познавательную ценность в общем историческом контексте лишь постольку, поскольку эти явления существенны для мотивации, установления целей и выполнения соответствующей деятельности. Центральное же место занимают описания самой деятельности как целого и образующих ее мотивированных действий. При этом в исторических описаниях деятельность и мотивированные действия непосредственно

или в результате соответствующей реконструкции выступают в единстве субъективной и объективной сторон. Для иллюстрации напомним пример II из раздела 2 этой главы. Описания стационарных элементов — укрепленной крепости, географического ландшафта, характера Нарзеса и т. д. — необходимы как характеристика тех условий, в которых осуществляется его деятельность, происходит движение его войск, а также как фон для объяснения некоторых мотивов этой деятельности.

Сами по себе описания внешности отдельных исторических персонажей, ландшафтов, городов, сооружений, костюмов, утвари, оружия и т. д. не являются в строгом смысле слова историческими, если они не имеют функциональной нагрузки в описании целенаправленной социально значимой деятельности, осуществляемой в конкретных условиях и нуждающейся для своей реализации в определенных персонажах. Поэтому утверждение сторонников идиографического подхода, что любая деталь в описательном портрете того или иного персонажа имеет неоценимое историческое значение, уже давно вызывало возражения у многих историков. То обстоятельство, что Наполеон был маленького роста, а Петр I большого и любил в «адмиральский час» выпить рюмку анисовой, иронизировал Н. И. Кареев, которого никак нельзя заподозрить в симпатии к историческому материализму, вряд ли имеет большое историческое значение и едва ли дает ключ к пониманию исторической деятельности¹.

Сравнивая психологический портрет византийского императора Василия II с портретом Юлия Цезаря (пример IV из раздела 2), можно заметить следующее. Такие детали, как черные глаза, высокий рост, внимание к своей внешности, вряд ли заметным образом влияли на историческую деятельность Цезаря. Однако другие детали, ярко обрисованные Светонием в предыдущих и последующих разделах жизнеописания Цезаря и зафиксировавшие его отношения с друзьями и врагами, с сенатом и армией, а также черты характера, определившие тип и содержание его поведения, гораздо более существенны для понимания действительной римской истории. Обычно историческим описанием называют любую информацию, содержащуюся в исторических источниках или в построенных на их основе работах историков. Ду-

¹ См.: Кареев Н. И. Теория исторического знания. Из лекций по общей теории истории. Спб., 1913, ч. 1.

мается, что такое расширительное толкование этого понятия становится все менее адекватным по мере повышения научного уровня исторического познания.

Сравнивая естественнонаучные и исторические описания, можно было убедиться, что первые даже на уровне единичных эмпирических данных фиксируют лишь определенные свойства, заранее заданные параметры и величины. Не будь этого условия, естественнонаучные описания могли бы быть столь же идиографическими, как и пресловутые исторические: каждый физик, описывая эксперимент с бросанием шариков, любовно описывал бы цвет, размер, царапины на поверхности каждого шарика, добавляя к этому описания окружающего ландшафта и своих переживаний.

Исторические описания на протяжении многих веков создавались вне каких-либо особых теоретических концепций и возникали как продукт стихийного эмпирического наблюдения в рамках здравого смысла и личного опыта. Выбор включенных в них деталей и параметров часто был произволен и случаен. Переход эмпирической историографии к новой, более высокой стадии развития, выделение теоретических знаний, создание специальных методов и общей методологии исторического исследования позволяют теперь более точно ограничить класс описаний, называемых историческими.

Система описания является историческим описанием, если:

1) объект знания представляет собой историческую реальность или определенным образом выделенные во времени и пространстве ее фрагменты;

2) предметом знания является целенаправленная общественно значимая развивающаяся деятельность;

3) в описании фиксируются детали и закрепляется информация, необходимые для объяснения этой деятельности, ее классификации, типологии, систематизации и т. д.;

4) полные, частичные и индивидуальные описания удовлетворяют определениям описаний как особой познавательной структуры.

Исторические описания, понимаемые таким образом, выступают как особая элементарная клеточка исторического познания, как внешняя материальная, доступная чувственному восприятию форма знаний о прошлом человечества.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ

1. Исторический факт как проблема

Описания, как было показано в предыдущей главе, встречаются не только в историческом, но и в естественно-научном познании. Они выражают и эмпирические, и теоретические знания. На уровне эмпирических знаний описания могут быть средством фиксации единичных данных и фактов. В структуре естественнонаучного познания полные описания однозначно соответствуют определенным теориям. Частичные же и единичные описания выступают как формы эмпирических фактов и единичных данных. При этом набор качественных и количественных переменных, характеризующих эмпирические знания, определяется соответствующей теорией, четкой парадигмой или формулируемыми в их рамках и на их основе исследовательскими задачами. В историческом познании, где теоретические знания в современном смысле возникают довольно поздно, выбор таких параметров диктуется большим количеством трудноконтролируемых факторов. В этих условиях вопрос о надежности и достоверности эмпирического базиса исторического познания и форме его выражения приобретает особое значение. Выявление того, какие именно знания содержатся в том или ином историческом описании, какова «технология» и методология построения надежных эмпирических фактов, как соотносятся понятия «историческое описание» и «исторический факт», становится поэтому первоочередной проблемой исторической эпистемологии. Начнем ее рассмотрение с анализа семантики понятий «факт» вообще и «исторический факт» в частности.

Проблема исторического факта справедливо может быть отнесена к числу важных методологических проблем исторического познания¹.

¹ См.: Данилов А. И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки.— Вопросы истории, 1961, № 3, с. 216—217.

Анализ понятия «факт» обнаруживает три наиболее употребительных его значения.

1. Факт рассматривается как некоторый фрагмент действительности, объективное событие, ситуация или процесс. В этом смысле фактом является само прибытие зимой 1511—1512 года в Москву к великому князю Василию III посольства от Казанского хана.

2. Факт рассматривается как особое знание о соответствующем событии, ситуации или процессе. В этом смысле за факт принимается описание казанского посольства, приведенное в главе 5.

3. Факт рассматривается как синоним истины. В этом смысле он употребляется, например, в предложении: «Бесспорным фактом является то, что зимой 1511—1512 года в Москву к Василию III прибыло посольство из Казани для заключения договора о мире и дружбе». Такое применение понятия «факт» вряд ли целесообразно, поскольку термин «истина», прочно вошедший в научную и философскую литературу, вполне компенсирует устранение этого смысла понятия «факт» без какой-либо потери исторической информации. Зато рассмотрение двух предыдущих значений открывает важные аспекты проблемы.

Понятие «факт» в первом смысле широко использовалось в исторической литературе XIX и XX веков¹. Сторонником такой интерпретации понятия «факт» был русский историк А. С. Лаппо-Данилевский. Задача истории, с его точки зрения, — изучение общественных изменений, вызываемых воздействием индивидов на «окружающую среду». Такое воздействие взаимно и обратимо. Вместе с продуктами соответствующих изменений оно и образует исторический факт. Что же, однако, делает этот факт именно историческим? «...Под историческим фактом в его наиболее характерном, специфическом значении, — пишет А. С. Лаппо-Данилевский, — историк преимущественно понимает воздействие индивидуальности на среду»². Под индивидуальностью А. С. Лаппо-Данилевский понимает не только отдельного человека, но и социальную группу, а под «окружающей средой» — культуру в целом, и прежде всего общественное сознание. В то же время он признает и обратное воздействие среды на индивидуаль-

¹ Краткий обзор наиболее распространенных концепций исторического факта см. в кн.: Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.

² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. II. Спб, 1913, с. 321.

ность. Вследствие этого первоначальное определение понятия «факт» утрачивает четкость и превращается в нечто аморфное.

Концепция А. С. Лаппо-Данилевского целиком и полностью идеалистична, а внимательный анализ приводит к выводу, что в его позиции синтезированы методологический индивидуализм Виндельбанда-Риккерта и психологизм Зиммеля. Он эклектически добавляет сюда контовскую ориентацию на выделение эволюционных серий эмпирических фактов как основную задачу исторической науки.

Вместе с тем в данной концепции можно выделить по меньшей мере три заслуживающих внимания момента. Во-первых, фактом он называет определенные взаимодействия индивидов, социальных групп и социальной среды, а не статичные состояния. Рассматривая эту среду как культуру в целом, а не только в качестве духовной культуры, т. е. как единство общественного бытия и сознания в фиксированном интервале времени, можно получить первое определение факта как особого вида социальной деятельности.

Далее, во-вторых, деятельность, понимаемая как факт, должна быть социально значимой: ее последствия приводят к изменению «окружающей среды», т. е. культуры.

Наконец, в-третьих, факты как фрагменты действительности находятся в определенной причинной связи, образующей серии последовательно обуславливающих друг друга событий.

Однако даже с учетом этих моментов позиция А. С. Лаппо-Данилевского оказывается довольно уязвимой.

Если факт— это наиболее важное социально значимое событие, и притом событие, понимаемое как фрагмент исторической действительности, то зачем вообще нужно удвоение терминологии? Не проще ли говорить не о фактах, а об особо значимых событиях, процессах и ситуациях, имевших место в прошлом?

Еще большие возражения вызывают неоднократные утверждения о том, что историк «построляет», т. е. конструирует, создает исторические факты. Если бы Лаппо-Данилевский имел в виду лишь то, что в историческом исследовании реконструируется и восстанавливается недостающая информация о прошлом, такое замечание было бы простым трюизмом, но он имеет в виду нечто боль-

шее. С его точки зрения, историк не только производит отбор и оценку наиболее значимой информации о прошлом, но в ходе научного анализа видоизменяет и преобразовывает ее, создавая знания, которых, быть может, не было в исходных источниках. В этом Лаппо-Данилевский прав, ибо в противном случае просто не было бы исторической науки; ее можно было бы заменить простым чтением первоисточников. Но коль скоро дело обстоит так и незаметно для себя он переходит от онтологического плана интерпретации фактов к плану гносеологическому, то отождествление понятий «исторический факт» и «объективно историческое событие» оказывается недостаточно обоснованным. И если можно понять, что историк «построит» факт как особое знание о прошлом, то совершенно невозможно понять, как он «построит» сами объективно исторические события, особенно если речь идет о событиях далекого прошлого, участником которых он не мог быть.

Тезис, согласно которому исторический факт строится, конструируется историком из некоего специфического сырья — исторических свидетельств, получил в современной западной методологии истории довольно широкое распространение благодаря так называемому историческому конструктивизму. Наиболее полно эта концепция изложена Л. Голдстейном в книге «Историческое знание» (гл. «Исторические факты») ¹.

Голдстейн выделяет реалистический и методологический взгляды на природу исторических фактов. Согласно первому, факты — это реальные события человеческого прошлого; согласно второму, они являются результатами исторического исследования. Поскольку историк имеет дело не с самими событиями, а с критически проанализированными, оцененными и переработанными свидетельствами, то предпочтение отдается второму подходу, сторонники которого интересуются обобщенными и интерпретированными фактами. Так как обобщение и интерпретация — явления познания, а не объективной реальности, то и факты рассматриваются как конструктивные элементы познания.

Не следует, однако, упрощать позицию Голдстейна. Представители первого подхода (он относит к ним Ланглюа и Сеньобоса) грешат тем, что игнорируют творческую роль историка; представители второго (он относит

¹ Goldstein L. J. Historical Knowledge. L., 1976.

к ним Марроу) впадают в ошибку кантианского отрицания объективной действительности, ибо сомневаются в возможности отнесения к ней исторических суждений.

Стремясь избежать этих крайностей, Л. Голдстейн предлагает свой собственный, как ему кажется, оригинальный подход. Отождествляя исторический реализм с онтологическим направлением в теории познания, принимающим факт за фрагмент действительности, а методологический подход — с логическим направлением, сводящим факт к языковым конструкциям типа «Джон знает, что *p*», он обосновывает новое эпистемологическое направление. Согласно Голдстейну, «факт есть нечто, установленное в ходе какого-либо вида интеллектуальной деятельности, в ходе какого-то исследования, принятого с целью установления требований к знанию»¹. При этом под требованиями к знанию понимаются соответствующие логические и эпистемологические критерии, такие, как истинность, доказательность, объективность и т. п. Разумеется, эти критерии, так же как и их реальное содержание, меняются в зависимости от общей эпистемологической и методологической позиции исследователя. Критерии, применимые в естествознании, ведут к реалистической точке зрения и уже в силу этого оказываются, по мнению Голдстейна, неприемлемыми для исторического познания. Резкое противопоставление критериев естествонаучного и исторического познания — характерная черта субъективистской версии исторического конструктивизма. Помимо указанных требований, решающее влияние на содержание факта оказывают методика и техника исследований.

Голдстейн прав, подчеркивая творческую активность историка и целенаправленный характер исторического исследования, а также возможность построения различных знаний на одном и том же эмпирическом материале, в зависимости от различных целевых установок. Однако он совершенно неправ, отказываясь от оценки правомерности самих целей и выбора методологии исследования. Именно здесь проходит водораздел между историческим конструктивизмом и историческим материализмом. Этот водораздел определяется отношением к исторической истине. Завершая рассмотрение генезиса исторического знания, мы специально выделили вопрос об исторической истине и об исторической оценке как центральный для исторической эпистемологии.

¹ Goldstein L. J. Historical Knowledge, p. 83.

Отвергая саму целесообразность критериев объективности и истинности, Голдстейн утверждает: «Критерии истины и объективности, которые подразумевает исторический реализм, оказываются неэффективными при наличии конфликтующих требований к историческому знанию»¹. В признании того, что исторический факт в рамках эпистемологического анализа может рассматриваться как особый тип знаний, конструируемых на основе анализа исторических свидетельств с применением специальной исследовательской техники и критики текстов, нет ничего оригинального. О конструировании или построении таких фактов говорил еще А. С. Лаппо-Данилевский, ошибкой которого было отсутствие четкого разграничения объективных событий, ситуаций и процессов, с одной стороны, и соотносимых с ними и более или менее адекватных эмпирических знаний — фактов — с другой. Вместе с тем он не отрицал значимость критериев объективности и истинности при оценке научного статуса исторических фактов. Коренной недостаток позиции Голдстейна заключается в том, что, отказываясь от этих критериев, он вообще лишает исторический факт статуса научного знания — ведь построение истинного знания, достижение объективной истины есть фундаментальная цель любой науки.

Дело не в том, признаём ли мы конструктивность как принцип построения исторического факта, а в том, является ли этот факт адекватной формой воспроизведения и отражения исторической реальности. Подмеченное Голдстейном обстоятельство, что факты не извлекаются историком из исторических источников в готовом виде, а представляют собой результат интеллектуальной активности, определенной исследовательской процедуры, не меняет существа наших возражений. Не меняет его и то, что факты получают различное осмысление, различную интерпретацию и значение в трудах разных историков. В этом случае, по мнению Голдстейна, построение эмпирического знания определяется не его объективным содержанием, а концептуальной схемой конструирования исторических знаний. Голдстейн не учитывает при этом того обстоятельства, что, по существу, мы имеем здесь дело с полиструктурными системами знаний и значений.

Так, известный из истории крестовых походов эпизод, когда один из крестоносцев во время приема у византий-

¹ Goldstein L. J. Historical Knowledge, p. 89.

ского императора бесцеремонно уселся на его престол, интерпретируется одним исследователем как проявление грубости нравов, рыцарского своеволия и агрессивности, а другим — как проявление корпоративной чести, самоуважения, определенного правового и морального сознания¹. Здесь исторический факт, отражающий объективный эпизод истории, функционирует как элемент двух частично пересекающихся концептуальных структур, что отнюдь не ведет к устранению его истинности. К сожалению, эти принципиальные недостатки исторического конструктивизма не получили соответствующей оценки в нашей исторической и философской литературе. Прошли мимо этой стороны дела и зарубежные критики Голдстайна.

Таким образом, в нашем распоряжении остается второй из трех выявленных смыслов понятия «факт»². Но даже приняв этот смысл, мы еще не достигаем полной однозначности. А. Я. Гуревич, например, полагает, что факт — это особая абстракция, сохраняющая некоторые конкретные черты зафиксированного в ней объекта. Вместе с тем факт выступает у него не как понятие, а как «научно-познавательный образ», т. е. единство абстракции и конкретно-чувственного представления об объекте³. Правильность такого понимания вызывает некоторые сомнения. Не вполне ясно, какова специфика абстракций, выделяющих факт среди других типов знания; что подразумевается под «научно-познавательным образом»; как осуществляется единство абстрактного и чувственного; на каких событиях, ситуациях и процессах строятся факты, выступающие как исторические; наконец, чем отличаются они от наглядно-образных моделей, зафиксированных в чертеже или рисунке. К тому же, излагая свою концепцию, А. Я. Гуревич иногда использует понятие «факт» как синоним понятий «историческое событие» и «процесс», что создает дополнительную не-

¹ Ср.: Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

² Такая интерпретация факта в настоящее время широко распространена среди естествоиспытателей и философов. «...То, что ученые обычно называют фактом, — пишет Э. М. Чудинов, — представляет собой не элемент объективного мира, а определенный вид нашего знания о нем» (Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977, с. 39). С теми или иными уточнениями эта позиция принимается и многими исследователями исторического познания.

³ Гуревич А. Я. Что такое исторический факт. — Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969, с. 32.

ясность¹. Однако он безусловно прав, рассматривая исторический факт как особую абстракцию, фиксирующую определенные черты эмпирического объекта.

Часть отмеченных выше неясностей устраняет определение А. И. Уварова: *«Исторический факт — это такое достоверное знание о событиях и процессах социального прошлого, где чувственное и рациональное знание синтезированы, а общее — обязательно облечено в единичную или особенную формы, знание, которое строго фиксировано по отношению к определенным историческим явлениям и относительно завершено в самом себе»*². В этом определении не только отмечается, что факт есть форма знания, но и выявляются его специфические черты: отнесенность к социальному прошлому, рациональность и, что особенно важно, достоверность и замкнутость. Несколько далее А. И. Уваров, говоря об отличии исторического описания от исторического факта, замечает, что факт, выступая в форме описания, обладает достоверностью, тогда как описание отнюдь не всегда достоверно. Наконец, факт, по существу, есть обобщающее знание, выступающее в форме единичного описания. Факт и описание оказываются тесно связанными: исторический факт всегда выступает в форме описаний, но не всякое описание по своему содержанию является фактом.

Итак, исторический факт есть содержание исторических описаний, позволяющее, с одной стороны, отделять достоверные описания от недостоверных; с другой — эмпирические описания от неэмпирических; наконец, с третьей — исторические описания как действительно значимые для понимания истории от неисторических или псевдоисторических. Однако не всякое достоверное содержание эмпирических описаний является научно обоснованным историческим фактом. В известном смысле сходную ситуацию мы имеем и в естествознании.

Ранее мы уже сталкивались с понятием «факт» при обсуждении процедуры эмпирической проверки закона свободного падения тел. Факт в этом контексте выступает как особое статистическое резюме ряда единичных данных, как простая среднеарифметическая величина. Может ли понятие «факт» в этом же смысле применяться и в историческом познании? Чтобы ответить на

¹ Гуревич А. Я. Что такое исторический факт. — Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы, с. 87.

² Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке, с. 21—22.

этот вопрос, необходимо ввести особое понятие «принципиальная статистическая модель».

Мы постоянно имеем дело с массовыми совокупностями случайных явлений — так называемыми статистическими совокупностями. Это потоки автомобилей в городе, молекулы жидкости или газа, температурные колебания воздуха, миграционные потоки населения и т. д. При изучении таких совокупностей возникают большие трудности. Каждый элемент совокупности включен в столь большое число связей и взаимодействий, что зафиксировать одновременно их все оказывается невозможным. Кроме того, органы человеческого восприятия несовершенны. Вследствие утомляемости, рассеяния внимания и т. д. в наблюдениях за элементами случайных совокупностей возможны неточности и ошибки. Это усугубляется ограниченностью времени наблюдений и техническими помехами. Поэтому описание статистических совокупностей через описание их элементов оказывается неполным. Для преодоления подобных трудностей был создан аппарат математической статистики. Его методологическую основу составляет выдвинутое еще античными мыслителями положение о том, что за текущим, изменчивым, случайным, чувственно данным можно отыскать нечто неизменное, необходимое, всеобщее, а потому и наиболее значимое в познавательном отношении, истинное. Современная статистика располагает арсеналом математически обоснованных расчетных методов, позволяющих на основании переработки единичных эмпирических данных устанавливать так называемые истинные значения массовых случайных явлений и процессов. Статистическое понятие «истинное значение» следует в философском плане истолковывать как количественное приближение к объективной истине.

Статистическое построение знаний о массовых случайных процессах требует четкого различения единичных данных и построенных на их базе эмпирических фактов¹. Условия наблюдения (если речь идет о научно организованном наблюдении), количество собираемых

¹ Логико-методологическая сторона этого дела в самом общем виде была рассмотрена в статье: *Ракитов А. И.* Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении эмпирических знаний (в сб.: *Проблемы логики науки.* М., 1964), а также в ряде последующих работ. Однако в них не затрагивалось историческое познание и логическая проблематика исследовалась на материале естественных наук.

данных, а также способ их числового описания — все это заранее задается теорией измерения. Она указывает, каким способом осуществляется сопоставление множества единичных данных с системой рациональных чисел. По существу, все шкалы или измерительные приборы с вмонтированными шкалами есть не что иное, как реализация определенных правил или законов соответствующей теории измерения.

Построение статистических знаний, связанное с установлением таких понятий, как арифметическое среднее, математическое ожидание, дисперсия, квадратичное отклонение, коэффициент корреляции или коэффициент регрессии и т. д., предполагает двойное опосредствование. Оно регулируется теорией математической статистики и строгой научной теорией или общетеоретическим знанием. Знание, возникающее в результате переработки единичных данных в этой структуре, и является фактом в точном смысле этого слова. Следует отметить, что по форме своего выражения (через индивидуальные или частичные описания) факт не всегда отличается от единичных данных. Именно поэтому определение его познавательного статуса требует указания на способ построения.

Можно возразить, что такая интерпретация факта вряд ли применима к историческому познанию, ибо здесь мы сталкиваемся с уникальной познавательной ситуацией, в которой невозможно воспроизвести события прошлого, а следовательно, и условия их многократного наблюдения. Это возражение основано на двух недоразумениях. Первое из них порождено неправильным представлением о чувственном восприятии единичного как о целостном, неразложимом и моментальном акте. Современная психологическая теория восприятия, а также математическая теория распознавания образов показали, что всякое чувственное восприятие, независимо от того, знает это субъект или нет, представляет собой не моментальный акт, а процесс фиксации некоторого множества объектов и их состояний в определенном интервале времени. Такое восприятие подчиняется неосознанным статистическим закономерностям.

Другое недоразумение устраняется самими историками. Индивидуальное историческое событие, независимо от того, как оно воспринимается в психологическом плане участниками и наблюдателями, почти всегда в процессе исследования реконструируется путем фикса-

ции многочисленных связей и взаимодействий как массовый статистический феномен. А. Я. Гуревич в упомянутой ранее статье обращает внимание на то, что такой, казалось бы, простой, неразложимый, единичный акт, как переход Цезаря через Рубикон, представляет собой в действительности сложное историческое событие, разлагающееся на тысячи других подсобытий и связанное с огромным количеством различных побочных обстоятельств¹. Именно в силу этого оно и может быть описано, осмыслено и интерпретировано как исторический факт.

Несмотря на это, остается в силе возражение, что подавляющее большинство фигурирующих в исторической науке фактов не являются, по крайней мере по форме, статистическими и в них не усматриваются никакие числовые характеристики и оценки.

Для того чтобы уяснить особенности исторического факта, воспользуемся понятием принципиальной модели, которая, хотя и не всегда дает знание о всех деталях исследовательских процедур и операций, играет важную познавательную роль в качестве регулирующей исходной (принципиальной) методологической установки, влияющей на организацию процесса познания.

Исторический факт в известном смысле сам может выступать как принципиальная статистическая модель. В этом и заключается его глубокое отличие от единичных данных, фиксирующих отдельный акт или деталь в форме единичного впечатления, сохраненного историческими свидетельствами. Даже тогда, когда факт выступает в форме единичного описания (вспомним пример с переходом Рубикона Цезарем), он может быть интерпретирован как сложная система деятельности, включающей в себя множество отдельных актов и необходимых для их понимания деталей ландшафта, бытовых деталей, отдельных черт внешности и характеров действующих персонажей и т. п. В том случае, когда эти детали и подробности историк неизвестны и соответствующие данные в исторических свидетельствах отсутствуют или утеряны, факт, с одной стороны, выступает как некое реконструирующее их знание, а с другой — как методологическая установка, указывающая, какого именно рода историческая информация утеряна.

¹ См.: Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы, с. 84.

2. Эпистемологическая типология исторических фактов

Исторический факт, как было показано, отличается от непосредственных описаний единичных исторических данных. Чтобы проследить глубже это различие, необходимо рассмотреть две основных типологии исторических фактов. Первая — эпистемологическая — выявляет тип отражаемых ситуаций, событий или процессов. Вторая — методологическая (в узком смысле) — разграничивает факты на типы по способу их построения.

Говоря об эпистемологической типологии, следует в первую очередь выделить так называемые *экзистенциальные* факты. Их назначение — ответить на вопрос, существовало ли то или иное событие, ситуация, процесс, отдельное историческое лицо и т. п. Логической формой подобных фактов являются высказывания следующего вида: «*А* существовало»; «Существовало *А*, но не *В*», «В обществе *А* существовал процесс *В*, тогда как в обществе *С* процесс *В* не существовал» и т. п. Однако явная констатация существования, выполняемая с помощью соответствующей терминологии, не обязательна; к числу указанных фактов могут относиться и знания, зафиксированные в высказываниях такого вида: «В эпоху *Х* происходил процесс *А*» и т. п. От высказываний об этих фактах, отражающих объективно-историческую реальность, следует отличать метаисторические высказывания, относящиеся не к объектам исторического знания, а к объектам исследования, скажем, к историческим или археологическим источникам. Их с известными оговорками также можно считать фактами, но не историческими, а источниковедческими или фактами вспомогательных исторических наук.

Типичной формой экзистенциальных фактов такого рода могут быть высказывания: «Знание о событии *А* находится в источниках *В*, *С* и т. д.»; «Источник *А* является поддельным; не существует подлинных источников, свидетельствующих о таких-то и таких-то событиях» и т. п. Такие экзистенциальные факты, не будучи фактами, относящимися к самой исторической реальности, тесно связаны с ними и играют часто решающую роль при определении степени достоверности и надежности соответствующей информации о прошлом.

От экзистенциальных фактов следует отличать факты *квалификационные*. Их назначение — отвечать не на

вопрос, существовало ли то или иное явление, но на вопрос, что именно существовало, чем был, какими свойствами обладал тот или иной исторический феномен. Типичным примером могут служить высказывания о принадлежности данного общества к определенной формации, к той или иной форме власти (к военной демократии, выборной или наследственной монархии, олигархии и т. п.). Квалификационным является факт, рассматриваемый С. Б. Веселовским¹, согласно которому «тысячники» не были прообразом или зародышем опричнины, поскольку перед тысячниками и опричниками ставились различные задачи. Опричнина была антиподом земщины, своего рода личной гвардией Ивана Грозного, силой, противостоявшей традиционному государственному устройству, не подчинявшейся законам государства и традиционной нравственности. Тысячники же представляли собой часть этого традиционного государственного аппарата и использовались для решения обычных управленческих задач.

Квалификационные факты, в свою очередь, делятся на *феноменологические*, являющиеся эмпирической формой, фиксирующей чувственно воспринимаемую сторону событий и процессов, и *эссенциальные*, фиксирующие то, что в философском плане обычно называется сущностью. Например, полное описание Куликовской битвы, ее подготовительных стадий и всех ее последствий представляет собой исторический факт, рассматриваемый с феноменологической стороны. Утверждение же, что «Куликовская битва явилась поворотным пунктом в истории борьбы русского народа против татаро-монгольских завоевателей», следует рассматривать как эссенциальный факт, ибо оно фиксирует некоторую сущность событий. Эссенциальный факт не является простым обобщением непосредственных данных, содержащихся в источниках, не фиксирует чувственно воспринимаемой стороны исторического процесса. Как и всякое высказывание о сущности, он есть результат сложного анализа, включающего оценку, отнесение к определенным социальным ценностям и процедуру конструирования знаний о сущности и знаний о явлении.

Особый тип исторических фактов, подчас трудно отделимый от экзистенциальных и квалификационных

¹ См.: Веселовский С. Б. Реформа 1550 г. и так называемая Тысячная книга.— Исследования по истории опричнины. М., 1963.

фактов, образуют *количественные*, или *квантитативные*, факты. Хотя по внешней форме они распознаются относительно легко, так как содержат количественную информацию, тип отражаемой в них реальности не всегда распознается однозначно. Формой квантитативных фактов является высказывание вида: «В событии A участвовало столько-то человек»; «Цены на такой-то товар за период с t_1 по t_2 в данной стране возросли на n процентов»; «Ведение такой-то войны обошлось такому-то государству в такую-то сумму» и т. д. Зачастую квантитативные факты предполагают утверждения, фиксирующие те события, ситуации и процессы, которым даются количественные оценки. Поэтому жесткое разграничение фактов трех рассмотренных типов возможно лишь при очень большом упрощении и наличии точно зафиксированных абстрагирующих процедур.

Перечисленные типы исторических фактов сами по себе не являются исключительной принадлежностью исторического знания; они становятся историческими лишь при определенных условиях, важнейшими из которых являются временная и пространственная локализация и включение всех рассматриваемых фактов в определенные последовательностные и социально-пространственные связи. Поэтому специфически историческими типами фактов следует считать *темпоральные* и *локографические*¹. Темпоральные факты могут быть разделены на два подтипа, один из которых выражает соотношение событий с некоторой хронологической системой, со шкалой времени, а другой отражает последовательность событий или длительность процессов. Высказывания, фиксирующие подобные факты, имеют вид: «Событие A произошло в момент t_1 », «Событие B произошло в момент t_2 » (первый подтип); «Событие A произошло раньше, чем B », « B произошло после A , но перед C », « B произошло одновременно с D или в близких вре-

¹ Термин «локографический факт», конечно же, несколько тяжеловесен. Однако прилагательные «локальный» или «пространственный» несут в себе не относящиеся к делу семантические элементы. Первый предполагает некоторую ограниченность, значимость лишь в данном месте, тогда как второй подчеркивает отнесенность к абстрактному геометрическому пространству. Поэтому эпитет «локографический», предлагаемый для выделения фактов, относящихся к историческим событиям, имевшим место в определенной стране, городе и т. п., можно, на наш взгляд, рассматривать как паллиатив, пока не будет предложено более удачное слово.

менных интервалах», «Процесс A происходил в интервале от t_1 до t_2 » и т. д. (второй подтип).

Высказывания, выражающие локографические факты, обычно имеют форму: «Событие x произошло в пункте A »; «Процесс x , начавшись в пункте A , перебрался в пункт B и вскоре охватил всю область D ». Нередко такие высказывания имеют форму, которую можно назвать смешанной, поскольку в них одновременно присутствуют темпоральные, локографические, экзистенциальные, квалификационные и количественные моменты. В такого рода сложных описаниях одновременно присутствуют факты (и гипотезы о фактах) нескольких типов и даже элементы более сложных образований, поднимающихся над уровнем фактов и относящихся к теоретическим знаниям.

Наконец, последний тип фактов, который уже проглядывает в только что приведенном примере,— это *актомотивационные* факты. Они представляют главный интерес для историка, и прежде всего для историка, придерживающегося марксистского понимания истории как целенаправленной, а следовательно, и мотивированной деятельности людей. Иногда актомотивационные факты отождествляют с особым видом исторических знаний, точнее, с особой разновидностью исторических объяснений, так называемым рациональным объяснением. Поскольку анализ этого вида объяснений содержится в следующей части, ограничимся кратким пояснением.

Деятельность исторических персонажей, социальных групп, неформальных и институционализированных организаций всегда мотивирована. Если историк, ориентированный на Р. Коллингвуда, может в общем стремиться лишь к эмпирическому выявлению мотивов, рассматривая сами действия лишь как маскирующие обстоятельства, а историк, принадлежащий к направлению, связанному с именем Л. Ранке, крайне осторожно относится к абстрагированию мотивов от действия, концентрируя свои усилия на описании «того, что было», т. е. системы эмпирически фиксируемых действий, то историк-марксист, опирающийся на методологию материалистической диалектики, стремится выявить факты, фиксирующие диалектическое двуединство действия и мотивов, непосредственно устанавливаемое процедурой исследования источников. Примером этого рода может служить установление С. Б. Веселовским своего рода

единства или, если угодно, тесного параллелизма действий и намерений Грозного в период создания опричнины, а также в период ее ликвидации. При этом С. Б. Веселовский тщательно разграничивает документально установленные факты от так называемых гетерогенных следствий (и соответствующих им фактов), возникающих как следствие фактов первого рода. Разумеется, здесь нелегко провести грань между причинным анализом как формой теоретического знания и актомотивационным фактом как формой эмпирического знания. И тем не менее сделать это не только возможно, но и необходимо.

Приведем выдержку из трудов С. Б. Веселовского, который не только четко обозначает проблематику актомотивационных фактов и очерчивает их связь с источниками, лежащими в их основе, и с охватывающими их теоретическими конструкциями, но и перекидывает мост к проблемам методологической типологии фактов. Касаясь вопроса о мотивах деятельности Ивана Грозного, он пишет: «Порочность умозаключения на основании *post hoc, ergo propter hoc* (после этого, значит, вследствие этого.— *Ред.*) всем известна, и тем не менее историки очень часто грешат в этом отношении. Ведь для того чтобы правильно установить причинную связь явлений и событий, необходимо предварительно установить факты и верно оценить их значение. А это как раз и является для исследователя искомым. Иными словами, историк попадает в положение человека, который старается понять и объяснить одно неизвестное при помощи другого неизвестного. А нередко бывает еще хуже: историк, не установив факты, их последовательность и причинную связь, сочиняет от себя последствия, по этим вымышленным последствиям высказывается о предшествующем и приписывает историческим деятелям такие намерения и замыслы, которые, наверное, никогда не приходили им в голову»¹.

Разумеется, придумывание несуществующих связей, намерений или последствий не является сознательной целью ни одного серьезного ученого, и в том числе историка. Если это все же случается, то потому, что ни в одной науке, включая историческую, ни в один момент времени мы не располагаем знанием всех фактов и свя-

¹ Веселовский С. Б. Отзывы о Грозном его современников.— Исследования по истории опричнины, с. 39—40.

зей и вынуждены так или иначе восполнять существующий пробел. Этому, в частности, служит конструирование теорий и теоретических знаний. Именно здесь и возникает важная задача: разграничить актомотивационные факты от рациональных объяснений. Критерий, разграничивающий эмпирически установленные исторические факты от объяснений, опирающихся на ряд теоретических и вообще внеэмпирических посылок, заключается в следующем. Все элементы содержания актомотивационного факта должны быть обоснованы историческими источниками, тогда как рациональные объяснения не только допускают утверждения, не опирающиеся на такие источники, но как раз и предпринимаются из-за отсутствия в источниках полного набора сведений.

Естественно, возникает вопрос: что же гарантирует эмпирическую природу исторических фактов? За этим вопросом скрывается известное противоречие. Оно состоит в том, что исторические факты в отличие от единичных исторических данных устанавливаются ради определенных познавательных целей, а следовательно, с учетом соответствующих теоретических установок. Но, с другой стороны, эти факты служат для проверки самих установок и должны быть в определенном смысле независимы от них. Это противоречие нельзя устранить, но его можно осознать и переосмыслить в рамках исторической эпистемологии, в силу чего оно диалектически превращается из препятствия в стимул исторического познания.

Сущность осознания указанного противоречия заключается в точном типологическом разграничении способов установления исторических фактов.

Этот процесс не имеет ничего общего с концепцией исторического конструктивизма, поскольку процедура формирования эмпирических знаний, выступающих в качестве фактов исторической науки, не является произвольной и ее продукты не могут рассматриваться как простой результат свободного воображения творческого субъекта. Исторические факты, как и процессы их установления, всегда подчиняются следующим ограничениям:

1. Они должны отвечать критериям объективной истинности; их уточнение осуществляется как последовательное приближение к объективности, т. е. к исторической реальности.

2. Поскольку каждый элемент исторической реально-

сти (индивид, событие, ситуация, процесс) может одновременно или последовательно включаться в разные отношения, то одни и те же фиксирующие их данные источников могут отражаться в различных исторических фактах. Однако эти факты должны иметь объективное содержание, независимое от целевых установок исследователей.

3. При оценке достоверности и социально-исторической значимости исторических фактов, допускающих различные интерпретации, решающую роль играет их согласие с системой бесспорных критически проверенных и отражающих объективную реальность данных.

Эти ограничения вплотную подводят нас к методологической типологии исторических фактов.

3. Методологическая типология исторических фактов

Простейший вариант методологической типологии состоит в выделении четырех типов установления исторических фактов:

1) через отождествление с единичными данными; этот прием обычно называется типизацией, или выделением типического;

2) на основе процедур сравнения единичных данных, их критики, оценки и выделения реального содержания противоречащих или не совпадающих свидетельств (аналитический факт);

3) путем фиксации общего и достоверного в познавательных ситуациях, связанных с наличием внутренних и внешних описаний в системе источников (конфигуративный факт);

4) путем применения к единичным данным методов статистики (статистический факт).

Отождествление единичных данных, содержащихся в исторических источниках, с историческими фактами чрезвычайно распространено и поэтому кажется простым и естественным. Благодаря привычке такой прием превращается в само собой разумеющийся стандарт, что маскирует содержащуюся здесь эпистемологическую проблему. Условием подобного отождествления является познавательная ситуация, в которой историк располагает единственным свидетельством (прямым или косвенным) об отдельном событии или процессе. Невозможность сопоставить это свидетельство с другими, а также его особая

значимость для решения определенной исследовательской задачи поднимают содержащуюся в нем информацию на уровень факта, т. е. эмпирического знания о прошлом, отвечающего требованиям соответствующих методологических принципов, критериям рациональности и достоверности. Строго говоря, этот прием оказывается вынужденным, но в исторических исследованиях, в отличие от исследований естественнонаучных, он встречается на каждом шагу, что является одной из методологических причин возникновения идиографической концепции исторического знания.

Историк, исследуя раннее средневековье и рассматривая процесс переселения народов в период упадка Римско-Византийской империи и формирования первых феодальных государств, вынужден принимать свидетельства, содержащиеся в знаменитом труде Иордана «О происхождении и деянии гетов» (готов) в качестве исторических фактов, поскольку труд его прямого предшественника Кассиодора и работы других историков, а также соответствующие документы были либо сознательно уничтожены, либо утеряны. Труд Иордана, использовавшего эти работы, стал для нас по ряду вопросов единственным источником истории готов. Разумеется, его свидетельства не принимаются историками на веру¹. Лишь после тщательного «взвешивания» каждого сообщения, реконструкции биографии и мировоззрения автора, филологического анализа и историко-географической критики всех данных наиболее важные из них с учетом их места в последующих событиях европейской истории оцениваются и поднимаются до уровня исторического факта².

По существу, возведение единичного свидетельства в ранг исторического факта через процедуру критики источников и оценки значимости зафиксированного в свидетельстве события или процесса — это не просто идентификация первого со вторым, но сложная процедура, включающая систему абстракций («абстракция от позднейшей истории, абстракция от того активного влияния,

¹ В меру своей образованности, исторической эрудиции и определенного мировоззрения Иордан и сам осуществлял некоторый отбор и критическую оценку данных: «...мы больше верны прочитанному, чем старушечьим рассказам» (*Иордан. О происхождении и деянии гетов. М., 1960, с. 72*).

² См. вступительную статью Е. Ч. Скржинской «Иордан и его *Getica*» к указанному изданию.

которое предшествующая история оказывает на последующую»¹). Такого рода абстракции либо совсем чужды естествознанию, либо очень редки и встречаются лишь в отдельных дисциплинах, например в эволюционной биологии.

Таким образом, типизация как способ построения исторического факта представляет собой сложную процедуру, включающую особые приемы абстрагирования и установление определенного места соответствующих единиц информации в системе исторических знаний.

Аналитические факты являются плодом относительно высокой профессиональной культуры. Их объективная предпосылка — наличие взаимоисключающих свидетельств и мнений об одном и том же историческом феномене. Познавательную ситуацию, приводящую к построению аналитических фактов, хорошо иллюстрирует следующая восточная сказка.

Ловкий вор похищал все, что ему нравилось, у жителей большого города. Мудрый султан, правивший городом, распорядился поставить в центре открытой площади мешок с золотом, расположив вокруг плотным кольцом бдительных стражников. «Схватить мешок и унести его почти невозможно. Даже если вор сделает попытку, а затем убежит, стражники либо догонят, либо разглядают, а затем опознают его», — рассуждал султан. Прослышав об этом, вор купил коня, покрасил правую его сторону в черный, а левую — в белый цвет. Он вырядился в шутовской кафтан, одна половина которого была красная, а другая синяя, замотал лицо платком и, промчавшись по площади на полном скаку, схватил мешок с золотом и исчез. Растерянные, перепуганные стражники доложили об этом султану по-разному. «Он был на черном скакуне в красном кафтане», — сказали стоявшие справа. «Он был на белом скакуне, в синем кафтане», — заявили стоявшие слева. Нечего и говорить, что установление истинного факта требовало от султана не простого выбора или предпочтения взаимоисключающих версий, а сложной мыслительной процедуры.

В реальных исторических исследованиях познавательные ситуации, приводящие к установлению аналитических фактов, разумеется, сложнее, чем в наивной и яркой восточной сказке. Однако они характеризуются

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 48.

теми же специфическими чертами: наличием альтернативных данных и неполнотой или недостоверностью свидетельств, содержащихся в исторических источниках. Данное обстоятельство и заставляет историков отказываться от приема типизации, состоящего в отождествлении некоторых единичных описаний с объективным историческим фактом. Вместо этого имеет место анализ различных источников, и в конечном счете факт предстает в форме исторического описания, более или менее существенно отличающегося от описаний, содержащихся в источниках. Таковы, например, факты, касающиеся происхождения, воспитания и образования Бориса Годунова, восстановленные и приведенные Р. Г. Скрынниковым¹.

Чаще всего аналитические по способу построения факты являются актомотивационными по своей эпистемологической сущности.

Для понимания третьего типа исторических фактов необходимо одно терминологическое пояснение.

В геометрии приходится встречаться с задачами, решение которых состоит в отыскании по имеющимся проекциям исходного геометрического феномена. Его иногда называют конфигуратором. Применительно к конфигурационным историческим фактам это совершенно внешняя терминологическая аналогия. Тем не менее некоторое имеющееся здесь отдаленное сходство все же облегчает понимание процедуры воссоздания конфигурационных фактов исторического познания. При этом в качестве «проекций» выступают так называемые внешние и внутренние описания.

Понятия внутреннего и внешнего описания предложены В. Н. Топоровым в статье «О космологических источниках раннеисторических описаний»². Хотя полных определений этих понятий здесь не дается, из контекста следует, что под внутренними подразумеваются описания, сделанные участниками данного события или процесса, а под внешними — описания, сделанные сторонними наблюдателями. К числу внешних могут быть отнесены как описания прямых «внешних» наблюдателей, так и свидетельства, основанные на косвенной информации, полученной из вторых или третьих рук. Общим условием, позволяющим сопоставлять внутренние и внешние описания, является то, что они относятся к одному и тому же

¹ См.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978.

² См.: Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. VI. Тарту, 1973.

событию, ситуации или процессу и сделаны в рамках одного и того же интервала времени.

От простых альтернативных описаний, лежащих в основе аналитических фактов, внутренние и внешние описания отличаются тем, что в первом случае все свидетельства даны, так сказать, «внешними наблюдателями», а во втором — по крайней мере часть свидетельств принадлежит непосредственным участникам исторических событий и процессов.

При этом внутренние и внешние описания не просто информируют о различных деталях, но часто бывают сделаны с совершенно различных психологических, социально-групповых и идеологических позиций. Поэтому здесь требуется не формальный, а конкретный содержательный подход к каждой исторической «проекции» описываемого события или процесса. К сожалению, историки не всегда располагают достаточно полными внутренними описаниями, а тем более достоверными, заслуживающими внимания. Поэтому даже в том случае, когда подобные свидетельства попадают в историю, приходится сопоставлять их с внешними свидетельствами и лишь на основе критического анализа восстанавливать объективное содержание исследуемых исторических явлений. Соответствующее этому содержанию историческое знание и выступает как конфигуративный факт. По характеру отражаемых связей и отношений подобные факты чаще всего являются актомотивационными. Их особая познавательная ценность состоит в том, что с их помощью удастся как бы заглянуть в подлинную психологию, в мотивационную сферу исторических персонажей и групп, а не только реконструировать эти важнейшие стороны человеческой деятельности на основании внешних описаний отдельных действий.

В качестве простейшей иллюстрации конфигуративного факта сошлемся на описание битвы при Арколе, сделанное самим Наполеоном (внутреннее описание), Стендалем (внешнее описание) и советскими учеными Е. В. Тарле и А. З. Манфредом¹. Отдельные элементы содержания во всех этих описаниях пересекаются, но лишь в двух последних мы имеем дело с конфигуративными фактами, причем сам «масштаб» этих фактов не-

¹ См.: *Наполеон*. Избр. произв. М., 1941, т. 1, с. 115—118, 351; *Стендаль*. Жизнь Наполеона. Собр. соч. М., 1959, т. 11, с. 344—345; *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971, с. 150—151; *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1957, с. 42.

сколько меняется в зависимости от их места в общем исследовательском контексте и соответствующих теоретических и методологических установок.

Отмеченное обстоятельство имеет прямое отношение к важной проблеме — инвариантности факта по отношению к другим формам знания внутри данной системы. В философии и методологии естественных наук вопрос об инвариантности (точнее сказать, о независимости) факта по отношению к теоретическим знаниям и другим компонентам науки возник в связи с обсуждением куновской концепции научных парадигм¹. Т. Кун, в частности, утверждал, что теории, развиваемые в рамках различных парадигм, предполагают различные факты и поэтому несопоставимы и некумулятивны, необъединимы. Возражая против этой точки зрения, Г. Фейгель обратил внимание на то, что эмпирические факты инвариантны различным теориям, относящимся к одному и тому же объекту. Однако ни Фейгель, ни другие критики Куна не затрагивали специально этой проблемы применительно к общественным и особенно историческим наукам.

Инвариантность исторических фактов по отношению к теоретическим знаниям в сфере исторического познания была отмечена А. И. Уваровым². С ним можно согласиться, однако с тем существенным дополнением, что следует постоянно иметь в виду не только инвариантность фактов по отношению к теоретическому знанию, но и инвариантность исторических фактов по отношению к исходным внутренним и внешним описаниям, фиксирующим единичные эмпирические данные. Это особенно отчетливо заметно при рассмотрении структуры конфигуративных фактов.

Четвертый тип фактов — статистические факты в собственном смысле слова. От статистических фактов естествознания они отличаются благодаря следующим обстоятельствам:

1. В естествознании исходный подлежащий обработке эмпирический материал может быть пополнен новыми данными за счет повторных экспериментов и наблюдений; размеры выборки из генеральной совокупности могут быть не только оценены, но и изменены в полном согласии со статистической теорией. В исторических исследованиях исходный материал есть нечто данное, не под-

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

² См.: Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.

лежащее изменению. Чем дальше в глубь веков, тем меньше количество достоверных источников¹, тем менее надежны статистические факты.

2. Количественные данные, встречающиеся в исторических источниках (хозяйственные документы, фискальные ведомости, отчеты, юридические документы, переписка), как правило, создаются в определенных целях, не имеющих отношения к целям исторического исследования. Эти данные собираются, классифицируются и обрабатываются не по тем программам и не теми методами, которыми воспользовались бы историки, если бы они были современниками событий, отраженных в соответствующих документах. Составители таких документов нередко сознательно искажали некоторые сведения, числовые данные и т. д. Напротив, непосредственные эмпирические данные, получаемые в естественнонаучных экспериментах, не содержат преднамеренных искажений и собираются с помощью методов и программ, заранее разработанных исследователями.

3. Исторические явления, отражаемые в статистических фактах, существенно сложнее естественнонаучных, поскольку на них оказывает влияние гораздо большее число самых различных факторов, не поддающихся экспериментальному изучению. Поэтому качественный анализ социальных параметров, подлежащих статистическому измерению, намного сложнее и часто не получает адекватного отражения в наличном статистическом аппарате².

Что касается отличия собственно статистических фактов от принципиальной статистической модели, то существо дела заключается в следующем. Исторический факт, к какому бы эпистемологическому типу он ни относился, имеет дело с совокупностями более или менее случайных единичных фиксаций тех или иных событий, ситуаций или процессов. Это относится не только к самим историческим свидетельствам, сделанным разными людьми в разных условиях и отражающим разные ракур-

¹ Не известно ни одной подлинной русской рукописи ранее XI в. От второй половины XI в. сохранилось всего семь подлинных рукописей, от XII в. — восемь, от XIII в. — двадцать. По мере приближения к нашему времени число письменных источников неуклонно растет, и тем самым возрастает объем исторической информации, поддающейся статистической обработке (см.: *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения, с. 38—39).

² См.: *Хвостова К. В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

сы феномена. Говоря о сложности «траектории», по которой к нам поступает информация о прошлом, можно метафорически уподобить ее перископу, зеркала которого могут быть повреждены, не всегда правильно «подогнаны» и т. д. Луч прошлого, идущий по такому перископу, не только доходит к историку тогда, когда соответствующий объект давно исчез, но и подвергается влиянию ряда случайных факторов. Принципиальная статистическая модель не предлагает расчетных математических методов для устранения и сглаживания подобных случайностей, но подчеркивает само их наличие в статистической совокупности, лежащей в основе эмпирических исторических знаний. Напротив, статистические факты устанавливаются в результате применения аппарата математической статистики к исходным историческим данным.

За последние полтора столетия, в значительной мере под влиянием исследований К. Маркса и Ф. Энгельса, интерес к историко-статистическим исследованиям неуклонно возрастал. В частности, довольно широкое признание они получили в дореволюционной России, что зафиксировано в соответствующей историко-методологической литературе¹. Начиная с 50-х годов нашего столетия развитие ЭВМ содействовало дальнейшему распространению и углублению историко-статистических исследований, что и послужило основой для выделения всей совокупности математических (преимущественно статистических) методов исторического исследования в особую дисциплину — *клиометрию*.

Для установления статистических фактов современная историческая наука использует хорошо разработанный аппарат математической статистики, включая корреляционный метод, регрессионный и дисперсный анализ, вычисления различных индексов связи, факторно-матричный анализ и т. п.² При этом статистические формулы могут в отдельных случаях играть роль моделей изучаемого процесса.

Так, известно, что на протяжении XIX века в России происходил с некоторыми колебаниями рост цен на

¹ См., например: *Кауфман А. А.* К вопросу о статистическом методе в историко-экономических исследованиях. — Научный исторический журнал, 1913, № 1, с. 10—39; *Любович Н. Н.* Статистический метод в приложении к истории. Варшава, 1901.

² См.: *Миронов Б. Н., Степанов З. В.* Историк и математика. Л., 1975.

хлеб. Качественный анализ позволил выделить пять основных факторов, влиявших на рост цен, и ввести их в структуру специальной математической формулы. Каждый из этих факторов был статистически взвешен и оценен. Использование данной формулы в качестве модели процесса движения цен позволило достаточно точно определить влияние на него каждого выделенного фактора.

Другим примером статистического факта может быть основанное на статистической обработке эмпирических данных утверждение о том, что решающим фактором участия молодежи в революционном движении 70-х годов прошлого века в России было образование, а не возраст, религиозность, национальность или социальное происхождение. Статистический аппарат, примененный для установления этого факта, позволяет довольно точно выявить влияние каждого фактора и его связь с другими.

Статистические факты, относящиеся к однотипным социально-экономическим явлениям, позволяют иногда сопоставлять, казалось бы, несопоставимые исторические эпохи, культуры и народы. В структуре естественнонаучного познания статистические факты могут выступать как основа эмпирического контроля и проверки гипотез (процедуры верификации и фальсификации), а также служить основанием для теоретических обобщений. Эти функции присущи им и в структуре исторического познания, однако выражены не столь отчетливо и определено. Мы еще вернемся к проблеме статистических фактов в главе 8 в связи с рассмотрением места математики в историческом познании.

Резюмируя содержание этого и предыдущего параграфов, следует подчеркнуть, что разграничение эпистемологической и методологической типологии фактов приобретает смысл лишь в рамках системно-структурного подхода. Подобно тому как в самой исторической реальности отдельные события, ситуации и процессы оказываются одновременно элементами различных социальных, экономических, политических, правовых, религиозных и культурно-бытовых отношений, так и в системе отражающего их исторического познания они оказываются зафиксированными в фактах, относящихся к различным пересекающимся или дополняющим друг друга структурам исторического знания. Лишь в рамках эпистемологических абстракций мы различаем типы фактов, их методологическую и эпистемологическую номенклатуру. В живом историческом исследовании такое разгра-

ничество становится необходимым лишь в особых конфликтных познавательных ситуациях, возникающих как симптом определенных познавательных затруднений. Обращение к соответствующей типологии и уяснение глубокой диалектической связи между конструктивностью и объективной истинностью исторических фактов — первый шаг к пониманию объективной полиструктурности исторического знания уже на его исходном эмпирическом уровне. Еще отчетливее она обнаруживается на более высоких уровнях иерархической системы исторического знания.

4. Факт в структуре исторического познания

Факт, безотносительно к тому, идет ли речь о естественнонаучном или историческом познании, представляет собой, как и всякая единица знаний, некоторую систему. В своей непосредственной чувственно воспринимаемой форме, т. е. как описание, он выступает в виде знаковой конструкции, т. е. в качестве подсистемы знаковой системы языка. С точки зрения своей коммуникативной функции, т. е. как средство хранения и передачи определенной информации, он включается в систему взаимодействия людей и может выполнять роль стимула социальной активности, ее ограничителя и т. п. Наконец, в эпистемологическом аспекте он включается в систему разноуровневых знаний, компонентами которой оказываются единичные эмпирические данные, проблемы, методы и теоретические знания. Между этими компонентами существуют различные отношения, а следовательно, имеются и различные структуры, реализующие внутренние и внешние связи между системами. Для исторических фактов, особым образом отражающих развивающуюся историческую реальность, специфичны двояким образом обусловленные структуры. С одной стороны, они фиксируют динамику объекта, с другой — образуют стабильные (в фиксированном временном интервале) подструктуры развивающегося исторического познания. Это создает особую сложность в понимании и интерпретации исторического факта.

Уже А. С. Лаппо-Данилевский подчеркивал не только включенность фактов в систему описаний социальных действий и отношений, но и то, что именно этой включенностью, особым местом в последовательности обуславливающих друг друга событий объясняется значимость и историчность фактов. Однако, отождествляя факты с

действительными событиями и определяя значимость событий лишь по их вкладу в духовную эволюцию общества и исторических личностей, он не рассматривал эпистемологическую сторону вопроса. За последние годы именно эта проблематика выдвигается на первый план в трудах по методологии исторического познания. В данной связи заслуживает критического рассмотрения позиция Е. Топольского.

Понимание Топольским факта основано на признании параллелизма и даже изоморфности исторических и историографических фактов. К первым он относит события объективного прошлого, ко вторым — соответствующие им познавательные конструкции. В качестве средства, позволяющего преодолеть противоречивость и даже известную противоположность знаний и соответствующей им реальности, он вводит понятие диалектического факта. Такой факт выступает не как фиксация единичного изолированного события, выхваченного из множества связей и процессов, но как сложная реконструкция связей данного события с другими, всех определяющих его факторов и ситуаций, в свою очередь, определяемых им. Таким образом, исторический факт приобретает смысл и значение лишь в общей структуре исторического познания.

С этой точки зрения ранение отдельного солдата в одном из сражений второй мировой войны есть исторический факт; но и вся эта война также рассматривается как факт более высокого уровня. Первый факт оказывается структурным элементом второго. Ранение солдата — простой факт, война — сложный. Сами понятия простого и сложного факта определяются в структуре познаваемых событий, ибо простой в одном отношении факт может оказаться в другом отношении, в другом исследовательском ракурсе сложным. Что именно выделяется в качестве онтологического (исторического) и гносеологического (историографического) факта, зависит от целей исследования.

В рамках каждого отдельного исследования факт выступает как некоторая эмпирическая целостность, как динамическая система, в конечном счете совпадающая с предметом исторического познания. Вот как формулирует эту мысль Е. Топольский: «Таким образом, мы пришли к очень широкой трактовке исторического факта, охватывающей всю историческую действительность в ее статике и динамике. Исторический факт в такой интерпретации является эквивалентом предмета исторического

исследования, а в виде так называемого историографического факта — попыткой реконструкции этого предмета. Однако этот предмет — не сумма фактов, как это неоднократно воспринималось, но очень сложная макросистема, состоящая из меньших систем и постоянно меняющихся и развивающихся во всей своей сложности и неисчислимых взаимосвязях, согласно законам диалектики, элементов. Только в таком контексте понятие исторического факта имеет право на существование в методологии истории»¹.

Верно, что понятие факта может быть правильно истолковано и оправдано лишь в рамках системного подхода, а именно как структурный компонент или элемент определенной системы. Однако категорическое утверждение, что только одна-единственная концепция факта имеет право на существование в методологии истории, представляется сомнительным и вызывает ряд возражений.

Первое возражение касается понятия «всей исторической действительности в ее статике и динамике». Если исторический факт — синоним такой действительности, то историографический факт как отражение этой действительности просто невозможен. По мере удаления в прошлое количество археологических и исторических источников, несущих соответствующую информацию о действительности, уменьшается, а не возрастает. Уже только поэтому (вспомним «принцип перископа») наше знание об историческом прошлом оказывается состоящим из ряда относительных истин. Разумеется, они могут уточняться, пополняться новыми сведениями, степень их адекватности может повышаться, но полное изоморфное отражение любого сложного объекта, а тем более исторической действительности — дело невероятно трудное, а иногда и просто недостижимое, если иметь в виду эмпирический уровень.

Как известно, даже самая совершенная теория, не говоря уже об эмпирических фактах, не дает всеобъемлющего знания обо всей действительности. Еще в большей степени это относится к историографическим фактам.

Второе возражение касается понимания факта как эквивалента предмета истории. Если «исторический факт» лишь вербальный дубликат «предмета истории», то такое терминологическое удвоение излишне и от одного из этих понятий можно спокойно отказаться, заменив, например, первое вторым. Это сразу же приводит к неве-

¹ *Topolski J. Metodologia historii*, S. 205.

роятным осложнениям. Допустим, что ранение солдата (пример самого Топольского) — простой факт по сравнению со всей войной. Значит ли это, что данный эпизод есть «простой предмет истории», а вторая мировая война в целом — «сложный предмет»? Более того, Топольский не проводит разграничения между единичными данными и фактами, между внутренними и внешними описаниями и т. д. Относительно простой факт — ранение солдата — может оказаться сложным при особом рассмотрении. Такие эпизоды, как, например, рытье окопа, танковая атака, приказ командира, серия собственных поступков и т. д., являются элементами, входящими в данный факт, и, следовательно, предмет истории превращается в гигантское и необъятное, не поддающееся никакому анализу скопление событий, эпизодов, эпизодиков и фактиков, недоступных в конечном счете рациональной историографической реконструкции. Это подводит нас к третьему возражению.

В. И. Ленин, говоря о диалектике познания и подчеркивая, что мышление не является зеркальным отражением действительности, обращал внимание на сложность познавательных процессов. Однако эта сложность несопоставима со сложностью объекта и возникает в результате ряда опосредствующих упрощений.

Рассуждая в рамках системного подхода, можно было бы сказать, что вопрос об отражении объективной действительности есть вопрос об отражении некоторого системного целого A , т. е. объекта, в системе знаний B (субъект отражения). При этом смысл системного подхода заключается в том, чтобы осуществить ряд последовательных упрощений с помощью определенных рациональных процедур, допускающих построение относительно более простой системы знаний, включающей в себя фундаментальные факты, модели, законы и познавательные правила. Эта более простая система всегда содержит конечное (хотя и достаточно большое) число связей, подобранных таким образом, чтобы, с одной стороны, они воспроизводили наиболее существенные связи сложного объекта, а с другой стороны, допускали обратный переход, позволяющий манипулировать со сложным объектом или замещающей его моделью. Именно последнее обстоятельство и заставляет разграничивать в структуре исторического познания описания, фиксирующие единичные данные, от описаний, выражающих факты, и от теоретических знаний, которые также иногда реализуются в описа-

ниях, но не являются результатами эмпирического познания.

Таким образом, остается в силе вопрос о том, как и зачем устанавливаются факты в структуре исторического знания. Вторая половина этого вопроса получает относительно простой ответ, одинаково верный для различных систем знания. Любая наука включает в свой состав в качестве центрального компонента теоретические знания или строгие теории. Исследовательская и предметно-практическая деятельность, опирающаяся на науку, может быть успешно реализована лишь при условии, что теоретические знания и теории применимы к соответствующему фрагменту действительности. Для этого они должны опираться на опосредствующее эмпирическое знание. Единичные данные здесь не годятся, так как содержащаяся в них информация не удовлетворяет научным критериям надежности. Эмпирический факт устанавливается для апробации теоретических знаний и теорий и применения их к исследуемым системам. Он устанавливается в соответствии с особыми правилами и критериями, диктуемыми теоретическими структурами науки¹.

Как справедливо отмечает А. И. Уваров, факт является формой рационального знания. Здесь обнаруживается новый ракурс старой философской проблемы соотношения эмпирического и рационального знания.

Согласно традиционной постановке вопроса, рациональное знание противопоставлялось эмпирическому, а соответствующие методологические установки, реализованные в форме философского рационализма и эмпиризма, выступали как конфликтующие эпистемологические программы. При этом из поля зрения исследователей часто ускользало то, что эмпирические факты как форма знания вполне рациональны, ибо они воссоздаются посредством рациональных процедур для достижения вполне рациональных целей на основе вполне рациональных

¹ При наличии некоторых общих критериев для различных социальных и естественных наук имеются и специфические, присущие каждой науке критерии и ограничения. Исторические факты рассматриваются, например, как необратимые последовательности в историческом времени; каждый факт фиксирует как субъективные (сознательные, волевые) моменты, так и объективные. Физические же факты предполагают в большинстве случаев абстрагирование от временной необратимости (физический эксперимент может объективно повторяться с высокой степенью точности) и не имеют дела с субъективными характеристиками физических объектов.

теоретических знаний. Эмпирические факты науки оказываются тем самым включенными в двустороннюю детерминацию. С одной стороны, они обусловлены содержанием единичных данных, непосредственных актов наблюдений, зафиксированных в системах внутренних и внешних описаний. С другой стороны, содержание фактов и процедура их формирования определяются принципами, целями, допущениями и правилами, находящимися в «сфере влияния» теоретического знания.

Эмпирические структуры исторического познания включают в себя знания, весьма разнородные по содержанию и методам получения. Поэтому довольно трудно четко разграничить непосредственные эмпирические данные и опосредствованные эмпирические знания — факты. Но коль скоро исторические факты прочно установлены и четко зафиксированы в структуре исторического знания, их познавательный статус и методологический фундамент оказываются вполне определенными. Ответ на вопрос о том, являются ли историографическими фактами знания о ранении отдельного солдата или о войне в целом, зависит не от определения простоты или сложности этих фактов, а от того, в каком теоретическом контексте они фигурируют, решению каких исследовательских задач они служат.

В контексте всемирной истории фактом, и притом фактом всемирно-исторической значимости, является вторая мировая война, а ее важнейшим градиентом — Великая Отечественная война советского народа. Однако теорию и теоретическую концепцию можно построить для самых различных объектов. Теорию исторического процесса можно строить в различных временных и пространственных интервалах. Если возникает необходимость построить теорию для элемента более общей системы, то сам такой элемент может быть представлен как системный объект. Историк может поставить задачу исследовать формирование и боевую деятельность отдельной воинской части. В этом контексте может оказаться фактом ранение отдельного солдата, поскольку оно выражает некоторые общие свойства определенных событий и ситуаций.

Обратив внимание на то, что понятие исторического факта обретает смысл лишь в связи с теоретическим знанием, А. И. Уваров несколько преувеличил связь факта с теоретическим знанием, полагая, что факты входят в структуру теории. Однако бесспорно правильна сама

мысль о том, что исторический факт как эпистемологическая категория может быть изучен лишь в структуре исторического познания как целого, как системы, один полюс которой образуют непосредственные эмпирические данные, а другой — теоретические знания. Вне этой системы проблема исторического факта лишается смысла.

5. Исторический факт, образ и описание

Когда шла речь о различных определениях исторического факта, приводились слова А. Я. Гуревича о том, что факт есть научно-познавательный образ. Факт рассматривается им одновременно и как абстракция, фиксирующая существенные черты объекта, и как конкретное знание, т. е. как единство этих двух противоположностей. Но простое соединение противоположностей еще не образует их подлинного единства. В самом деле, как абстракция, т. е. понятие, может быть в то же время образом? Эпитет «научно-познавательный», прибавленный к термину «образ», не устраняет вопроса. Вместе с тем в определении А. Я. Гуревича зафиксирована одна из наиболее распространенных точек зрения, согласно которой исторические факты всегда выступают в форме образов, точнее — образных описаний. И так как всякий образ есть некоторое подобие, некоторая копия объекта, вызывающая сходные чувственные впечатления у воспринимающего субъекта, то в таком образе часто усматривают специфику исторических фактов в отличие от эмпирических фактов естественных наук. В этом же многие философы и историки видят основание для отождествления исторического познания с искусством или, по крайней мере, с художественной литературой.

С момента своего возникновения в рамках европейской традиции профессиональное историческое познание запечатлело в себе следы различных влияний, аккумуляировало познавательные и выразительные средства, уже сложившиеся в системе мифологии, эпоса, поэзии, драматургии и повествовательной литературы. В «Истории» Геродота наряду с историческим повествованием о деяниях прошлого мы находим и своего рода новеллы. Возникновение исторического интереса и включение его в качестве самостоятельного компонента в культурно-ценностную систему какого-либо народа создает широкую аудиторию, усваивающую историческое повествование. Это с самого начала заставляет профессионального исто-

рика заботиться не только о содержании своего труда, но и о форме его подачи, о литературно-художественной занимательности и даже развлекательности. Известно, что в средневековых замках чтение исторических повествований было одним из любимых развлечений, а историческая образованность считалась неотъемлемым элементом «духовного оснащения» профессиональных политических деятелей не только в греко-римскую, но и в средневековую эпоху.

Естественно, что представление о занимательности, образности и поучительности исторического повествования прочно укоренилось не только в сознании широкой аудитории, но и в сознании создателей исторических трудов.

Редко кто предъявлял подобные требования к трудам по математике, физике и астрономии, хотя великие естествоиспытатели нередко оставляли подлинные шедевры изящества. Но эстетика и образность точных наук доступны и понятны немногим, и к тому же подавляющее большинство профессиональных работ написано сухим языком формул и фактов, не обращенных к воображению и чувству, а рассчитанных лишь на логическое, рациональное усвоение. Если здесь и идет речь об эстетике, красоте или образности, то лишь в смысле совершенства, простоты и лаконичности математического аппарата, точности и безупречности доказательств, строгой адекватности эмпирических процедур и фактов.

В сфере исторического познания проблема образности до сих пор продолжает занимать одно из почетных мест. Но мы коснемся лишь ее эпистемологической стороны. Существуют две противоположные точки зрения по вопросу об эстетическом понимании истории и эстетических характеристиках исторического знания.

Одна из них, восходящая к традициям Ренессанса и буржуазного Просвещения XVIII века, рассматривает профессиональное историческое познание как особого рода литературно-художественный жанр, а повествовательный дар считает неотъемлемой чертой историка. У французских историков периода Реставрации и их преемников изысканность литературных форм достигает особого блеска.

Фихте делил историю на априорную (схематическую) и апостериорную (эмпирическую). «...История,— писал он,— есть чистая эмпирия, она должна давать только факты, и все ее доказательства могут быть построены

только фактически»¹. Фихте зафиксировал, таким образом, реальное противоречие между абстрактным историческим и конкретным историографическим пониманием истории.

Философия истории Гегеля была первой попыткой преодоления этого противоречия на основе подчинения эмпирического познания истории абстрактному философскому схематизму. Тем самым и проблема художественно-образного изложения эмпирической истории оказалась снятой и растворенной в общей эстетике истории. Эстетическое в истории (а без эстетики сама история, полагал Гегель, не может быть понята) выступает не как форма чувственности, а как мера, степень реализации абсолютного духа в развитии общества. Здесь нет места различению эстетического в объективной исторической реальности и в историческом познании.

Вторая точка зрения провозглашает несовместимость истории и эстетики. Пожалуй, полнее и радикальнее других сформулировал ее К. Ясперс. Приведем небольшой отрывок из его книги «Истоки истории и ее цель». «Чисто эстетическое отношение к истории преодолевается. Если в бесконечных данных исторического знания все представляется достойным воспоминания по одному тому, что оно было в незатронутости, которую только бытие устанавливает в ее бесконечности, тогда подобная неспособность произвести выбор ведет к эстетическому отношению, для которого все так или иначе может служить стимулом возбуждения и удовлетворения любопытства: одно прекрасно, но и другое тоже. Этот ни к чему не обязывающий — будь то научный, будь то эстетический — историзм ведет к тому, что можно руководствоваться чем угодно, и, поскольку все становится равнозначным, уже ничто не имеет значения. Однако историческая действительность не нейтральна. Наше подлинное отношение к истории — это борьба с ней. История непосредственно касается нас; все то, что в ней нас касается, все время расширяется. А все то, что касается нас, тем самым составляет проблему настоящего для человека. История становится для нас тем в большей степени проблемой настоящего, чем менее она служит предметом эстетического наслаждения»².

Различие указанных точек зрения — прямое следст-

¹ Фихте. Основные черты современной эпохи. Спб., 1906, с. 122.

² Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, S. 331.

вис не только философских позиций, но, главным образом, глубоких различий в понимании эстетики и истории. Для Гегеля история как реализация самопознания духа завершается достижением свободы в рамках правового государства, поскольку дух становится самодостаточным и довольствуется «игрой с самим собой». Историзм Гегеля обращен в прошлое. Для Ясперса история — реализация прежде всего культурной деятельности людей. Она начинается с появления «осевого времени», проходит дивергенцию и распад культурного единства и вновь подводит к созданию утопического общечеловеческого единства, возникающего вследствие общекультурного духовного синтеза. Такой синтез может быть достигнут лишь через преодоление тяжкого наследия истории, а потому путь к единству есть борьба с историей.

Для Гегеля эстетическое в истории есть атрибут духовности. Его философия истории — онтологическая, а не эпистемологическая концепция. Напротив, Ясперс под эстетическим отношением к истории понимает выбор и фиксацию знаний о любых эпизодах, возбуждающих эмоции, тогда как истинное, с его точки зрения, отношение заключается в научном исследовании лишь тех механизмов, которые позволяют устранить разобщенность, искоренить зло, добиться единства, а следовательно, преодолеть историю.

Не касаясь философских оснований, способствующих появлению столь различных концепций, укажем лишь на то, что они просто и естественно преодолеваются в рамках исторической эпистемологии и эстетики, исходящих из материалистического понимания истории.

Исходным пунктом для понимания всей проблемы является четкое разграничение эстетики истории и эстетики историографического повествования. В первом случае речь идет об объективном феномене — развитии целенаправленной человеческой деятельности. В ходе предметно-практического освоения мира, в производственной, политической, культурной и бытовой деятельности, в преодолении стихийных (природных) и социальных препятствий человек утверждает себя как действующее, мыслящее и волящее существо, и это образует сущность широко понимаемого эстетического в самой истории¹.

¹ См.: Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974, с. 48.

Эстетический момент в историческом познании отличается от эстетического в объективной истории, как отражение от отражаемого; вместе с тем он отличается и от эстетического в искусстве, даже (и, быть может, прежде всего) в том случае, когда объектом искусства является сама объективная история, ее сюжеты, ее персонажи, ее подлинные драматические коллизии, ее объективные трагедии и фарс. Представители буржуазной историософии, полагающие, что художественный, образный момент есть неотъемлемая черта исторического познания, считают, что историк вынужден восполнять пробелы информации силой художественного воображения. Однако восполнение подобных «пробелов» имеет место и в других науках, при этом отношение ученого-историка и художника, обращающегося к историческому сюжету, существенно противоположно: «Историк близок писателю не тогда, когда недостаток материала заставляет его пускать в ход свое воображение, как раз в этих случаях вдумчивый историк крайне осторожен в своих утверждениях и предположениях. Он «конкурирует» с писателем лишь там, где обилие достоверного материала дает возможность нарисовать яркую картину действительности»¹.

Образы, встречающиеся в исторических описаниях, не являются специфической характеристикой исторического знания. Можно выделить три уровня подобных образов: 1) образные элементы в описании единичных данных; 2) образная формулировка эмпирических построений, т. е. исторические факты; 3) образные элементы в структуре теоретического знания.

По мере продвижения профессионального исторического познания по пути превращения в научное знание в нем все отчетливее происходит внутренняя дифференциация. Возникают специализированные отрасли: экономическая история, политическая история, военная история, история различных сфер культурной деятельности и т. д. Сложность построения взаимосвязанных теоретических и эмпирических знаний, отвечающих определенным критериям научности, отодвигает во всех этих дисциплинах проблему образности на второй план. Разумеется, образное изложение более доступно массовому читателю и производит определенное эмоциональное впечатление. Но поскольку цель любой науки, в том

¹ Гулыга А. В. Эстетика истории, с. 44.

числе исторической,— истина, то собственно проблема образа и литературного совершенства играет здесь вспомогательную роль. При этом специфическая профессиональная эстетика исторического исследования не только не исчезает, но приобретает особую значимость. В научно-историческом исследовании существует особая эстетика рационального мышления, которая отнюдь не идентична эстетике художественно-литературного мышления.

Несомненно, образность присуща историческому познанию гораздо в большей степени, чем другим формам научного познания, занимает в нем особое место и несет очень важную познавательную нагрузку, но не является его исключительной привилегией. Она подлежит изучению, но отнюдь не абсолютизации. Эстетика может включать в свой предмет как историю, так и историческое познание, но от этого они не становятся искусством; эпистемология может исследовать познавательные ситуации и процессы в искусстве, но от этого оно не превращается в науку.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Формы научного познания, в которых сформировались и заняли центральное место строгие теории, могут быть изучены формальными и содержательными методами. Сам язык таких дисциплин, как физика, химия, кибернетика и т. д., частично или полностью математизирован и может быть смоделирован в тех или иных формальных исчислениях. Поэтому точные математические методы фигурируют здесь дважды: первый раз — когда с их помощью строится знание об объекте науки; второй — когда они используются для построения знаний о самой науке.

В большинстве общественных наук дело обстоит иначе. Хотя процесс их математизации развивается довольно быстро, они за редким исключением (математическая экономика, математическая лингвистика) пользуются математикой лишь как вспомогательным средством для решения некоторых важных, но все же «подсобных» задач. Немецкий буржуазный философ О. Шпенглер патетически восклицал: «Философия, следуя знаменитому выражению Галилея в «Saggiatore», в великой книге природы... записана на языке математики. Но мы все еще до сегодняшнего дня ждем ответа философа, на каком языке написана история и как ее надлежит читать»¹. Думается, что Шпенглер излишне драматизировал ситуацию. Тем не менее в его словах зафиксирована, хотя и несколько в гротескной форме, реальная познавательная ситуация.

Язык исторического познания — это язык естественный, язык повседневного общения. Он обладает всеми достоинствами и недостатками естественных языков. К первым принадлежат яркость, образность, выразитель-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. М.— Пг., 1923, т. 1, с. 6.

ность; ко вторым — терминологическая многозначность и концептуальная неоднородность. Именно эти недостатки крайне затрудняют формализацию языков исторического исследования и их логико-методологический анализ. Важным шагом, необходимым для преодоления этой ситуации, является содержательный эпистемологический анализ процесса концептуализации, т. е. процесса построения основных структур теоретического знания в системе исторической науки. Теоретическое познание истории дает богатую пищу для концептуального анализа. Важнейшие из его задач — исследование основных методологических принципов теоретического познания прошлого, исторического времени, законов исторического развития и их основных познавательных функций. Обсуждению данных задач и посвящены главы этой части.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИСТОРИЗМ

1. Теоретические схемы и концептуализация

Даже в самых развитых формах современной науки строгие теории никогда не существуют «в чистом виде». Напротив, они как бы окружены особым слоем, своеобразной «питательной средой», образуемой отдельными гипотезами, абстракциями, фрагментами различных моделей, представлений, методологических установок и т. п., короче говоря, тем, что составляет теоретические знания, не включенные в строгие логические структуры. Именно из резервуара этих знаний часто возникают некие устойчивые образования, которые можно называть концептуальными схемами и которые служат интеллектуальными предпосылками, заготовками или потенциальными матрицами для будущих теорий.

Все известные нам дедуктивные науки прошли в своей исторической эволюции стадию, когда такие схемы являлись основной формой теоретического знания. Достаточно вспомнить историю восточной (египетской, вавилонской, индийской) рецептурной математики вплоть до возникновения дедуктивной математики античной Греции, историю древней астрономии до Гиппарха и Птолемея, физику до галилеевского периода, химию до XIX века, чтобы убедиться в справедливости этого утверждения. Но и там, где строгие теории играют центральную роль, концептуальные схемы сохраняют свое значение и как самостоятельная форма знания, и как стадия конструирования теорий. Для многих же естественных и общественных наук они и по сей день остаются преобладающей формой теоретического знания.

Исследование того, как возникают концептуальные схемы, и выяснение их функций составляет важную задачу теории научного познания. Одним из первых вопросов о способах построения таких схем и об их роли в становлении, развитии и функционировании строгих науч-

ных теорий исследовал советский философ В. С. Степин¹.

Дедуктивное развертывание строгой теории предполагает наличие множества исходных высказываний (аксиом или постулатов), описывающих данную предметную область, а также наличие строго фиксированных правил логики. Такое развертывание теории осуществляется начиная с некоторого момента без обращения к исследуемой системе и продолжается до тех пор, пока не возникает необходимость эмпирической проверки или практического применения данной теории.

Напротив, конструктивно-генетический метод связан с постоянным обращением к особым объектам. Построение теоретических знаний осуществляется при этом путем оперирования с данными объектами, в ходе которого выявляются их особые свойства и отношения, подлежащие фиксации в теории. Тем самым совершается развитие и оформление теории.

Объекты, с которыми оперируют при этом, являются абстрактными объектами, а связи, установленные между ними и исследуемые с их помощью, реализуются в особых устойчивых структурах, которые В. С. Степин называет теоретическими схемами. В таких науках, как физика, характер абстрактных объектов задается особыми постулатами. В других случаях способ задания абстрактных объектов требует особого рассмотрения. Нередко предъявляемые к ним требования определяются смежными дисциплинами, той или иной социальной философией и общими методологическими установками.

Теоретические схемы, объединяющие абстрактные объекты того или иного типа, могут рассматриваться как частный вид модели. Они используются как для теоретической интерпретации дедуктивных теорий, если такие уже существуют, так и в качестве оснований или базиса для их построения, коль скоро такие теории лишь подлежат созданию.

По степени общности теоретические схемы подразделяются на фундаментальные и частные. Это различие задается типом включенных в них абстрактных объектов. При этом В. С. Степин рассматривает преимущественно один аспект взаимосвязи таких схем — сведение фундаментальных теоретических схем к частным. Это объясняется методологическими традициями и специфи-

¹ См.: Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976.

ческими проблемами философии физики. Для эпистемологического анализа исторического познания важна и обратная процедура — конструктивное выведение обобщающих фундаментальных схем из более частных. Причем фундаментальные схемы (и это нужно подчеркнуть со всей определенностью) не следует путать ни со строгими теориями, ни с так называемыми эмпирическими схемами или эмпирическими интерпретациями. Последние, по существу, говорят о системах наблюдений и экспериментов, необходимых для эмпирической проверки теории и соотнесения ее с соответствующими исследовательскими процедурами и операциями.

Выделение теоретических схем в качестве особого типа научных знаний и делает оправданным введение понятия теоретического знания, как охватывающего целый ряд познавательных феноменов, к числу которых относятся теории, теоретические схемы, гипотезы и т. п. «При анализе отношений между теоретическими знаниями и исследуемой действительностью важно учитывать факт существования двух уровней организации теоретических знаний. Один из них образует развитая теория. Но кроме нее можно выделить слой теоретических знаний, представленный частными теоретическими схемами»¹.

Процесс конструирования теоретических схем и развитых теорий предполагает концептуализацию, правильное понимание которой требует дополнительных разъяснений.

Абстракции как особые знаковые конструкции, фиксирующие и отражающие наиболее существенные связи, свойства и отношения в исследуемой системе, играют в познании двоякую роль. Уяснить это не совсем просто. Понимание различных функций абстракций затрудняется тем, что некоторые из них вводятся первоначально из чисто теоретических соображений еще до того, как обнаружены соответствующие объективные явления. В физике примером этого могут служить позитроны, кварки и т. п., введенные из чисто теоретических соображений (т. е. как решения уравнений, получившие физическую интерпретацию) для достижения полноты или строгости соответствующего построения. Это иногда порождает субъективистские иллюзии полной творческой свободы теоретического мышления.

¹ *Степин В. С. Становление научной теории, с. 56.*

Первая функциональная роль абстракций в построении теоретических схем состоит в том, что они выступают как элементы моделирующей системы. Например, абстракции «число», «функция» могут быть элементами математических систем, являющихся моделями объективных ситуаций и процессов.

Вторая роль абстракций состоит в том, что они выступают как понятия об абстракциях первого рода (абстрактных объектах и абстрактных связях), входящих в состав соответствующей теоретической схемы или модели.

Поясним эти различия примерами.

Числа 5 и 7 могут быть элементами арифметики целых чисел, и над ними можно осуществлять операцию сложения. Результат суммирования этих чисел есть новое число 12. Здесь 5, 7 и 12 — абстрактные математические объекты. Понятия «пять», «семь» и «двенадцать» — также абстракции, но они не являются объектами или элементами арифметики. Понятие «двенадцать» нельзя представить как арифметическую сумму понятий «пять» и «семь». Число 12 можно поделить на два, ибо оно является четным. Понятие «двенадцать» не является четным и не делится на два.

Разграничение функциональной роли абстракций позволяет различать два типа схем: теоретические схемы, являющиеся абстрактными заместителями реальных системных объектов, и концептуальные схемы, описывающие схемы первого типа. Критерий разграничения этих схем таков. Образующими теоретических схем являются абстракции, моделирующие и замещающие реальные внезнаковые объекты. Образующими концептуальных схем являются абстракции, моделирующие и описывающие абстракции первого типа. *Процесс построения теоретических и концептуальных схем разной степени общности мы будем называть концептуализацией.* Анализ концептуальных схем — одна из важных задач теории научного познания, связанная с определением проблематики, процедур, а следовательно, и результатов научного исследования.

Полемизируя с С. Ф. Платоновым, отвергавшим принцип исторического психологизма и призывавшим к описанию исторического процесса лишь в самой общей абстрактной форме, С. Б. Веселовский предупреждал против обеих этих крайностей, подчеркивая связь исходных абстракций с логикой исследования и эмпирическим ма-

териалом. «Опыт и наблюдение показывают,— писал он,— что оперирование в исторических исследованиях такими отвлеченными понятиями, как класс, социальные слои, процесс, явление и т. п., предъявляет к историку требования очень высокие как с точки зрения количества материалов и предварительной их критики, так и в отношении выправки логической мысли»¹. То, что С. Б. Веселовский называл «выправкой логической мысли», есть, по существу, определенная концептуальная схема, которая задает определенный ориентир для сбора и обработки эмпирического материала.

Значение концептуальных и теоретических схем хорошо заметно при сравнении исторических работ, посвященных исследованию одной и той же проблемы или сходных исторических проблем. Так, сопоставляя относительно небольшие книги Е. А. Соловьева и Р. Г. Скрынникова, посвященные жизни и деятельности Ивана Грозного², легко заметить, что, несмотря на инвариантность основных исторических фактов, не только их подбор, но и освещение фигуры Грозного, его историческая оценка, определение места этого монарха в русской истории довольно сильно отличаются у названных авторов. Дело здесь не столько в степени их личной одаренности, в методике и технике исследования, сколько в исходных концептуальных схемах. Если для первого автора основные ориентиры задаются моральными и психологическими понятиями и схемами поведения, то для второго — социально-экономическими категориями, понятиями социальных классов, групп и их взаимодействием. Подобных примеров можно привести много.

Разумеется, дело не в одном только различии теоретических и концептуальных схем. Новые исторические результаты чаще всего возникают в связи с открытием и использованием новых источников. Но и сам их поиск, и их интерпретация во многом зависят от теоретических и концептуальных схем. Р. Ю. Виппер, анализируя исследования по системе землепользования в средневековой Германии, выполненные одним немецким историком, подчеркивал, что конечные выводы (хотя сам автор этого и не замечал) были во многом предопределены выбором исходной теоретической схемы.

¹ Веселовский С. Б. Разрыв царя Ивана со своими советниками.— Исследования по истории опричнины, с. 97.

² Соловьев Е. А. Жизнь и деятельность Ивана Грозного. М., 1893; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Процесс концептуализации в историческом исследовании обладает рядом специфических черт, отражающих особенности изучаемого объекта. Историческая концептуализация в каждом отдельном случае оказывается корректной и эффективной лишь при условии, что она опирается на принцип методологического историзма и на соответствующую концепцию исторического времени, ибо все исторические процессы есть процессы временные. Поэтому дальнейший анализ требует рассмотрения принципа историзма и исторической концептуализации самого времени.

2. Методологический аспект принципа историзма с точки зрения исторического материализма

В качестве исходного пункта для рассмотрения принципа историзма воспользуемся формулировками, принадлежащими советским исследователям И. С. Кону и В. Ж. Келле. Первый из них в статье «Историзм», помещенной в Советской исторической энциклопедии, пишет: «Историзм — принцип научного мышления, рассматривающий все явления как развивающиеся на основе определенных объективных закономерностей»¹. Говоря о «всех явлениях», И. С. Кон, по существу, формулирует принцип историзма как принцип диалектического мышления вообще, ибо ничего специфически исторического в признании всеобщего развития не содержится.

Устранить указанный недостаток пытается В. Ж. Келле: «Суть этого принципа может быть выражена лаконично и просто: он требует вскрывать диалектику реальных исторических процессов, т. е. рассматривать любое явление в жизни общества не как данное, неизменное, но в его конкретных исторических взаимосвязях, с точки зрения его генезиса в прошлом и тенденций развития в будущем»². Разумеется, требование конкретности рассмотрения, учета всех связей, возникновения и становления исторических явлений — необходимый признак принципа историзма. Но что же собственно «исторического» содержится в этой лаконичной формулировке? Почему, сформулированный таким образом, этот принцип может играть роль методологической установки исторического исследования, коль скоро он рассчитан на анализ любого

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 6, с. 454.

² Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972, с. 5.

явления? Если присмотреться строже, то мы имеем здесь дело с моделью развития в общем виде, позволяющей распространять закономерности возникновения и усложнения любых явлений на некоторое неопределенное будущее. А ведь следует не только доказать и обосновать возможность такой экстраполяции, но и показать механизм и границы ее применимости.

Методологическая версия принципа историзма в европейской философии и науке Нового времени прошла четыре стадии. Первая, механистическая или натуралистическая, восходит к картезианскому рационализму. Декарт, признавая развитие в природе, по существу, игнорировал развитие общества и не распространял на него методы научного познания. Более поздние рационалисты, пытаясь исправить этот изъян его методологии, стали рассматривать развитие общества как частный вариант развития природы, т. е. натуралистически. Общество понималось как особый механизм или агрегат, а методы его исследования должны были получаться из методов естествознания путем внесения некоторых изменений, учитывающих специфику объекта. Именно к этому времени относится идея «одинаковости», «общности» или «сходства» развития в природе и обществе.

Вторая стадия связана с развитием немецкой классической философии. Наиболее полную разработку в рамках идеалистической диалектики принцип историзма получил в трудах Гегеля. В его понимании историзм сводится:

к противопоставлению общества как развивающегося исторического феномена природе как системе изменяющейся, но не развивающейся и уже по одному этому не исторической;

к определению историчности как особой формы или стадии развития духа, а именно — духа народов, реализующегося в последовательной смене осознающих себя обществ и соответствующих им культур;

к признанию закономерного и необратимого характера истории, в которой повторение осуществляется лишь частично, в форме витков спирали;

к признанию начала и конца истории, а следовательно, к пониманию истории как одного из таких этапов в развитии человечества, которому предшествовала доисторическая стадия и за которым будет следовать постисторическая стадия, стадия свободы, самодостаточности духа, его полного слияния с собой;

к признанию того, что личности, как и вообще исторические подробности, интересны и подлежат исследованию лишь как носители и проявление духа истории, ее закономерности.

В этой форме историзм выступал как общеполитический мировоззренческий принцип, как методологическая установка в широком смысле¹.

Третья стадия формирования методологической версии принципа историзма связана с развитием буржуазной историографии начала и середины XIX века (школа Ранке, немецкая историография середины XIX века, французские историки эпохи Реставрации). Поскольку историзм разрабатывался как рабочий принцип историка-исследователя, то в нем в противоположность гегелевскому варианту преобладает не спекулятивная, а эмпирическая окраска. Для этой стадии характерны следующие установки:

историческое исследование должно быть эмпирическим, а следовательно, целиком опираться на достоверные источники; цель истории — рассказывать, что и как было;

достоверность источников и всей полученной из них информации гарантируется системой специальных методов, разрабатываемых вспомогательными историческими дисциплинами;

историческое повествование должно быть максимально полным, описывающим все засвидетельствованные в источниках ситуации, события и процессы;

главная цель исторической реконструкции — восстановить цели и намерения исторических персонажей, а поэтому центральной фигурой исследования являются личности.

Две группы элементов, характеризующие вторую и третью стадии, по-разному соединяемые в единую систему, где на первый план выдвигаются то одни, то другие, образуют различные версии принципа историзма в буржуазной мысли. Все они, идет ли речь о классическом

¹ Любопытно, что Э. Трёльч считал гегелевскую концепцию эмпирической. Он сравнивал видимую форму философии истории Гегеля с вершинами горного хребта, освещенными солнцем (т. е. духом), в то время как основание всего края (т. е. эмпирическая база), уходящее в толщу земной коры, остается неосвещенным, а потому и невидимым. Эта мысль Трёльча заслуживает серьезного критического анализа (*Troeltsch E. Gesammelte Schriften III. Der Historismus und seine Probleme. Erstes Buch. Tübingen, 1922, S. 253—254, 257*).

позитивизме, неокантианстве, релятивизме, феноменологии или экзистенциализме, оказываются по ту сторону водораздела, отделяющего их от диалектико-материалистического понимания принципа историзма.

Четвертая стадия формирования принципа историзма как методологической (в широком смысле) установки, определяющей общую форму организации, целей и направления исследований, осуществляется в рамках философской концепции исторического материализма. Критически переработав предшествующие «формулы» историзма, весьма разнообразные по своему происхождению и ограниченные горизонтами буржуазного мировоззрения, исторический материализм обобщил и синтезировал все ценное на основе единого диалектического метода. Основные пункты современной научной формулировки принципа историзма сводятся к следующему.

1. Объектом исторической науки является история, понимаемая как прошлое развитие человечества. Это развитие подчиняется особым объективным законам.

2. Развитие общества отличается от развития природы. Природа развивается по своим собственным законам независимо от воли, сознания и целей человека. Историческое развитие есть прежде всего развитие целенаправленной деятельности людей и, следовательно, включает в себя на всех уровнях и этапах сознание. Оно выступает в форме воли, эмоций, осознанных или интуитивных целей и является важным фактором истории.

3. Все формы, виды и проявления сознания в конечном счете определяются общественным бытием людей. Сознание, будучи детерминировано бытием, оказывает на него обратное активное воздействие. В определенных условиях общественное сознание и реализующие его институты могут обретать относительную самостоятельность; прямое сведение общественного сознания к бытию невозможно и ошибочно.

4. Эмпирическую базу исторического познания составляют факты, построенные на основании научного критического исследования исторических и археологических источников. Принцип историзма требует выявления и описания максимально полного набора фактов, необходимых для решения каждой конкретной исторической задачи. В. И. Ленин говорил о необходимости «брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне за-

конное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»¹.

5. События, ситуации и процессы объективной исторической реальности причинно обусловлены.

6. События, ситуации и процессы объективной исторической реальности функционально связаны.

7. Все исторические события, ситуации и процессы различаются по степени их значимости, по вкладу в историческое развитие. Критерий значимости задается определением того, содействует, препятствует или остается нейтральным данное явление по отношению к фиксированным в конкретном исследовании социальным, экономическим, политическим и культурным структурам, к процессу их развития.

8. Возникновение, развитие и исчезновение исторических явлений происходит в объективном времени и пространстве. Процесс исторического развития совершается диалектически в специфически исторической форме, т. е. через столкновение и борьбу противодействующих социальных сил — классов, групп и т. д. Теоретическое познание истории, опираясь на факты, воспроизводит, отражает, реконструирует и объясняет причинные и функциональные связи, действующие в обществе, имея целью создание концептуальных схем и формулирование научных законов истории.

Сфера приложения принципа историзма не ограничивается лишь профессиональным историческим познанием; он находит применение во всех социальных науках и конкретных исследованиях, связанных в той или иной мере с познанием общества. В структуре же собственно исторического познания он выполняет роль своего рода стержня, объединяющего всю систему, пронизывающего все ее подсистемы от эмпирических фактов до концептуальных, теоретических схем. Именно этим определяется его эпистемологическая значимость. Принцип историзма в том виде, как он только что изложен, целиком ориентирован на анализ и познание человеческого общества. Из этого отнюдь не следует, что момент историчности отсутствует в неорганической, а тем более в органической природе. Обе эти формы материального мира находятся

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

в состоянии постоянного развития. Однако история общества и история природы, подчиняясь общим диалектическим законам развития, качественно различны. Это глубокое качественное различие и должен зафиксировать и определить принцип историзма как особый методологический постулат, включенный в общую структуру материалистической диалектики.

В приведенной формулировке этого принципа отсутствуют черты экстраполяционной модели, непосредственно перекидывающей «мостик» от исторического прошлого к будущему. Такой «пробел» не случаен. Человечество всегда стремилось заглянуть в будущее, предвидеть его. Одним из способов такого «заглядывания» и является экстраполяция — применительно к истории простое продолжение тенденций и схем предшествующего развития в будущее. При этом то обстоятельство, что прошлое и будущее не симметричны, что существует особый социальный феномен — современность, часто упускается из виду. Сказанным вовсе не отрицается связь принципа историзма с методологией и техникой социального прогнозирования. Такая связь существует, но она гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд, и требует специального обоснования, включающего разработку концептуальных схем исторического времени.

3. Историзм и историцизм. Попперовская критика историцизма и контркритика

Принцип историзма образует тот рубеж, который делит историков, методологов, социологов — короче говоря, всех, кто так или иначе интересуется научным познанием прошлого, на два непримиримых лагеря. Пожалуй, самым серьезным противником историзма и лежащего в его основе методологического постулата является лидер философского направления, называемого критическим рационализмом, К. Поппер. Именно потому, что он самый авторитетный среди западноевропейских и американских критиков историзма, его взгляды заслуживают внимательного анализа.

В предисловии к своей работе «Нищета историцизма» Поппер формулирует свой главный аргумент против историцизма, состоящий в том, что развитие общества зависит от роста знаний, характер которых нельзя предсказать, исходя из прошлой истории, а потому и невозможно

предвидеть будущее, как невозможно предвидеть и открытие. Но какое отношение имеет это к историзму? Дело в том, что сам Поппер различает историзм и историцизм. Под *историзмом* он понимает такой подход, согласно которому общественные учения, если они верно отражают тенденции и закономерности развития, могут ему содействовать, выполняя роль «социальной акушерки»; взгляды консервативных сил общества могут оказывать противодействие развитию, затормозить или даже видоизменить его. При этом учение о социальной обусловленности тех или иных общественных учений и теорий интересами соответствующих классов и групп он относит к социологии познания¹. *Историцизм* же, по его словам,— это «такой подход к общественным наукам, который предполагает, что их главная цель состоит в историческом предсказании и что этой цели можно достичь, открыв «ритмы», «образцы», «законы» или «тенденции», лежащие в основе эволюции истории»². В этом определении ключ ко всему попперовскому критицизму.

В такой интерпретации историцизм — а вместе с ним и историзм как некий малозначительный фрагмент первого — оказывается методологической и философской основой предсказания будущего, социального прогнозирования, а не центральным методологическим принципом научного исследования истории. Все акценты здесь переставлены. Все реальные исследовательские задачи перевернуты. Процесс предвидения будущего, опирающийся на историцизм, Поппер рассматривает как пророчество.

Задавшись целью критического ниспровержения историцизма, Поппер, по существу, должен был ответить на вопросы:

1. Что такое история?
2. Возможно ли рассматривать общество как целое?
3. Возможны ли законы истории и законы общественного развития вообще?
4. Каковы основы предвидения будущего?
5. Каково практическое, вытекающее из историцизма отношение человека к будущему?

Ответы Поппера на эти вопросы выглядят в самой сжатой формулировке следующим образом.

1. История — это, по существу, хроника политических и общественных событий³. И хотя историки могут инте-

¹ Popper K. The Poverty of Historicism. L., 1960, p. 17.

² Ibid., p. 3.

³ Ibid., p. 38—39.

ресоваться некоторыми общими ситуациями, тенденциями и т. п., но в действительности, настаивает Поппер, они интересуются индивидуальными и уникальными событиями. Определяющим фактором является интерес (вспомним позицию Риккерта). Его происхождение Поппером не исследуется, и сама возможность интереса к общему рассматривается как простая дань историцизму.

2. Обоснование первому ответу Поппера дает его утверждение, что общество нельзя рассматривать как некое целое, ибо холистический (мы бы сказали теперь: системный) подход методологически невозможен. Человеческое мышление в состоянии постичь последовательность отдельных элементов, тенденций и частичных связей между ними, но не способно постичь сложное системное целое. Поэтому результаты исторического познания отдельных событий и процессов не могут быть распространены на общество, тем более на его будущее.

3. Это подводит к ответу на третий вопрос. Законов истории, в том смысле, в каком говорят о законах природы, не существует. То, что называют законами истории историцисты (а к ним Поппер относит и Конта, и Милля), есть лишь описание тенденций и направлений развития. Законы науки должны фиксировать вечные и неизменные связи. Только тогда они могут использоваться для объяснения и описания изменений в объективном мире. Если сами законы меняются, то с их помощью нельзя объяснить изменений, которые в этом случае должны рассматриваться как чудо. Историцизм признает, что законы истории сами меняются от периода к периоду, но тогда, согласно Попперу, они не являются законами в точном смысле слова. Этот вывод усиливается тем, что Поппер объявляет историю хаосом индивидуальных событий, уникальных и неповторимых. В ней нельзя обнаружить даже статистическую регулярность, а тем более неизменные вечные законы.

4. Из этого следует, что предвидеть будущее на основании законов исторического развития невозможно, во-первых, потому, что таких законов нет, а во-вторых, потому, что, если бы они и были, они могли бы утратить силу из-за непредвиденных общественных изменений. В этом ответе есть некоторый логический круг. Не замечая его, Поппер в полемическом пылу заявляет, что у историцистов не хватает воображения, чтобы предвидеть всевозможные изменения, а потому нищета историцизма — это нищета воображения. Таким образом, научное,

т. е. основанное на законах, предвидение будущего невозможно.

5. То, что обычно называют предвидением будущего, можно разделить на два класса: пророчества и технологические предсказания. Иллюстрацией первых, по мнению Поппера, может быть сообщение метеоролога о надвигающемся тайфуне, который нельзя предотвратить. Иллюстрацией вторых является предсказание, какого рода убежище и из каких строительных материалов следует построить, чтобы оно могло выдержать натиск тайфуна и служить укрытием для людей и техники. Применительно к обществу пророчества утопичны, только технологические предсказания реальны и могут основываться на законах природы и экономики. Из этого Поппер делает вывод, что люди, придерживающиеся пророческих установок и верящие в экстраполяцию исторических законов на будущее, склонны к всеобщему социальному проектированию, связанному с контролем над другими людьми, крайней централизацией управления, подавлением инициативы и т. п. Напротив, частичное технологическое проектирование, основанное на методе проб и ошибок, не требует знания общих законов социального развития и позволяет посредством малых изменений и реформ решать частные социальные проблемы.

Это отчетливо демонстрирует реформистскую позицию Поппера и вскрывает подлинный смысл его критики, которая в конечном счете представляет собой методологическое обоснование недопустимости социального прогнозирования в крупных масштабах. Ее центральная задача — запрет радикальных социальных изменений и доказательство того, что они представляют собой продукт злокозненной деятельности историчистов, а не результат закономерного развития общества.

Приведем теперь несколько контрвозражений, отложив остальные до следующей главы.

Самое главное заключается в том, что принцип историзма и связанную с ним методологию исторического исследования Поппер вообще игнорирует, подменяя историзм, особенно в его марксистской редакции, историчизмом, в котором причудливо смешаны черты позитивистского историзма с некой абстрактной футурологией. Вместе с тем не следует думать, что этот странный гибрид — плод преднамеренного извращения. Утверждая в предисловии, что само название «Нищета историчизма» содержит намек на марксову «Нищету философии», Поппер

как бы обещает подвергнуть критике марксистский историзм, но весь его критический заряд попадает в другую цель, и притом не мнимую, а реально существующую. Она представляет собой сплав разнородных элементов, возникший из сочетания различных немарксистских концепций философии истории и футурологии. Среди представителей подобных направлений распространена точка зрения, что основным назначением исторической науки является не изучение прошлого человечества, а прогнозирование будущего. Напомним хотя бы позицию Л. Февра, а также шпенглеровское понимание главной задачи истории как предсказания «исторического будущего».

Расширительное понимание задач и объекта истории встречается в трудах многих современных авторов. Само понятие исторической реальности и ее концептуального отражения становится при этом аморфным, сливаясь с понятием бытия в целом.

Как известно, историческую реальность изучает историческая наука. Именно это и делает целесообразным выделение исторической реальности в категории реальности вообще. Историческая наука характеризуется не только спецификой, связанной с тем, что она изучает прошлое, но и специфическими методами, ориентированными на изучение прошлого, отделенного от нас временной дистанцией. Наличие этой дистанции не является отрицательным фактором, а, напротив, дает оправдание необходимости исторического познания.

Особые преимущества исторического знания выявляются при сравнении его с теми знаниями относительно данных событий и процессов, которыми обладали их современники. Эти преимущества сводятся к следующему.

1. Опираясь на источники, историки могут рассматривать события и процессы как с внутренней, так и с внешней стороны. Современники, являясь либо участниками, либо сторонними наблюдателями событий, обладают более яркими и непосредственными, но зато и более односторонними впечатлениями, и лишь очень немногие могут подняться над личными позициями и страстями и создать картину современных им событий и процессов.

2. Информация современников ограничена: многие документы засекречены; сведения, содержащиеся в частной переписке и личных архивах, им недоступны; идеологические, этнические, религиозные и языковые барьеры часто мешают участникам не только понять, но даже

заметить те или иные события. Для историков эти препятствия либо полностью устраняются, либо играют гораздо меньшую роль.

3. Историк в состоянии проследить не только причины, но и следствия изучаемых событий и процессов, как правило, в больших интервалах времени. Современникам это почти недоступно, особенно в отношении следствий, ибо, как подчеркивал Ф. Энгельс, продолжая мысль Гегеля, люди, преследуя свои особые и нередко противоположные цели, часто приходят к совершенно непредвиденным результатам, обнаруживающимся к тому же не сразу.

4. Современники, как правило, находятся во власти иллюзий, предрассудков, различных социально-психологических аффектов, зачастую не отдавая себе в этом отчета, и поэтому неверно воспринимают и оценивают самих себя, свою деятельность и свою эпоху, особенно если это эпоха революционного переворота. К. Маркс замечал: «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию»¹. Степень подобных заблуждений у историков несравненно меньше. Поэтому они в состоянии дать более объективную картину прошлого, понять и сформулировать действительные тенденции и закономерности его развития. Этим вполне оправдывается существование исторической науки и актуальность ее проблем, и совершенно незачем вменять в круг ее обязанностей изучение будущего в качестве основной задачи.

Никому еще не удалось написать историю будущего, используя метод исторического познания и опираясь на созданные в этом будущем исторические и археологические источники. Сказанное, конечно, не означает, что историческое знание излишне или не нужно для составления научных прогнозов и научного предвидения будущего, но такое прогнозирование и предвидение не относится к собственным задачам исторической науки.

Фундаментальный недостаток попперовской критики историцизма заключается в почти полном игнорировании понятия «современность». Это, кстати, характерно для подавляющего большинства авторов, касающихся вопросов связи прошлого с будущим и видящих смысл изучения прошлого в предвидении будущего на основе исто-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

рического опыта. «Современность» при таком подходе выступает как некая точка или, лучше сказать, сечение двух бесконечных подмножеств временного континуума — прошлого и будущего. Схема исторического времени выглядит при подобном подходе так:

прошлое современность будущее.

Однако еще Аристотель отмечал, что современность, т. е. настоящее время, понимаемое не в физико-математическом смысле, но как характеристика социального состояния, является не мгновением, не моментом, а длительностью, или, геометрически, — не точкой, а отрезком. Схема Аристотеля такова:

прошлое современность будущее.

Современность, понимаемая как более или менее протяженная последовательность событий и процессов, детерминирована прошлым. Точно так же и в детерминации будущего участвует не одно лишь прошлое, но прошлое вместе с современностью, через нее и благодаря ей. Поэтому в предсказаниях будущего информация о прошлом используется наряду с информацией о современности. Их «доминантность» и «доля» участия в каждом отдельном прогнозе определяются конкретными задачами и условиями прогнозирования.

Одной из действительно основных задач исторической науки является объяснение современности, основанное на объяснении прошлого. В противоположность историцизму именно такой подход составляет суть подлинного историзма, и тогда историческая наука перестает быть простой хроникой, как думал К. Поппер. «...Следует, — подчеркивал советский историк С. Л. Утченко, — прежде всего выяснить одно коренное понятие, а именно понятие *историзма*. В чем его суть? Историзм — восприятие явления (факта) в его развитии. Что значит «явление в его развитии»? Это значит, что явление должно быть рассмотрено в его прошлом (генезис) и настоящем, в его связях с другими явлениями. В простой констатации любого факта или события нет еще ни грана историзма, строго говоря, его нет и в механическом перечне событий. История и хроника — понятия различные»¹.

Можно резюмировать сказанное в этом параграфе следующими двумя положениями:

¹ Утченко С. Л. Глазами историка. М., 1966, с. 243.

1. Историзм не есть историцизм; историзм не есть технология социального прогнозирования или предвидения, хотя историческое познание и образует его необходимую предпосылку.

2. Существует глубокая связь между исторической концептуализацией и принципом историзма.

4. Проблема исторического времени

До сих пор, рассматривая различные аспекты исторического познания, мы постоянно сравнивали соответствующие комплексы проблем с точки зрения того, как они анализируются и решаются в естественнонаучных и исторических исследованиях. Такой подход, намеченный еще в предисловии к этой книге, преследует две цели: 1) выяснить действительную специфику естественнонаучного и историографического понимания определенных проблем; 2) ответить на вопрос, в чем сходство и различие познавательного статуса естествознания и исторической науки. Суть дела не в том, чтобы принять одну из двух конфликтующих позиций — первая (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Р. Коллингвуд и др.) резко противопоставляет эти формы научного познания, а вторая (Д. М. Петрушевский, Е. Топольский и др.) почти полностью отождествляет их, — но в том, чтобы на основе конкретного анализа установить действительные моменты их сходства и различия, ибо истина всегда конкретна. Особенно рельефно эти моменты прослеживаются при рассмотрении проблемы времени.

Исследование времени превратилось в самостоятельную философскую и научную проблему лишь в Новое время, главным образом в связи с развитием классической механики и физики. В античной и средневековой философии анализ времени не выдвигался на передний план и производился в контексте других познавательных задач. Аристотелевская механика и птолемеяевская астрономия были в основном кинематическими, а не динамическими концепциями. Это наложило особый отпечаток на проблему времени.

В галилеевско-ньютоновской физике время и пространство рассматривались как внешние формы, в которых совершается движение и взаимодействие тел и происходят физические процессы. Все эти взаимодействия и процессы можно разделить на два класса: происходящие во времени и не зависящие от него, во-первых, и за-

висящие, во-вторых. Если с чисто иллюстративной целью уподобить время равномерно движущейся киноленте, то сущность указанного различия будет заключаться в следующем. Киноленту, на которой заснято колебание маятника, подвешенного на упругой нити и не встречающего сопротивления воздуха, можно пропускать в прямом и обратном направлении, причем наблюдатель не сможет этого заметить по движению, происходящему на экране. Напротив, если на киноленте заснят процесс падения стакана с водой со стола на пол, то по изображению на экране легко можно установить прямое и обратное движение ленты. Изображение, полученное во втором случае (лужица воды вливается обратно в стакан, осколки соединяются в целое, и стакан взлетает вверх на стол), противоречит законам физики. Здесь четко зафиксирован необратимый временной процесс, зависящий в этом смысле от направления и течения времени.

Для всех разделов физики главным является установление соответствующих законов, описывающих форму зависимости физических взаимодействий и процессов от времени. Для определения математической метрической формы таких законов необходимо разработать процедуру измерения времени. При этом важной становится задача все более точного измерения. Современная физика пользуется весьма сложной математической теорией измерения и аппаратурой, рассчитанной на фиксацию интервалов времени порядка 10^{-13} секунды.

Другая важная проблема связана с изменением теоретических схем и содержания ряда физических теорий. Это прежде всего касается квантовой механики и специальной теории относительности (СТО). Отсюда и особые проблемы времени. Первая из этих теорий ставит вопрос о непрерывности и дискретности времени в связи с введением понятия кванта и квантующихся величин. Вторая, исходя из глубокой связи между временем, пространством и движением, показывает, что метрические свойства времени и пространства при определенных условиях могут рассматриваться как функции скорости движения.

Создание СТО произвело в начале нашего века ошеломляющее впечатление на современников. Широкая публика, и в том числе гуманитарно ориентированные философы, быстро усвоили экстравагантные выводы релятивистской физики, сводящиеся, по их мнению, к утверждению, что само время может идти медленнее или

быстрее, что масса и размеры тела при движении со скоростями, сопоставимыми со скоростью света, могут меняться, что один из близнецов, улетевший на космическом корабле, после возвращения может оказаться моложе своего брата и т. д. Однако подлинный физический, математический смысл выводов СТО, а также то обстоятельство, что они неприменимы за пределами физики, для многих оставались и теперь остаются не вполне понятными. Об этом вряд ли стоило бы говорить в работе, посвященной историческому познанию, если бы перенос плохо переваренных и метафорически интерпретируемых выводов СТО в область истории, осуществляемый некоторыми философами, не затемнял подлинной сущности проблемы исторического времени и ее внутренней связи с исторической концептуализацией. Такой перенос не учитывает специфики концептуальных схем исторического времени и пространства и соответствующих им пространственно-временных абстракций.

Перенос концептуальных схем из одной науки в другую — явление известное и широко распространенное. В XVII и XVIII вв. наблюдался подобный перенос из сферы механики и геометрии в область теории исторического познания. В XIX в. под впечатлением дарвиновской теории эволюции многие социологи и историки пытались перенести ее концептуальные схемы и связанные с ними понятия «организма», «вида», «борьбы за существование» и т. п. в сферу социально-исторических исследований. Каждый раз неумеренный энтузиазм таких «переносчиков» наталкивался на «сопротивление» самой объективной реальности, на ее нежелание укладываться в прокрустово ложе чуждых ей концептуальных и теоретических схем. Это не значит, что перенос теорий, моделей, схем, отдельных понятий и методов из одной науки в другую невозможен или не нужен. Напротив, иногда он оказывается полезен, но это происходит лишь в том случае, когда перенесенные теоретические структуры переосмысливаются, перерабатываются с учетом специфики новой предметной области.

Приходится с сожалением констатировать, что попытки модифицировать историческую науку, с тем чтобы поднять ее до уровня «гвардейских» дисциплин века (физики, кибернетики, теории информации и т. д.), зачастую сводятся к простым вербальным заимствованиям концептуальных схем и понятий из этих дисциплин без должного учета реальных проблем и специфики историче-

ского познания. Приведем довольно типичную иллюстрацию.

Еще методологи и историки XIX — начала XX века обращали внимание на сложность проблемы исторического времени¹. Эта проблема затрагивает следующие основные вопросы: 1) разработка точных методов датировки событий и временных интервалов соответствующих исторических процессов; 2) периодизация всемирной истории, выделение периодов и эпох региональных и институциональных историй и связанное с этим обоснование таких абстракций, как «период», «эпоха», «этап» и т. п.; 3) создание универсальной хронологической системы и соответствующих правил перевода и сопоставление с ней различных локальных хронологий; 4) изучение различных исторических представлений о времени и пространстве и причин их трансформации.

Некоторым современным авторам, например А. Н. Лою², этот круг проблем кажется достоянием здравого смысла, а не науки. Так, он пишет: «...употребление обыденного представления о времени как некой абсолютной форме календарно-хронологического отсчета может в значительной степени удовлетворять историка, а в другой плоскости описаний это уже связано с необходимостью теоретического понимания формы времени, в частности неоднородности его длительности, ритмики» (с. 11). Однако проблемы календаря, и особенно хронологии на протяжении многих столетий, не относятся к обыденным представлениям. Что касается неоднородности исторического времени, то он сводит ее к следующим пунктам:

а) Время различных общественно-экономических формаций, эпох различно. «Длительность исторического времени оказывается разной для различных формаций, эпох, систем, поскольку за хронологически одно и то же время они проходят разные пути развития» (с. 13—14).

б) Внутри формаций время также неоднородно. Оно различно для различных событий, например, одно — для предреволюционного периода, другое — для революции (с. 20). Буквально воспринимая слова о том, что «Вели-

¹ См., например, книгу М. Бернгейма «Введение в историческую науку» (М., 1908), оказавшую большое влияние на трактовку проблемы времени в зарубежной и отечественной методологии истории начала нашего века.

² См.: Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». Киев, 1978. В дальнейшем ссылки на страницы этой книги даются в тексте.

кая Французская революция имеет собственный ритм и особое течение времени»¹, А. Н. Лой утверждает: «Здесь существует потребность в переорганизации «теоретического исторического времени», что выражается в необходимости большого уплотнения исторических описаний, их большей насыщенности и детализации...» (с. 20). Остается неясным, каким образом эта процедура автоматически влияет на характер исторических описаний.

в) Ускорение исторического процесса связывается не только и не столько с изменением представлений о времени, сколько с замедлением реального объективного времени, совсем как в эксперименте с релятивистскими близнецами: «В процессе роста культурно-исторического опыта в целом от эпохи к эпохе течение времени для поколений людей «замедляется» с точки зрения его освоения, переработки и накопления: за один и тот же отрезок календарного времени люди современной эпохи, в особенности в эпоху НТР, «проживают» гораздо больше, чем столетием раньше» (с. 27). Хотя слово «замедляется» взято в кавычки, разъяснение, данное после двоеточия, свидетельствует, что речь идет о реальном замедлении времени. Таким образом, мы вправе предположить, что человек, попавший из одного социально-культурного и экономического ареала (например, из развивающейся страны) в другой, более развитый, начинает жить более интенсивно, а возвращаясь — менее интенсивно, преодолевая при этом дважды временной барьер.

г) Замедление исторического времени оказывается связанным с определенным отношением к солнечному времени. Посредствующим звеном признается процесс накопления информации. Ссылаясь на утверждение Земана о том, что по мере накопления знаний время познания замедляется по отношению к солнечному, автор усматривает в этом обоснование идеи замедления исторического времени (с. 26).

д) Из сказанного следует, что историческое время, а заодно и пространство являются феноменами относительными. «Мера длительности процессов в историческом времени меняется с развитием общества и является величиной относительной» (с. 13). Как и по отношению к чему устанавливается эта относительность, остается неясным.

¹ Гуревич А. Я. Об исторической закономерности.— Философские проблемы исторической науки, с. 62.

е) Автор предлагает упразднить существующие единицы отсчета времени и ввести новые. Эти новые единицы отсчета должны брать за основу исторические события, революции, крупные изменения в способе производства, смену формаций и т. п. Так, он пишет: «...единицей измерения в этом случае будет конкретная система общественных отношений...» (с. 30). И в другом месте: «Если брать общесторическое развитие, то изменения производственных отношений определяют абсолютное содержание такой социально-временной единицы, как формация. По отношению к ней можно сопоставлять ритмы и длительности развития различных детерминант единого структурного целого» (с. 19). Поскольку разные формации в обычном календарном исчислении занимали разные хронологические интервалы, варьировавшие к тому же от страны к стране, то выбор предложенной единицы заставляет думать, что таких единиц должно быть столько же, сколько формаций.

ж) Время рассматривается как исторический опыт. «Очищенный» от всевозможных «идолов» научный и вообще культурный опыт оказывается в своей исторической основе не чем иным, как временем, что и зафиксировано в провозглашенной Бэконом формуле Возрождения: «истина — дочь времени» (с. 88). Отсюда делается вывод, что время — это тоже истина, а истина — опыт. Но как измерять время, трактуемое таким образом, в единицах исторических событий, формаций? Ведь исторический опыт у разных социальных групп и классов не только на протяжении одной формации, но и в любом синхронном интервале весьма и весьма различен.

з) Наконец, социальное пространство также оказывается относительным: «Соотносясь не с экологическими единицами пространства, а с определенными социальными системами, социальное пространство характеризует упорядоченность и взаимодействие социальных процессов, их охват, насыщенность и плотность. Будучи связанными с механизмами детерминации социально-исторических явлений, свойства времени и пространства меняются с развитием общества и выступают в этом смысле явлениями относительными» (с. 14—15). Характер всемирно-исторического пространства, например, определяется интенсивностью социальных процессов, в особенности взаимодействием буржуазии и пролетариата (с. 28). В целом социальное пространство подчинено времени и характеризуется плотностью, насыщенностью; в основе же

времени исторического движения общества лежит определяющий его элемент — время опредмеченного общественного труда (с. 34—35).

Теория относительности исторического времени вызывает ряд возражений. Условием выявления относительности времени и пространства в специальной теории относительности (СТО) являются постулаты эквивалентности систем отсчета и предельности скорости света. Ни о каких эквивалентных системах отсчета в релятивистской концепции исторического времени нет и речи. Если каждое событие, каждая революция, каждая формация имеют свое собственное привилегированное время и свою особую систему *единиц* изменения, то установить относительность просто невозможно. В любой предложенной системе само ускорение исторического движения при переходе от одной формации к другой и на разных этапах внутри отдельных формаций не может быть измерено или вычислено. В СТО вычисления подобного рода, демонстрирующие «замедление» времени в одной системе по отношению к другой, осуществляются с помощью уравнений Лоренца — Фицджеральда. Эффект относительности времени связан, помимо указанных математических преобразований и физических постулатов, с определением позиции наблюдателя. Полная релятивизация времени и пространства и сведение времени к историческому опыту ведут, по существу, к отказу от действительного исторического времени, от объективной исторической периодизации, к игнорированию оснований научных исторических хронологий и т. д.

Современные историки давно перестали пользоваться «обыденными» хронологическими представлениями, касающимися скорее современности, чем исторического прошлого. Они отдают себе отчет в том, что все исторически возникавшие хронологии условны, но не в смысле релятивности времени в контексте СТО, а ввиду обусловленности каждой хронологической системы эпохой ее создания и конкретными эвристическими задачами. В выявлении эпистемологических и методологических условий и объективных оснований хронологий, а также лежащих в их фундаменте абстракций и заключается серьезная научная проблема.

Содержание исторических, как и любых других, абстракций зависит от характера соответствующих теоретических и концептуальных схем. Несмотря на возможные различия в содержании, исторические абстракции

всегда включают признак необратимости времени, его направленности от прошлого к настоящему и будущему. «Киноленту» времени с изображением исторических событий нельзя пустить в обратном направлении: возвращение в прошлое невозможно; невозможен парадокс исторических близнецов, а следовательно, невозможна и релятивизация исторического времени в смысле СТО. Таким образом, исторические абстракции не отвлекаются от времени.

Историческим абстракциям свойственны черты, как общие с абстракциями других общественных наук, так и специфические, присущие только им, а именно:

1. Исторические абстракции всегда фиксируют целенаправленную деятельность людей.

2. Они выделяют социально значимую деятельность и социально значимые действия, определяя значимость по уже известным историческим последствиям.

3. Они фиксируют соответствующие ситуации, события и процессы в конкретных пространственно-временных координатах, в объективном времени и пространстве, в общезначимой и принятой на данном этапе научного развития шкале отсчета.

Историческое время выступает как условие построения исторических абстракций. Это предполагает точное понимание того, что все исторические процессы и события совершаются как подчиненные объективному времени. Понятие «историческое время» часто употребляется метафорически. В этом случае под историческим временем понимается интенсивность социально значимых событий. При таком использовании этого термина можно, разумеется, говорить, что историческое время французской революции отличается от времени предшествовавшего ей периода, а время второй мировой войны как определенного исторического периода отличается от времени между двумя мировыми войнами. Однако при этом следует иметь в виду, что в действительности речь здесь идет об интенсивности, глубине и значимости исторических событий и процессов, а не о времени как таковом, т. е. не о времени как объективной характеристике, свойстве, присущем реальности и отраженном в соответствующей временной шкале. Такая шкала, независимо от того, применяется ли она к социальным или природным феноменам, должна фиксировать объективные материальные условия и объективное время, в котором развивается исторический процесс. Механизмом ее изме-

рения, по крайней мере в исторически первоначальной форме, являются солнечные сутки и все разновидности созданных для их измерения часов. Всякого рода представления о замедлении исторического времени по отношению к «физическому», «земному» или «солнечному» могут восприниматься лишь как курьез.

Представления об историческом времени могут меняться от века к веку, от одной культуры к другой, могут быть различными у представителей различных философских и исторических школ, но само объективное время подчиняется своим собственным законам. Даже в физике эффект «ускорения» и «замедления» времени может наблюдаться лишь при скоростях, сопоставимых со скоростью света в вакууме. Объективная история человечества не знает таких скоростей социальных изменений, и говорить о релятивистских эффектах исторического времени беспредметно.

Существует, разумеется, и обратная связь исторического времени с развитием общества. Однако в ней нет ничего таинственного. Эта связь заключается в том, что разбиение исторического времени на определенные периоды или этапы производится в соответствии с исторически значимыми событиями, точнее, с системами качественно определенных событий и конкретными исследовательскими задачами и теоретическими концепциями, применяемыми при их решении. Именно здесь происходит диалектическое оборачивание систем абстракций. Абстракции, опирающиеся на учет объективного исторического времени, сами кладутся в основание его членения в тех или иных хронологических системах.

Известно, что К. Маркс различным образом делил историю общества на общественно-экономические формации. Это зачастую порождало многочисленные жаркие споры о количестве и структуре формаций¹. Действительная же суть дела заключается в том, что в разных структурных делениях истории человечества на формации отражаются как объективное развитие и смена способов производства, так и различные конкретные постановки исследовательских задач, решению которых были подчинены частные схемы, реализовавшие более общий принцип членения развития человечества на общественно-экономические формации. Это отчетливо демонстри-

¹ См., например: *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977; *Социально-экономические формации. Проблемы теории.* М., 1978.

рует зависимость абстрактных схем исторического времени от общих концептуальных и теоретических схем, в данном случае от схемы «формационного» членения истории.

Таким образом, абстракция исторического времени возникает как отражение объективно реального исторического времени, идентичного по своей природе времени вообще, но абстракция особая, производимая в рамках исторического исследования с учетом определенных методологических установок и теоретических схем. Здесь обнаруживается диалектическая зависимость теоретических схем и входящих в их структуру абстракций от концепции исторического времени и этого последнего — от содержания исследовательских задач и выработанных с их помощью схем и абстракций. Действительное развитие исторического познания происходит как процесс постоянной взаимной корректировки схем, фиксирующих время, как бы взятое само по себе, и схем, фиксирующих события и процессы. Непонимание противоречивости единства этого процесса — источник многих эпистемологических заблуждений. Неверно, в частности, думать, что реальное историческое время сокращается, замедляется.

Абстрактное историческое время включено в историческое познание, как художественное время — в художественное творчество, в произведение. Д. С. Лихачев, говоря о «принципе относительности» художественного времени, не только берет это выражение в кавычки, но и определяет его смысл без всякой мистики — как возможность различных последовательностей и вариаций в изображении событий¹.

Связь исторического времени с конструированием исторических абстракций, концептуальных и теоретических схем наиболее отчетливо прослеживается в крупноформатных исторических исследованиях. Поэтому применительно к ним легче всего сформулировать позитивную программу исследования исторического времени. Ее основные пункты в первом приближении сводятся к следующему.

1. Первой задачей является анализ сменяющих друг друга представлений о времени и его связях с социальными и историческими изменениями. Такие представления различны в разных культурах, у разных народов и

¹ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979, с. 213.

на различных ступенях исторического развития. Достаточно вспомнить циклическую концепцию времени, свойственную религиозно-философским, историческим, космогоническим и общекультурным воззрениям античности, с одной стороны, и линейную концепцию времени, характерную для иудео-христианской историософии,— с другой. Линейная концепция особенно отчетливо была сформулирована Августином и разрабатывалась в европейской историографической традиции в разных вариантах. При этом важно, что в ней повторяемость или неповторяемость событий не отождествлялись с повторяемостью, убыстрением или замедлением времени, которое рассматривалось как линейно и равномерно изменяющаяся величина. Поэтому понятие исторического времени как философская категория должно быть отграничено от исторически меняющихся социально и культурно обусловленных представлений об историческом времени. Здесь имеет место тот же тип разграничений, что и при рассмотрении философской концепции материи и естественнонаучных представлений о ее строении. Смещение научной концепции исторического времени с различными, в том числе до- и вненаучными представлениями,— один из источников мистификации проблемы времени. К сожалению, исследование этой проблемы находится пока в начальном состоянии.

2. Вторая специфически научная проблема состоит в выборе и разграничении временных интервалов и масштабов времени. В качестве поясняющей иллюстрации рассмотрим решение подобной задачи историком, поставившим, например, цель — восстановить историческую картину событий в интервале нескольких веков на территории, простирающейся от Китая до Прикаспия. При этом устанавливаются некие временные и пространственные масштабы. Этой цели может служить так называемый «историоскоп», т. е. членение временных интервалов на ряд уровней, или приближений. Первое приближение — время известного нам существования человечества, уходящее в будущее; второе — период известной нам письменной культуры, примерно 5 тысяч лет; третье — отдельная, вполне определенная социально-историческая культура; четвертое — отдельная эпоха в данной культуре; пятое — отдельный человек (что связано с переходом к исторической биографии). После того, как для исследования берется, скажем, пересечение третьего и четвертого приближений и определяются реально историческая гео-

графия, а также конкретные хронологические рамки событий и процессов, разрабатывается общая теоретическая схема исходных абстракций: этнос, народ, племя; культурно-языковая общность, государство, политическая целостность, внешняя и внутривнутриполитическая борьба; тип хозяйственной деятельности и т. д.; тип культуры, культурный синтез; историческая миграция народов, переселение народов и т. п. Эти абстракции определяют построение более частных схем.

Следует отметить, что нечеткость или неосознанность исторических масштабов часто служит причиной различных недоразумений в интерпретации реального исторического времени.

3. Одной из наиболее сложных методологических проблем является выработка фундаментальных понятий, используемых для описания временных процессов и исторических изменений. В главе 2, где речь шла об основных познавательных структурах, используемых для описания исторической реальности, а также о лежащих в их основании формальных отношениях, были выделены в качестве наиболее специфических для исторического познания различные виды отношений последовательности, причинной и целевой детерминации. Понятие последовательности является центральным для всех способов и видов описания и анализа процессов развития, в том числе исторического. Теперь легко понять, почему рассмотренные в этом параграфе познавательные структуры столь важны для историографии и историософии. Отбор, выделение, классификация и типология исторических фактов непременно предполагают их последовательность и определенную связь во времени. Вместе с тем абстракция от последовательности, «выключение» отдельных фактов (или их наборов) из реальной временной связи — одно из основных условий исторического исследования. Такое «выключение» само должно быть зафиксировано в особых концептуальных и теоретических схемах, а следовательно, получить методологическое и логико-эпистемологическое оправдание. Отсюда и вытекают задачи построения частных концептуально-временных схем. Две из них, наиболее часто решаемые историками, выделены далее в самостоятельные пункты.

4. Одной из задач, связанных с проблемой отношения к историческому времени, является преобразование временных, диахронных процессов в функциональные, синхронные. Такая операция особенно характерна для сов-

ременных исторических исследований, связанных не столько с эмпирическим описанием временной последовательности фактов, сколько с теоретическим осмыслением определенных структур и культурного содержания исторического процесса. Примером подобного исследования может служить монография А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». Выделив ряд основных категорий, необходимых для анализа исторической реальности, он отвлекается от строго последовательного описания отдельных феноменов, подпадающих под каждую категорию, и анализирует становление лишь самых существенных фактов. Так, рассматривая формирование правосознания, права, чувства корпоративного и личного достоинства у различных социальных групп средневекового общества, он отбирает факты по их значимости для соответствующих теоретических рассуждений, а не по их эмпирической, временной последовательности. Реальная разнородность, неравномерность временного формирования правового и морального сознания учитывается при этом лишь во имя выявления существенных черт, отличающих, например, правосознание западноевропейского средневековья от правосознания византийского. Все исследовательские процедуры (описание феноменов, анализ, сравнение, оценка их, концептуализация и т. п.) связаны здесь с абстрагированием от реальной последовательности «точечных» событий и построением достаточно больших временных интервалов, внутри которых осуществляется особая процедура «усреднения» изучаемого явления. Проблема исторического времени приобретает в данном случае совершенно особую окраску.

5. Наконец, последняя из рассматриваемых задач связана с сопоставлением различных фрагментов исторической действительности в целях выявления некоторых общих закономерностей. При этом часто приходится сравнивать ситуации, события и процессы, относящиеся не только к различным культурным и этическим явлениям, но и к различным интервалам времени. Для осуществления такого сопоставления необходимо соответствующее принципиальное основание. Таким основанием может быть, например, утверждение, что феномены *A* и *B* по ряду объективных признаков и закономерностей, а также по исторической значимости однотипны. При этом мы имеем дело с особой абстракцией от различных интервалов времени и хронологической последовательности этих интервалов с одновременной четкой фиксацией этих

различий. Задача такого типа и процедура ее решения обретают необходимую четкость и ясность при сопоставлении, например, генезиса капитализма, исследованного на материале европейской экономической истории К. Марксом и на материале русской истории — В. И. Лениным, причем, несмотря на различные временные и пространственные характеристики и т. п., процессы эти оказываются во многом идентичными, во всяком случае по основным критериям.

Четкая формулировка проблем, связанных с анализом исторического времени, позволяет избегать метафоричности при освещении вопросов философии и методологии исторического знания и вместе с тем обнаруживает глубокую связь исследований, посвященных природе исторического времени, с исследованием проблемы исторической закономерности.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАКОН И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

1. Общие замечания о природе исторического закона

Исследование логической структуры и познавательных функций законов в историческом познании — одна из центральных проблем исторической эпистемологии.

Признание или отрицание самой возможности таких законов образует водораздел, делящий всех историков и методологов на два непримиримых лагеря. Основное возражение К. Поппера против историцизма заключается именно в том, что законы, как их понимает естествознание, вообще не могут быть сформулированы в системе исторических знаний. В отличие от неокантианцев он не прибегает к делению всех наук на идиографические и номотетические. Критика неокантианского понимания истории не прошла для него даром, и он с известными оговорками признает наличие некоторых регулярностей, правильностей и повторяемости в истории. Он называет их тенденциями или направлениями, но считает, что они не могут играть роль законов в системе исторического познания. На чем же основана аргументация Поппера?

Создатели позитивизма XIX века Дж. С. Милль, О. Конт и Г. Спенсер пытались сформулировать законы биологической и социальной эволюции. В частности, Конт, говоря о социальной статике и динамике, считал, что последняя должна занять место традиционной историографии, заменив описание деятельности великих людей и отдельных событий обезличенными рядами регулярно повторяющихся ситуаций, выдававшихся им за исторические закономерности. По мнению Поппера, такие закономерности вообще невозможны, так как история есть нечто изменяющееся и, следовательно, ее законы должны меняться и развиваться вместе с ней. Действительные же, т. е. физические, законы — это нечто неизменное, универсальное, имеющее место везде и всегда. Для Поппера даже законы биологической эволюции не являются зако-

нами в строгом смысле слова, ибо сама жизнь на Земле, с его точки зрения, есть нечто уникальное, неповторимое. Ее развитие невозможно сравнить с развитием жизни на других планетах. Поэтому «регулярности», установленные дарвинизмом, не являются универсальными, т. е. не являются законами. Бессмысленно говорить о законах уникального явления. К тому же законы, имевшие место на ранних стадиях биологической эволюции (например, закон возникновения жизни), не могут действовать на других ее стадиях. Следовательно, эти «законы» нельзя применять для объяснения современной стадии биологической эволюции и предсказания будущих ее ступеней. Предсказание же, по мнению Поппера,— основная функция всякого закона.

Подобные взгляды получили довольно широкое распространение, а утверждение, что подлинные законы науки имеют место «везде и всегда», можно встретить даже на страницах учебников, особенно если их авторы хоть немного знакомы с аналитической философией и философией критического рационализма.

Главное возражение против таких взглядов заключается в том, что не только законы истории, но и законы природы не обладают абсолютной универсальностью, не имеют места «везде и всегда». Они характеризуются предельной общностью и постоянством лишь в рамках фиксированных предметных областей в определенных пространственных и временных интервалах. Можно показать, что концепция Поппера является следствием ничем не оправданной гипертрофии действительного статуса научных законов.

Остановимся вначале на проблеме общности законов.

Рассмотрим два непустых множества A и B . Допустим, что первое состоит из трех красных шариков, второе — из десяти, среди которых три красных, пять белых и два синих. Высказывание «Все шарики, входящие в A , красные» является общим, и притом наиболее общим по отношению к цветовым особенностям элементов A . Высказывание «Элементы, входящие в B , имеют красную, синюю или белую окраску» также является предельно общим для множества B . Можно ли сказать, что второе из них превосходит первое степенью общности на том основании, что A может рассматриваться как подмножество B ? Ответ требует осторожности.

Если A рассматривается как самостоятельное множество, то оба высказывания обладают равной степенью об-

жности в пределах соответствующих множеств. В этом случае степень общности не зависит от числа элементов в множестве.

Если рассматривать A как подмножество B , то степень общности данных высказываний можно опять-таки считать равной, если учитывать, что второе относится к множеству B целиком, тогда как первое — лишь к его фиксированной части. Второе высказывание истинно лишь по отношению к B как целому. Распространить его на подмножество из трех красных шариков нельзя, ибо это подмножество одноцветно, и в применении к нему данное высказывание ложно.

Напротив, высказывание «Существуют шарики красного цвета» истинно в применении к множеству B в целом. Но по своей логической форме оно является не общим, а частным или экзистенциальным. В случае конечных множеств все приведенные примеры общих и частных высказываний тривиальны. Действительные логические проблемы возникают при переходе к бесконечным множествам.

Рассмотренные нами высказывания не являются законами, но обладают законообразной формой.

Несмотря на высокую степень общности, не являются законами и такие относящиеся к конечным множествам исторические утверждения, как «Все короли династии Бурбонов имели орлиный нос», «Все великие князья дома Калиты были Рюриковичами» и т. п.

Введем понятие законообразного высказывания.

Для законообразных высказываний характерны следующие общие черты.

1. Законообразные, или законоподобные, высказывания могут быть представлены в форме условных предложений — так называемых генеральных импликаций. Для всех единичных переменных $x_1, x_2 \dots x_n$ (вместо которых могут быть подставлены названия конкретных предметов) имеет место утверждение: «Если $x_1, x_2 \dots x_n$ включены в отношение R , то они включены и в отношение Q ». Так как свойство представляет собой частный вид отношений, то из данного утверждения может быть получено следствие: «Если $x_1, x_2 \dots x_n$ обладают свойством P , то они обладают и свойством N ». Именно такую форму имеют законы физики, химии, астрономии и т. д. Приведенные ранее высказывания о красных шариках могут быть в логически корректной форме записаны так: «Если какой-либо предмет принадлежит к множеству A (свойство

быть шариком из данного множества), то он обладает красным цветом».

2. Законообразные высказывания являются предельно общими для данной фиксированной предметной области, которая может быть конечной или бесконечной. При этом к практически (т. е. не математически) бесконечным можно относить предметные области, включающие столь большое число элементов, что наличными средствами и в обозримых интервалах времени люди практически не могут манипулировать всеми их элементами или группами элементов.

3. Законообразные высказывания в гносеологическом плане, т. е. с точки зрения познавательных функций, выделяют и фиксируют лишь необходимые и существенные устойчивые связи и отношения между элементами и компонентами соответствующей предметной области.

4. Наконец, последняя характерная черта законообразных высказываний, редко обнаруживаемая в явной форме, заключается в том, что они должны сопровождаться условиями, указывающими временные и пространственные границы их значимости и действия. Во многих естественнонаучных законах эти условия в явной форме не формулируются, что порождает иллюзию их полного отсутствия. Не выявлены они и в приведенных ранее примерах с цветными шариками.

Почему же рассмотренные нами высказывания, будучи законообразными по форме, не являются законами? Во-первых, потому, что они относятся к конечным множествам, и притом содержащим относительно небольшое число элементов. Во-вторых, как следствие этого, потому, что зафиксированные в высказываниях о цветных шариках свойства и отношения могут быть установлены путем простой индукции через перечисление конечного числа наблюдений. Познавательное назначение законов заключается в том, чтобы давать достоверные, правдоподобные или в высшей степени вероятные знания о еще неизвестных, не наблюдавшихся, не открытых или не созданных феноменах. Высказывание «Все тела, свободно падающие вблизи поверхности Земли, проходят путь, который можно вычислить с заданной точностью по формуле $S = \frac{gt^2}{2}$ », является законом, потому что удовлетворяет всем условиям законообразия, относится ко всем, как известным, так и неизвестным, случаям падения, включая те, которые произойдут в будущем. Точно так

же законом исторического материализма является высказывание «Качественное изменение экономического базиса влечет за собой разрушение старой и создание новой идеологической надстройки».

Следует подчеркнуть, что в формулировках приведенных законов отсутствуют в явной форме указания на пространственно-временные границы их применимости. Тем не менее такие границы существуют. Закон свободного падения действует лишь вблизи поверхности Земли, причем в различных местах нашей планеты точное значение гравитационной постоянной g меняется. Возможно, что не только значение этой постоянной, но и сама форма закона окажется другой, если свободное падение будет изучаться в других ситуациях. Законы физики, кроме того, ограничены и во времени. Чтобы заметить это, необходимо рассматривать лишь достаточно большие временные интервалы, несопоставимо большие, чем время действия любого закона истории. Это подтверждается и современными космологическими моделями эволюции Вселенной.

Для иллюстрации сошлемся на пятиэтапную космологическую модель, рассмотренную Ходжем¹. Согласно этой модели, первый этап (эра «хаоса») длился 10^{-44} сек. Второй этап («эра адронов») длился около 10^{-5} сек. Плотность вещества в начале этого этапа достигала 10^{94} г/см³, а в конце — 10^{14} г/см³. Третий этап («эра лептонов») длился 10 сек., четвертый («эра излучения») — около миллиона лет, и, наконец, около 10 миллиардов лет назад наступил пятый этап, продолжающийся до сих пор.

Разумеется, эта модель весьма гипотетична и не является единственно возможной, но, поскольку она основана на определенных эмпирических данных и теоретических расчетах, к ней можно отнестись достаточно серьезно. Как бы то ни было, эта и другие возможные модели заставляют считать, что современные законы физики и астрономии действовали не всегда. Они сами возникли и сформировались, по-видимому, лишь в конце четвертого и на протяжении пятого этапа. Это показывает, что и законы физики относительно ограничены временем и пространством. К тому же не исключена эволюция Вселенной и на последнем из пяти этапов, а следовательно, не исключены и определенные изменения объективных физических законов, и возможность их модификации на различных этапах и в различных местах Вселенной.

¹ См.: Ходж П. Революция в астрономии. М., 1972 (особенно гл. 5).

То обстоятельство, что законы механики, физики, химии и астрономии применимы в очень широких пространственных и временных интервалах, не делает их безгранично применимыми, универсально общими и неизменными. Проще говоря, множество явлений, процессов, событий и т. д., подпадающих под их действие, чрезвычайно велико, а их изменения ничтожно малы не только в сравнении с периодом существования человечества, но даже Земли, а быть может, и солнечной системы. Тем не менее еще раз приходится напомнить, что любой закон ограничен своей предметной областью, возникает, существует, изменяется и исчезает вместе с ней и в ее же границах обладает предельной общностью.

Вернемся теперь к попперовским возражениям против самой логической возможности законов эволюционирующих систем. Вначале о законах биологической эволюции. Если жизнь на Земле уникальна (а это еще нужно доказать), то, по мнению Поппера, неверно говорить о законах ее эволюции, так как, например, все биологические виды последовательно вымирают или трансформируются. Отдельные регулярности их поведения, внутри- и межвидовых отношений, взаимодействия с окружающей средой и т. д. возникают и исчезают вместе с ними. Эти регулярности, следовательно, не имеют места в настоящее время и не являются законами биологии, точнее, биологической эволюции.

Такое рассуждение в корне неверно. Из того, что законы механики, релятивистской физики или атомной физики ограничены в том или ином смысле, в том числе пространственно-временными границами, не следует, что они перестают быть законами внутри этих границ. Законы развития динозавров не действуют сейчас, но они действовали на протяжении многих миллионов лет. Им подчинялись сотни миллионов, а быть может, и миллиарды особей. В свое время законы эти действовали достаточно долго и могли бы казаться вечными, как могут нам казаться вечными кеплеровские законы движения планет солнечной системы. На это можно возразить, что законы, аналогичные кеплеровским, будут иметь место в любой аналогичной планетарной системе. Однако и законы развития динозавров будут иметь силу везде, где будут существовать (если, конечно, будут) животные, сходные с динозаврами. Чем больше окажется их сходство, тем точнее будут воспроизводиться эффекты данных законов.

Следует также заметить, что утверждение об уникальности биологической эволюции затемняет существо дела. В XVII веке солнечная система считалась уникальным явлением. Тем не менее ни Кеплер, ни Галилей, ни их последователи не считали законы Кеплера простыми регулярностями или «тенденциями». Тот факт, что эти законы фиксируют периодически повторяющиеся явления внутри уникальной системы, что они представляют собой знания о внутренне необходимой связи между альтернативными явлениями (неподвижное солнце и движущиеся планеты), как раз и создает основание для придания формулам, открытым Кеплером, статуса законов науки. Точно так же и законы биологической эволюции фиксируют связи между отдельными особями, видами, типами и классами живых существ и организмов. Конечно же, ни один серьезный ученый-биолог не откажется от изучения законов эволюции лишь на том основании, что они не отвечают попперовским критериям вечности, пространственной неограниченности и ненормированной повторяемости систем жизни.

Возвратимся к концепции исторических законов.

Законы истории могут действовать и обнаруживаться в разных пространственно-временных интервалах, охватывая различные по своему значению и характеру исторические события, ситуации и процессы. Закон последовательной смены общественно-экономических формаций, являясь законом всемирной истории, действует на всем протяжении развития человечества, но обнаруживается с известными вариациями, допуская различные социальные трансформации и отклонения. Имеются весьма многочисленные, специфические для отдельных стран и формаций, исторические закономерности, не действующие в других социально-экономических и культурных условиях, но более или менее отчетливо прослеживаемые в тех ситуациях, которыми они порождены и которыми они «управляют». Закономерностью для антагонистических формаций, например рабовладельческой, является то, что обезземеление свободных крестьян, связанное с развитием долгового рабства и созданием крупных латифундий, приводит в конечном итоге к снижению боеспособности армии, падению нравственности, уменьшению патриотизма и т. п. Разумеется, такие закономерности также проявляются не сразу, а их осознание часто происходит с большим запозданием. Так как в человеческом обществе действует множество закономерностей, то людям пред-

ставляется известная возможность, опираясь на одни из них, так или иначе ограничивать или уменьшать негативное действие других. Примерами такого противодействия применительно к только что упомянутой закономерности являются имевшие место в древних Ассирии, Египте и Греции попытки ликвидировать долговое рабство, прекратить процесс обезземеления свободных крестьян или наделить воинов земельными участками. В данном случае мы имеем дело с ограниченной исторической закономерностью и вправе ожидать, что при проведении соответствующих исторических исследований применительно к новому культурно-экономическому региону наличие предпосылок данной исторической закономерности позволит обнаружить ее аналогичные следствия. Именно это обстоятельство позволяет историку строить поисковые гипотезы, необходимые для сбора, оценки, классификации и анализа эмпирического материала.

Не дело эпистемолога открывать и формулировать законы истории. Это является задачей историков. Эпистемология должна лишь ответить на вопросы: возможны ли такие законы и в чем их сходство и отличие в сравнении с законами естествознания, в частности с законами физики и биологии?

Прежде всего законы истории, как и законы любой науки, должны удовлетворять четырем условиям, сформулированным в начале этой главы. Исторические законы могут создаваться как эмпирические обобщения исторических фактов или же как утверждения, подтверждаемые или опровергаемые такими фактами. В этом смысле они не отличаются по логической структуре и гносеологическим функциям от любых других законов, за исключением разве лишь того обстоятельства, что временные интервалы и пространственные области здесь гораздо более ограничены.

Далее, исторические законы — это законы развития, законы направленных, ориентированных во времени и необратимых процессов. В этом смысле они отличаются от большинства законов физики — именно от большинства, но не от всех, ибо термодинамические процессы также необратимо направлены, а космологический процесс, физический по своей природе, является процессом развития и, следовательно, происходит в соответствии с законами развития. Законы истории обладают некоторыми сходными чертами и с законами биологической эволюции, которые также представляют собой законы развития. Сход-

ство это ограничивается тем, что человек является продуктом эволюции, но его жизнедеятельность подчиняется прежде всего социальным закономерностям исторического развития.

Третий момент, характеризующий законы истории, определяет их особое место внутри общего семейства законов науки и противопоставляет законам естествознания. Историческое познание выделяет в истории как в своем объекте особый предмет — изменение и развитие во времени социально значимой и целенаправленной деятельности людей. Законы истории являются теоретическим отражением этого предмета в особых логических структурах. Законы физики и биологии фиксируют необходимые и устойчивые связи в природе, абстрагируясь от деятельности человека, а если и учитывают ее, например, в квантово-механической теории измерения, то лишь как гносеологическое условие познания, но не превращают в основной предмет познания. Законы политической экономии, психологии, этнографии и т. п. также относятся к различным видам целенаправленной деятельности людей или ее отдельным сторонам. Дело не просто в том, что история рассматривает все эти стороны в единстве, комплексно. Действительно, нет исторических законов, которые бы не были вместе с тем экономическими, социологическими, психологическими, культурологическими или этнографическими. Речь, в сущности, идет о построении различных теоретических схем, включающих соответствующие абстракции социологических, экономических, психологических и других отношений, взятых в различных срезах. Если этот срез преимущественно динамический, то соответствующие ему законы оказываются историческими; если же срез преимущественно функциональный, мы имеем дело с законами специальных общественных наук¹. В конечном счете не существует исторической

¹ Здесь приходится говорить о «преимуществах» динамического или функционального аспекта, так как любые законы социальной реальности включают в себя оба эти момента, и речь, следовательно, идет об исходной методологической (в широком смысле) установке, определяющей и регулирующей содержание и цель исследования. Так, законы капиталистического производства и товарообмена, стимулировавшие создание общероссийского рынка, выступают как функциональные для ограниченного интервала времени, как регулирующие определенные повторяющиеся экономические процессы. Те же самые законы, показал В. И. Ленин, являются историческими, поскольку они обусловили развитие капитализма в России как особой общественно-экономической формации (в более длительном временном интервале).

деятельности, которая не была бы вместе с тем политической, экономической, культурной, правовой и т. п.

Наконец, еще одна специфическая черта исторических законов, характеризующая их содержание, состоит в том, что все они фиксируют в той или иной форме структуру исторической реальности. С большей или меньшей степенью отчетливости каждый закон истории фиксирует основные типы отношений, совокупность которых и образует эту структуру. Таким образом, создается возможность «сочленения» законов истории и исторических фактов в общей системе исторического познания. Абстрактное положение, приписывающее закону функцию синтеза знаний, обретает здесь конкретный смысл. Исторические факты, фиксируя отдельные типы отношений в форме единичных и частных описаний, используются для построения теоретических схем, выражающих особые регулярности в историческом развитии. Дальнейшее движение познания приводит к следующему этапу — формулированию исторических законов, охватывающих такие схемы и лежащие в их основе исторические факты.

2. Историческое объяснение и исторический закон

Вопрос о сущности объяснения как особой познавательной процедуры является одним из центральных вопросов эпистемологии вообще, исторической в особенности¹. Принято считать, что объяснение, предсказание и систематизация образуют главные познавательные функции теоретических знаний, и прежде всего строгих дедуктивных теорий. Применительно к историческому познанию этот тезис приобретает особую важность, так как исторические науки, в отличие от естественных, осуществляют свою предсказательную функцию особым образом, в контакте с другими социальными дисциплинами.

Процесс объяснения и его познавательная сущность по-разному понимаются наукой и здравым смыслом. Иногородний житель, попавший в Москву, может обратиться к москвичу с просьбой: «Объясните мне, пожалуйста, как пройти на Красную площадь». Он может

¹ О современном состоянии вопроса см.: Порк А. А. Проблема объяснения в англоязычной философии истории (70-е годы). — Тезисы докладов межвузовской конференции «Современные проблемы философии истории».

услышать любезный ответ: «С удовольствием объясню. Пройдите так-то и так-то». В действительности здесь мы имеем дело с описанием маршрута или последовательности действий. В последнем случае можно говорить о нормативном единичном предписании (оно обычно имеет форму: «в данных обстоятельствах поступайте так-то и так-то») или об определенном правиле движения (оно имеет форму: «чтобы попасть в данный пункт, следует поступать так-то и так-то»). Здесь понятия «объяснение», «описание», «предписание», «правило» оказываются синонимами.

Подлинная проблема объяснений возникает, когда мы выделяем особый процесс, не подпадающий под понятия «описание» и «предписание». В самом общем виде можно сказать, что объяснение есть процедура, фиксирующая причины, факторы, основания или в особых случаях способ образования данной ситуации, события или процесса. Именно в таком значении понятие «объяснение» рассматривается в современной философии науки, а также и в исторической эпистемологии. При этом следует четко различать объяснения и причинные описания¹.

Поставив эксперимент по определению прочности стальной нити, можно зафиксировать его результат в предложении: «Стальная нить диаметром 0,01 см в таких-то условиях разорвалась после того, как на нее был подвешен груз такого-то веса». В этом предложении содержится как описание причины (подвеска определенного груза), так и описание следствия (разрыв нити). Однако, располагая причинным описанием, мы еще не можем ответить на вопросы, почему вообще нить разорвалась, почему дело не ограничилось простым ее растяжением, почему нить из другого, более прочного сплава выдерживает такой же груз без разрыва и т. д. Причинные описания, следовательно, не идентичны объяснению. Ученый будет удовлетворен лишь в том случае, если сможет получить соответствующее объяснение. Для этого необходимо сформулировать следующие эмпирические законы: «1. Если нить сделана из стали данного сорта и имеет диаметр 0,01 см, то она может выдерживать не больше такой-то и такой-то нагрузки. 2. Если в металлической нити такого-то диаметра, сделанной из данного сплава, наступают такие-то и такие-то молекулярные процессы, то она разрывается».

¹ См.: *Ракитов А. И.* Курс лекций по логике науки. М., 1971.

Объединив вместе первый эмпирический закон с предыдущим причинным описанием, мы получим причинное объяснение. Порознь ни сам по себе закон, ни причинное описание такого объяснения не дают. Объяснение, полученное указанным способом, отвечает на вопрос, почему порвалась нить. Более того, оно дает информацию о том, как будут себя вести аналогичные нити во всех подобных случаях, т. е. одновременно оно выполняет и роль причинного предсказания. Более глубокое объяснение может быть получено, если мы воспользуемся вторым законом и дополнительными наблюдениями. В этом случае можно будет установить, что подвеска соответствующего груза вызвала молекулярные процессы, предусмотренные во втором законе, что и привело к разрыву нити. Такое объяснение может быть названо структурно-причинным или просто структурным, так как оно вскрывает внутренний механизм изучаемого процесса.

Е. Топольский предполагает следующую классификацию исторических объяснений: 1) посредством описания (дескрипционное); 2) посредством установления генезиса (генетическое); 3) посредством нахождения места в структуре (структурное); 4) посредством определений (дефинитивное); 5) посредством выяснения причин (каузальное)¹.

Историк в большей мере, чем физик, математик или геолог, связан с повседневной языковой практикой: во-первых, язык исторической науки до сих пор не поддается полной формализации, а во-вторых, богатство и разнообразие изучаемых историком феноменов едва ли может быть описано в какой-нибудь искусственной языковой системе. Естественно, что и термин «объяснение» историки нередко употребляют так, как это принято в естественном языке. Кроме того, историкам приходится применять процедуры объяснения не только при рассмотрении объектов исторического знания, но и в процессе специального анализа объектов исследования. Напомним, что для исторического познания различение этих типов объектов довольно существенно.

Историк должен объяснять происхождение, состав и структуру источников. Ему приходится объяснять три рода понятий и языковых структур: те, которыми пользуется он сам; те, которыми пользовались составители

¹ *Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1973.*

источников; наконец, те, которыми пользовались описываемые источниками, а следовательно и самим исследователем, исторические персонажи. Поскольку семантика (значение) таких понятий, как «император», «феод», «холоп», «раб» и т. д., во всех трех случаях может быть неодинаковой, историку приходится прибегать к процедуре, подобной объяснению, и тогда, когда речь идет об объективных явлениях (таких, как войны, революции, аграрные реформы, движение цен и т. п.), и тогда, когда речь идет о различии концептуальных схем и отдельных понятий. Все эти случаи не следует отождествлять, пользуясь одним термином «объяснение». Семантическая интерпретация термина и смысловой анализ концептуальных схем далеко не то же самое, что объяснение объективных исторических явлений. Поясним эти различия, используя примеры Е. Топольского.

Говоря о дескрипционном объяснении, он обращает внимание на его сложность, ибо оно должно отвечать и на вопрос «что произошло» и на вопрос «почему произошло». Спросив о том, что представлял собой политический строй Англии во второй половине XVII века или какова была политика Франции по отношению к США после второй мировой войны, мы можем получить в ответ простое или развернутое описание явления или же описание последовательности событий. Примером дефинитивного объяснения может быть ответ на вопрос о том, что такое Долгий парламент или Крымская война. При семантическом анализе исторических понятий ответы на подобные вопросы часто рассматриваются как объяснения. Однако с эпистемологической точки зрения они являются таковыми не более, чем ответ на вопрос, как пройти к Красной площади. Разумеется, описание политического строя Англии во второй половине XVII века само по себе не просто, оно предполагает ряд предшествующих исследований и наличие определенных теоретических и концептуальных схем. Точно так же разъяснение семантики наименований «Долгий парламент» или «Крымская война» должно включать указания на их возникновение, случаи их применения, степень общепринятости, распространенности и т. п. Тем не менее в точном эпистемологическом смысле мы не имеем здесь дела не только с объяснением объективного исторического явления, но и с объяснением вообще.

Действительная эпистемологическая проблема исторических объяснений заключается не столько в анализе

концептуального аппарата историка или источника, сколько в объяснении самого объективного исторического процесса и включенных в него ситуаций, событий и действий, масс и индивидуальных персонажей. Для того чтобы быть научным, такое объяснение должно быть рациональным в смысле определений, изложенных нами в первой части книги. Заметим попутно, что объяснение отнюдь не всегда удовлетворяет критериям рациональности. В системах ненаучного знания, например в системе магической или религиозной деятельности, так же как и в деятельности чисто индивидуальной, не общезначимой, на каждом шагу встречаются иррациональные объяснения.

Историческое объяснение должно отвечать критериям рациональности. Хотя сами типы рациональности по мере превращения профессионального исторического познания в историческую науку менялись, они все же имели один постоянный общий пункт: объяснение, удовлетворяющее критериям рациональности, должно осуществляться в соответствии с осмысленными, ориентированными на познание исторической действительности правилами, эталонами и стандартами. Следовательно, в основе научного объяснения должны лежать некоторые специальные правила. Но какие именно? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует обратить внимание на одно важное эпистемологическое различие.

Дело в том, что термин «правило» часто включает в себе некоторый оттенок условности и субъективности. Правила салонных игр, спортивных состязаний, так же как и правила этикета, в высшей степени условны и в момент их создания даже произвольны. Со временем, став общезначимыми, такие правила приобретают налет чего-то устойчивого. Тем не менее это не делает их совершенно объективными, не зависящими от воли и сознания людей, хотя зачастую правила многих видов деятельности возникают и изменяются стихийно в процессе бессознательного творчества на протяжении многих десятилетий и столетий. Нередко можно услышать возражения против любых попыток рассматривать законы наук как правила. При этом обычно забывают, что многие правила, например правила естественных языков, по сущности и характеру регулируемых ими процессов вполне соответствуют понятию объективного закона.

В широком смысле слова правила совсем не обязательно должны быть продуктами человеческой деятель-

ности и являются таковыми лишь в частных случаях. Поэтому при определенном подходе законы науки могут пониматься и рассматриваться как правила. В самом общем виде правила отличаются от конкретных предписаний, требующих выполнения строго определенных действий в строго определенной ситуации, тем, что указывают на типовые наборы действий в типичных ситуациях. Законы естествознания могут рассматриваться как правила, «написанные» природой¹.

Если речь идет о законах развития и функционирования общества, то их можно рассматривать как своего рода объективные правила, регулирующие социальную деятельность людей независимо от их воли и сознания. Исторические законы также выполняют регулятивные функции. Это нисколько не противоречит тому факту, что история есть целенаправленная деятельность людей. Ф. Энгельс в известном письме к Й. Блоху отмечал, что процесс истории может быть представлен как особая равнодействующая, множество различных «параллелограммов сил» или целей. Люди преследуют каждый свои цели. Конечный результат их усилий как раз и выступает в качестве такой равнодействующей, не совпадая ни с одной из частных целей². Исторический закон, подчиняясь общему требованию принципа историзма, и должен фиксировать эту внутреннюю противоречивость исторической деятельности, рассматривая ее как единство субъективного (целенаправленного) и объективного.

Рациональное историческое объяснение в соответствии с концепцией рациональности оказывается, таким образом, процедурой «связывания» теоретического знания в форме закона истории с эмпирическим знанием в форме исторического факта. Эта на первый взгляд тривиальная формулировка содержит в себе ряд «подводных камней». Чтобы обнаружить их, следует подвергнуть критическому анализу основные буржуазные логико-методологические концепции исторического объяснения.

Хотя литература по проблеме исторического объяснения обширна, а существующие точки зрения разнообразны, их можно свести к трем основным концепциям:

¹ Именно в этом смысле понимаются законы в рамках материалистической философской традиции, идущей от Галилея, говорившего, что книга природы написана на языке математики.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 395—396.

1. Схема рационального объяснения, предполагающая использование охватывающих законов.

2. Схема объяснения через указание рационального мотива.

3. Схема интуитивного понимания, индивидуального вживания в образ исторического персонажа.

Переходя к изложению и критическому анализу этих концепций, мы не стремимся дать их детальный обзор, а также затрагивать полемику, которая велась и ведется зарубежными философами и историками, придерживающимися различных точек зрения, поскольку они подробно освещены в ряде работ советских авторов¹. Задача, которую мы ставим сейчас перед собой, состоит в поисках правильного решения данной проблемы.

3. Историческое объяснение и исторический закон (Продолжение)

Попытаемся сначала ответить на вопрос, имеется ли какое-нибудь положительное содержание в основных концепциях исторического объяснения, перечисленных в конце предыдущего параграфа.

Первая из них, связанная с применением так называемых охватывающих законов, обычно называется моделью Гемпеля — Оппенгейма². В своем первоначальном изложении концепция охватывающих законов исходила из признания принципиальной идентичности процесса объяснения в естественных и исторических науках. Объяснение по своей логической структуре отождествляется здесь с предсказанием, а отличие этих двух познаватель-

¹ Изложение и критический анализ основных концепций исторического объяснения, получивших распространение в современной буржуазной философии и методологии истории, содержится в следующих работах: *Кон И. С.* К спорам о логике исторического объяснения (Схема Поппера — Гемпеля и ее критики). — *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969; *Скворцов Л. В.* История и антиистория. К критике методологии буржуазной философии истории. М., 1976; *Лооне Э.* Современная философия истории. Таллин, 1980 (в последней работе содержится подробный критический обзор так называемой аналитической философии истории в целом).

² *Hempel C. G., Oppenheim P.* Studies in the Logic of Explanation. — *Philosophy of Science*, 15 (1948), № 2, p. 135; *Hempel C. G.* Function of General Laws of History. — *The Journal of Philosophy*, 1942, v. 39, № 1, p. 35—48; см.: *Гемпель К.* Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении. — *Философия и методология истории*. М., 1977.

ных процедур связывается лишь с различными временными интервалами, относящимися соответственно к прошлому и будущему, и с наличием или отсутствием объектов. При этом наличием считается объект, который существовал ранее и описание которого сохранилось до настоящего времени, а также объект, существующий в момент, когда дается объяснение. Именно эта модель, разработанная лидерами логического позитивизма, лежит в основе учения о симметрии объяснения и предсказания.

Схема объяснения, согласно данной модели, такова. Имеется две группы предложений. Одна из них включает описание наблюдаемых причин и следствий; другая состоит из набора законов, или, как предпочитает говорить К. Гемпель, «универсальных», охватывающих гипотез, которые относятся к данной предметной области и должны с необходимостью объяснять все возможные события и явления из этой области. Процедура объяснения выглядит следующим образом. Из набора описаний исторических событий и действий, взятых в связи с универсальными гипотезами (охватывающими законами), логически выводится некоторое множество следствий. Если эти следствия соответствуют реальным историческим событиям, то последние считаются объясненными. Понимая, что абсолютно строгое выполнение такой процедуры в случае исторического объяснения почти невозможно, поскольку для этого требуется огромное количество универсальных гипотез и описаний единичных данных или исторических фактов, Гемпель смягчил свои требования к логической строгости, введя так называемые объяснительные скетчи. Это, по существу, смягченный вариант модели, в котором логические требования реализуются весьма приблизительно, как принципиальные установки, детальное выполнение которых необязательно. Но даже с такой поправкой данная концепция являлась на Западе на протяжении многих лет объектом острой критики, основные аргументы которой можно свести к следующим положениям.

1. Бесконечное (в практическом смысле) множество индивидуальных исторических событий нельзя объяснить с помощью конечного числа универсальных гипотез, ибо, в отличие от событий физических, исторические события не могут быть объединены в группы явлений, тождественных для переменных, которые входят в формулировки гипотез.

2. Не только бесконечное, но и просто очень большое число универсальных гипотез не может найти практическое применение при построении соответствующей системы объяснения; обойтись же относительно небольшим числом таких гипотез в историческом объяснении невозможно из-за сложности объектов.

3. Не существует вообще адекватных и объективных законов истории. Те законы, которые существуют и общепризнанны, относятся к экономике, психологии, лингвистике, технологии и т. п., но не являются собственным достоянием исторической науки. Короче говоря, данный тип объяснения невозможен из-за отсутствия в историческом познании универсальных гипотез и теорий, регулирующих необходимые правила и гарантирующих надежность и адекватность выводов.

4. Цель исторического объяснения — познание индивидуальных поступков и решений отдельной неповторимой личности в неповторимой ситуации. Процедура объяснения, как процедура рациональная, вообще не годится для достижения этой цели, поскольку опирается на признание типичных правил, типичных ситуаций, типичных действий и охватывающих их общезначимых объективных законов. Все они не способны достаточно полно отразить историческую индивидуальность.

Эти возражения, по существу, сводятся к тому, что концепция охватывающих законов не учитывает специфики исторических объяснений и исторического познания вообще. Хотя в целом этот упрек справедлив, за ним стоит глубокая антисциентистская ориентированность большинства западных философов, методологов и историков, с нескрываемой антипатией относящихся к любым попыткам включить в структуру исторического познания объективные законы и гипотезы.

Буржуазные критики модели Гемпеля — Оппенгейма, подчеркивая ее крайний логический формализм, не замечают того, что вместе с грязной водой они выплескивают из ванночки и ребенка. Существо разногласий заключается на самом деле не в том, насколько точно применима данная модель в каждом отдельном случае, ибо это не вопрос принципа, а вопрос исследовательской техники. Действительная же принципиальная методологическая проблема состоит в признании или отрицании объективных законов исторического развития в качестве основания процедуры исторического объяснения. Именно в этом пункте ученые, стоящие на позициях истори-

ческого материализма, расходятся как с Гемпелем, так и с его буржуазными критиками, поскольку первый не понимает подлинной объективной природы исторических законов, а вторые отрицают само существование таких законов.

В качестве альтернативы концепции охватывающих законов в западной методологии исторического исследования была выдвинута концепция рационального объяснения. Она апеллирует к так называемым рациональным мотивам поведения и связана главным образом с именем У. Дрея¹. Целью историка, считает он, не является объяснение сугубо индивидуальных поступков и действий. Гораздо важнее объяснить социальные изменения, причины возникновения и развития социальных институтов. Сама задача объяснения возникает тогда, когда историк испытывает определенные трудности в связи с нехваткой или противоречивостью информации о прошлом. Для устранения конфликтной ситуации он должен предположить, что исторические персонажи принимают свои решения и осуществляют свои поступки, руководствуясь определенными вполне рациональными мотивами, целями и правилами решений. Историк должен восстановить эти цели, мотивы и правила, пользуясь методом аналогии с мышлением современного человека, но не забывая при этом об ограниченности любых, и особенно исторических, аналогий.

Если, например, армия некоего короля потерпела поражение и его решение предпринять определенные действия, приведшее к поражению, представляется нам теперь ошибочным, то это еще не значит, что оно не было рациональным. Вполне возможно, что он руководствовался доступной ему информацией о тогдашней ситуации и определенными представлениями о военной стратегии и тактике, преследовал вполне разумные цели и осуществлял точные, как ему казалось, военные расчеты. Восстановить весь сложный механизм, если для этого имеются хоть малейшие основания, а не ограничиваться простым утверждением, что линия поведения данного короля была неразумной, как раз и означает указать рациональные мотивы и основания исторической деятельности.

Сам Дрей, подчеркивая ограниченность концепции

¹ *Dray W. Laws and Explanation in History. L., 1957; Dray W. Philosophy of History. N. Y., 1964; см.: Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке.— Философия и методология истории. М., 1977.*

охватывающего закона, не считал свою собственную точку зрения полноценной альтернативой, а рассматривал свою позицию как гуманистическую версию исторического объяснения, которая должна дополнять указанную концепцию в тех случаях, когда она оказывается непригодной. Но когда именно она оказывается непригодной, остается не вполне ясным. Зато сами взгляды Дрея отчетливо демонстрируют свою непригодность и ограниченность во многих случаях, подлежащих историческому объяснению. В примере с неудачливым королем модель рационального объяснения Дрея более или менее «работает», однако в других случаях она дает сбой.

Известно, например, что в разных странах на разных стадиях развития исчезло, было отменено и перестало существовать крепостное право. При этом в ряде стран этот процесс происходил «зигзагообразно» (вспомним так называемое вторичное закрепощение в странах Восточной Европы, отчасти связанное с развитием капиталистического текстильного производства в странах Западной Европы, и особенно в Англии). Однако, несмотря на различные рациональные мотивы, расчеты и планы отдельных деятелей и государственных институтов, на сегодняшний день можно говорить о факте полного исчезновения крепостничества в собственном смысле слова. При всем различии мотивов и оснований человеческой деятельности это можно объяснить только единством некоторых общих социально-экономических исторических законов. Модель Дрея либо совсем не предусматривает учет таких законов, либо предусматривает в крайне малой степени.

Концепция исторического объяснения, понимаемого как реконструкция рациональных мотивов, целей и правил действий, не может использоваться для объяснения функционирования общества в целом и исторических социальных институтов. Подход Дрея пригоден лишь для реконструкции отдельных целенаправленных действий как сторон исторических «параллелограммов сил» (вспомним письмо Энгельса к Блоху), но оказывается непригодным для объяснения исторической равнодействующей. Критики этой концепции справедливо подчеркивают, что даже при реконструкции рациональных оснований отдельных социально значимых исторических решений и действий (например, решений злополучного короля) историку приходится апеллировать к некоторым неявно допускаемым законам (например, к законам

логики решений, теории предпочтений и т. п.). Правда, такие законы осознаны и сформулированы лишь в наши дни, но как рациональные основания действий они объективно имели место в реальной истории задолго до их осмысления.

Наконец, следует остановиться на концепции интуитивного понимания, психологического вживания в образ исторического персонажа. Эта концепция, выдаваемая за специфически историческую форму объяснения, связана с развитием исторической герменевтики от Шлейермахера до Дильтея и Зиммеля.

Уже Спиноза, занимавшийся библейской критикой, понимал, что анализ древних текстов требует не только превосходного знания вымерших языков с их особой трудноуловимой семантикой, но и умения вжиться в образное и понятийное мышление древних авторов. Впоследствии эта позиция стала развиваться в двух направлениях. Одно из них через Шлейермахера, немецких романтиков, идеалистов привело к появлению тезиса о том, что понимание прошлого возможно лишь через индивидуальное психологическое вживание во внутренний психологический мир исторических персонажей и авторов древних текстов¹. Другое направление было связано с разработкой специальных историко-лингвистических и филологических методов реконструкции подлинного смысла исторических источников².

Дильтей и Зиммель попытались, по существу, синтезировать первый из указанных подходов с юмовской концепцией эмпатии (сопереживания, сочувствия, «вчувствования»), а также с элементами неокантианского рационализма. Дильтей полагал, что историческое познание, как и вообще общественные науки, науки о духе (*Geistwissenschaften*), есть науки *понимающие*, т. е.

¹ Хотя Коллингвуд и подвергал справедливой критике отдельных представителей исторической герменевтики и никогда не причислял себя к этому направлению, он, по существу, нередко придерживался близких к ней принципов, утверждая, в частности, что историк должен вживаться во внутренний духовный мир своих персонажей, переосмысливать и реконструировать его на основе глубокого осмысления. Дрей в своей последней работе не причисляет Коллингвуда к данному направлению, но все же характеризует его позицию в терминах, служащих для описания методов герменевтики (*Dray W. Perspectives of History. L., 1980*).

² Довольно полный обзор основных течений в современной герменевтике и интерпретацию ее как метода исторического познания дает Е. Хофнагель (*Hofnagel E. Einführung in die Hermeneutik. Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1976*).

основанные на интуитивном проникновении в чужое индивидуальное сознание, в том числе и в сознание, отделенное от нас историческим временным барьером. В отличие от них естественные науки есть науки *объясняющие*. Они ограничиваются установлением определенных логических отношений между законами и эмпирическими фактами, не требуя никакого особого проникновения во «внутренний» мир вещей. Понимание, таким образом, оказывается не соотносительным психологическим феноменом объяснения, а чем-то ему противоположным. Хотя Зиммель и пытался в своей «Философии истории» обосновать процесс исторического понимания законами научной психологии, существо дела от этого не меняется.

Концепция интуитивного вживания, даже если освободить ее от преобладающего в ней субъективизма, остается в лучшем случае частным способом психологической реконструкции чужого индивидуального сознания, опирающейся на аналогию между своим и чужим «Я». Но так как это «Я» у всех историков различно, то и реконструкций каждого исторического события и персонажа может быть столько же, сколько и историков. Поскольку же состояния индивидуального «Я» историка могут меняться в зависимости от многих причин (от настроения, возраста, образования, личностных характеристик и т. п.), то историческая реконструкция, понимаемая подобным способом, независимо от желаний автора перестает быть рациональной, т. е. научной.

Краткое изложение и разбор основных концепций исторического объяснения, сложившихся в западной философии истории XX века, показывает их уязвимость и неспособность объяснить с единой точки зрения ни исторический процесс в целом, ни его отдельные фрагменты. Жесткое метафизическое «или» оказывается здесь совершенно неприменимым. Но и простое эклектическое «и» не приближает решения проблемы. Это решение может быть получено лишь в ходе диалектического синтеза на некой единой основе. Такую основу представляет собой *диалектико-материалистический принцип историзма*, реализуемый в рамках научно понятого системного подхода, ориентированного на познание исторической реальности.

Рассматривая историю как динамическую систему со сложной иерархической структурой, мы в состоянии выделить ряд взаимосвязанных уровней, требующих объяс-

нений, различных по своей логической и гносеологической природе. Поясним эту мысль на нескольких примерах.

Объяснение социальной сущности петровских реформ требует обращения к целому ряду исторических закономерностей, как общих, определяющих развитие общественно-экономических формаций, так и более частных, специфичных для истории России. То, что эти реформы имели объективное закономерное основание, были подготовлены самим ходом истории, не вызывает сомнений. Ясно также, что конкретные детали, этапы и последовательность реформ во многом зависели от личности Петра I, характера его сподвижников и того способа принятия решений, который ими практиковался. Наконец, ряд деталей поведения Петра I может быть объяснен психологией данной конкретной личности на основе реконструкции ее внутреннего мира. Такая реконструкция может осуществляться двояким образом: методами художественного воображения, «вживания», психологических аналогий (чаще практикуемых в художественной литературе) и методом научно-психологического анализа личностных характеристик в строгом соответствии с имеющимися историческими источниками.

Очевидно, что в этой процедуре объяснения можно выделить как бы три уровня. Первый из них, охватывающий объяснение основных социальных, экономических, культурных и политических явлений, предполагает в качестве своей логической основы широкое использование законов различных общественных наук — законов, отнесенных к определенной исторической эпохе, соответствующим образом скорректированных и связанных с конкретными историческими фактами.

Второй уровень также предполагает использование ряда объективных законов. По своей природе они носят более частный характер, т. е. являются не регуляторами развития основных социальных структур, но скорее регуляторами отдельных типов социально значимой деятельности. Различия между объяснениями первого и второго уровней отчетливо прослеживаются на примере отмены крепостного права в России. Историческая необходимость этого акта объясняется общими («охватывающими») законами смены формаций, в данном случае переходом от феодализма к капитализму. Объяснение же конкретных форм, мотивов и механизмов осуществления этого акта, а также поведения участвующих в нем исто-

рических персонажей требует обращения к более частным локальным закономерностям, к конкретным сведениям о социально-классовых позициях исторических лиц, их воспитании, личных отношениях, групповых интересах, придворных интригах и т. д. Все эти моменты привлекаются в качестве основания для рациональных объяснений конкретных поступков и акций различных исторических деятелей. Однако из-за того, что закономерности этого типа изучены далеко не полно, историку приходится пользоваться ими крайне осторожно, дополняя там, где это необходимо, точно сформулированные закономерности гипотезами, допущениями и даже нормами здравого смысла. Последние встречаются в структуре рациональных объяснений довольно часто, так как и сами исторические персонажи руководствуются здравым смыслом и историческим опытом своей эпохи, страны и класса.

Наконец, третий уровень связан с необходимостью в большей или меньшей степени учитывать те действия и события, которые, не оказывая решающего влияния на исторический процесс в целом, так или иначе воздействуют на его отдельные звенья. Такие действия и события могут рассматриваться как пересечение практически неограниченного числа взаимодействий, каждое из которых подчиняется какой-либо закономерности. Поскольку достаточно полный или даже представительный набор таких закономерностей указать невозможно, приходится считаться с объективностью исторической случайности. Именно в таких случаях представители концепции «понимающей историографии» апеллируют к интуитивному вживанию, к эмпатии, сопереживанию, к творческому проникновению в мир другого «Я».

Как уже отмечалось, в качестве частного метод вживания в ряде случаев даже оправдан. Однако этот метод не годится для понимания и объяснения таких исторических явлений, как социальная революция, массовые переселения народов, возникновение и крушение мировых религий и т. п. Даже для объяснения совершенно индивидуальных событий он в большинстве случаев оказывается непригодным¹. Человек, желающий выпить чашку

¹ Трудно, например, представить применение методов вживания и идентификации при написании европейским исследователем истории средневекового китайского города. В работе советского синолога Э. П. Стужиной «Китайский город. XI—XIII вв.» (М., 1979) для объяснения определенных исторических феноменов используются

кофе, пытается поднести ее к губам, но внезапно выплескивает на скатерть, так как сосед ненамеренно задел его локтем. Ни в категориях закона, ни в категориях вживания, эмпатии объяснить этот ход событий, могущий иметь и неприятные последствия (вспышка гнева, ответный удар и т. п.), невозможно. Однако рациональное объяснение, указывающее перечень причин, оказывается здесь вполне уместным. Точно так же смерть Петра I, постигшая его в расцвете сил и оказавшая определенное воздействие на последующие события, может быть объяснена без апелляции к историческим законам и без вживания во внутренний мир государя. Известно, что ее причина — простудное заболевание, полученное во время петербургского наводнения. Хотя эта болезнь в конечном счете связана и с характером Петра I (другой государь не стал бы лично участвовать в спасательных работах, подвергая риску свою жизнь), и с биологическими закономерностями (сильное охлаждение вызывает заболевание), соответствующее объяснение может быть получено путем простого перечня причин и характеристик. Можно поэтому согласиться с тем, что реконструкция психологического облика исторических персонажей, групповой и общесоциальной психологии есть лишь одно из условий адекватного исторического объяснения. Однако здесь необходимо существенное ограничение. Сама такая реконструкция должна строиться не на произвольной субъективной эмпатии, а на четко сформулированных допущениях, правилах и детальном изучении исторических источников.

Говоря об историческом объяснении, Р. Аткинсон в книге «Знание и объяснение в истории»¹ противопоставляет моделям Гемпеля — Оппенгейма и Дрея особую модель так называемого нарративного объяснения. Сам нарратив, т. е. историческое повествование, содержит в себе все необходимые механизмы объяснения и не нуждается в привлечении охватывающих законов или принципов рациональной мотивации. В самом обычном смыс-

преимущественно экономические и социально-политические закономерности, взятые в историческом срезе. Можно, пожалуй, говорить о методах герменевтики при истолковании соответствующих средневековых и более поздних китайских источников. Но ни о каких приемах вживания и индивидуальной идентификации исследователя с историческими персонажами здесь нет и не может быть речи.

¹ Atkinson R. F. Knowledge and Explanation in History. An Introduction to the Philosophy of History. N. Y., 1980, p. 229.

ле слова объяснение, считает Аткинсон, представляет собой процедуру ответа на вопрос, задаваемый историком, а поскольку такие вопросы могут задаваться с различных позиций и диктуются историческими интересами, не поддающимися строгому контролю и унификации, то один и тот же нарратив содержит практически неограниченный спектр различных объяснений.

Позиция Аткинсона объясняется заблуждением, возникающим в результате неоправданного игнорирования системного подхода к проблеме. Дело в том, что в самом жанре исторического повествования скрываются две взаимосвязанные, хотя и различающиеся по существу, системы знаний, а следовательно, и объяснений. К первой из них относятся исторические источники, выступающие в форме нарратива. Ко второй — труды по научной историографии, в которых повествовательный жанр нередко маскирует результаты сложной аналитической работы историка, неявно включающей различные модели. Однако по своей внешней форме обе эти системы могут реализоваться в одном и том же жанре.

Нетрудно заметить, что и нарративные источники (например, ранние русские летописи), и исторические исследования, относящиеся к тому же самому историческому объекту и предмету, обладают разной объяснительной мощностью (вспомним, например, описание ранней русской истории С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским). И авторы нарративов-источников, и авторы нарративов-исследований решали разные задачи, ставили разные вопросы, опирались на различные методологии. При этом описание истории авторами исследований существенно отличается от описаний, содержащихся в отдельных источниках. Поэтому можно согласиться с тем, что исходный нарратив дает материал для различных типов и моделей объяснений, но неверно думать, будто бы историческое повествование само по себе исключает рассмотренные ранее модели объяснений.

Сказанное можно резюмировать следующим образом:

1. Разные структуры исторической реальности (события, ситуации и процессы) предполагают использование различных моделей объяснения. Одно из условий выбора пригодной модели определяется тем уровнем, который занимает объясняемое явление в рассматриваемой системе, взятой как целое.

2. Характер и методология объяснения определяются также содержанием соответствующих исследователь-

ских задач. При этом следует различать собственно историческое объяснение (ответ на вопрос историка, адресованный данному феномену) и эпистемологическое объяснение (ответ на вопрос о характере задачи, породившем ее интересе, их идеологическом и методологическом основании). Различные модели исторических объяснений не исключают, а дополняют друг друга в зависимости от конкретных задач, объектов и источников. Применение этих моделей предполагает широкое использование внеисточниковой информации, почерпнутой как из других наук, так и из критически переработанного здравого смысла.

4. К вопросу о структуре и содержании исторического предсказания

Понимание того, что историческое объяснение представляет собой сложную, многоуровневую иерархическую систему, позволяет по-новому взглянуть и на проблему предсказания в структуре исторического знания. Решение этого вопроса, как и ряда других, в значительной мере зависит от социально-классовых и идеологических позиций каждого исследователя. Например, Поппер, как уже отмечалось, настаивает на том, что историческое прогнозирование, называемое им пророчеством, в принципе невозможно. Один из его основных аргументов — невозможность сформулировать законы истории — был критически рассмотрен в первом параграфе. Второй аргумент заключается в утверждении, что невозможно создать прогностический «календарь событий» ближайшего или отдаленного будущего, основанный на знании прошлого. Действительно, самые различные попытки составления даже приблизительных календарей социально значимых событий, отнесенных к сколько-нибудь отдаленному будущему, оказываются, как правило, неудачными. Однако, с нашей точки зрения, социальное и историческое прогнозирование вообще не имеет дела с «календарем событий». Остановимся на этом несколько подробнее.

Посмотрим прежде всего, является ли вообще функция предсказания и прогнозирования главной функцией и задачей любой науки. О том, что подобный взгляд имеет место, свидетельствует следующее утверждение: «Ведь родовым признаком всякого научного познания является его способность к прогнозированию в своей

области. Отрицание этой способности равнозначно отрицанию научности»¹.

Но эта позиция вызывает ряд возражений и требует серьезных уточнений. Даже в области естествознания предсказание и прогнозирование не являются для всех наук само собой разумеющейся функцией. Геолог, опираясь на эмпирические данные и определенные теоретические знания, действительно может предсказать, что в такой-то географической зоне могут быть обнаружены залежи нефти, вольфрама или урана. Однако, строго говоря, это не предсказание будущего, так как залежи этих ископаемых находились в данном месте задолго до предсказания их возможного обнаружения. Геология — наука о Земле, ее геологической структуре и т. д. Геологические предсказания должны были бы касаться будущего Земли. Однако такие предсказания вряд ли можно встретить на страницах геологических трудов. Предсказания же о возможных залеганиях тех или иных ископаемых касаются не будущего Земли, а определенных типов деятельности и планирования геологоразведывательных работ. Поэтому такие предсказания не являются в точном смысле слова геологическими предсказаниями. Еще меньше шансов на предсказание будущего у палеонтологии. Даже если ученый-палеонтолог, опираясь на определенную систему, предскажет, что следует ожидать открытия остатков таких-то и таких-то вымерших животных, он в действительности не предскажет будущее «в своей области», как требуется в приведенной выше цитате.

Приведенные примеры неравноценны. Предсказание полезных ископаемых касается, по крайней мере, вещей, существующих в момент, когда делается прогноз, и могущих существовать в будущем. Животные же, изучаемые палеонтологией, — вымершие существа, и в будущем они существовать не могут. Поэтому уже в сфере естествонаучного предсказания следует различать: а) предсказание открытия явлений, существующих в данный момент; б) предсказание явлений, существование которых целиком относится к будущему. Примером первого рода является предсказание на основе периодического закона Д. И. Менделеева некоторых элементов, которые существовали, но еще не были открыты в мо-

¹ Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978, с. 202—203.

мент, когда был сформулирован закон. Примером второго рода является предсказание, а затем и создание трансурановых элементов, не существовавших в момент предсказания.

Обратимся теперь к исторической науке. Если ее родовым признаком является предсказание будущих событий и притом «в своей области», то трудно понять, как быть с историей первобытного общества, античного мира и средних веков. Ведь все эти области исторического исследования завершены в прошлом в более или менее четких хронологических интервалах. Историк, будь то специалист по истории античной Греции и Рима, средним векам или допетровской России, может, как и любой другой человек, строить прогнозы на будущее, но эти прогнозы не относятся к его собственной научной области и не делаются им как специалистом в данной области.

Приведенные возражения не следует расценивать как отрицание самой возможности предсказания будущего, опирающегося на историческую науку. Напротив, социальное предвидение и предсказание вообще возможны только с учетом научно обоснованных исторических знаний. Чтобы пояснить, каково, на наш взгляд, подлинное логическое основание использования исторических знаний в структуре социального предсказания и прогнозирования, необходимы дополнительные разграничения. Первое из них касается выделения всемирной истории в особую синтезирующую историческую дисциплину. Именно здесь наиболее отчетливо выделяется слой теоретических знаний и объективных законов истории¹. К их числу относятся законы, определяющие основную последовательность возникновения и смены общественно-экономических формаций, взаимодействие базиса и надстройки внутри формации, структуру и содержание социальных революций. Экстраполируя общие закономерности всемирно-исторического процесса на некоторое обозримое будущее, создатели социальной философии марксизма смогли предсказать наступление социалистической революции, возникновение новой, коммунистической формации, развитие мирового революционного про-

¹ Одной из первых систематических попыток выявления основных структур теоретического знания во всемирной истории является коллективная монография: Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.

цесса, всемирное распространение национально-освободительного движения. Вместе с тем логическая структура такого предсказания включает в себя не только знания о прошлом и законах его развития, но и непременно знания о современности и законах ее функционирования. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью внести важное уточнение, касающееся категории «современность».

Анализируя попперовскую «Критику историцизма» и концепцию исторического времени, мы уже отмечали, что современность не может быть представлена точкой на оси времени, а представляет собой определенный, иногда довольно значительный, интервал, границы которого определяются механизмом социальной деятельности. При этом имеется в виду, что мы можем с известной долей условности, но все же достаточно четко разграничить известные нам события и процессы на два частично пересекающихся класса. К первому (назовем его историческим прошлым) можно отнести события и процессы, не оказывающие непосредственного влияния на социальную деятельность в современном обществе, на цели, характер и содержание принимаемых политических и социально-экономических решений. Ко второму (назовем его современностью или ближайшим прошлым) следует отнести события и процессы, которые такое влияние оказывают.

Примерами событий первого класса могут служить Троянская война, описанная в «Илиаде» Гомера, крестовые походы в средние века, убийство герцога Энгиенского по приказу Наполеона и т. п. Знания об этих событиях и процессах составляют содержание исторической науки. Конечно, так или иначе, косвенно, опосредствованно эти события могут влиять на наше сознание и практическую деятельность, но прямого влияния на механизмы социальной деятельности и принятия ответственных решений они не оказывают. Сегодня ни один генеральный штаб не будет серьезно учитывать маршруты крестоносцев, ни одно правительство не направит французским властям ноту протеста в связи с расстрелом герцога Энгиенского.

Напротив, договор о границах, заключенный двумя современными государствами не только десять, двадцать, но даже шестьдесят или сто лет тому назад и не утративший своей силы до сих пор, включен в структуру современности. Он может влиять на механизмы современной деятельности, например на охрану государствен-

ных границ, строительство укреплений, на территориальные притязания, дипломатические переговоры и т. п. Гонка вооружений в империалистических странах, даже если она началась двадцать или тридцать лет назад, может иметь самые пагубные последствия сегодня и в ближайшем будущем. События и процессы подобного рода относятся ко второму классу — современности.

Таким образом, категория «современность» не может быть определена как однозначный хронологический барьер; это конкретный социальный феномен, события и процессы которого могут оказывать на нас влияние сегодня и в обозримом будущем и подвергаться обратному воздействию с нашей стороны. Мы не можем повлиять на ход Троянской войны или предотвратить расстрел герцога Энгиенского, но в состоянии отменить или изменить тот или иной государственный акт, принятый много лет назад и действующий поныне, приостановить или уменьшить гонку вооружений и т. д.

Разумеется, даже события недавнего прошлого, происшедшие неделю назад, вчера, сегодня утром, нельзя изменить. Невозможно повлиять на ход уже завершившегося процесса, имевшего место в самом недавнем прошлом, хотя можно оказывать определенное влияние на продолжающиеся процессы, на их протекание в будущем. Однако не сам факт необратимости событий прошлого и не то обстоятельство, что каждый исторический феномен в большей или меньшей мере уникален, заставляет относить их к историческому прошлому, а не к современности. Основанием такого отнесения является то, что они не оказывают непосредственного влияния на события сегодняшнего дня и ближайшего будущего. Соглашения и договоры, заключенные державами-победительницами после второй мировой войны, продолжают по сей день оказывать заметное влияние на международные отношения и будут влиять на них в обозримом будущем. Аналогичные соглашения, подписанные после первой мировой войны, либо утратили силу, либо оказывают весьма косвенное, опосредствованное влияние на современную политику и на реальные перспективы международных отношений. Соглашения и договоры, провозглашенные и подписанные антинаполеоновской коалицией после победы над Наполеоном, а тем более соглашения, положившие конец семилетней войне, хотя косвенно и продолжают влиять на нас как политические события европейской истории, но не учитываются непо-

средственно в структуре повседневной современной политической практики. Поэтому они не подпадают под категорию «современность». Следовательно, мы вправе сказать, что грань между историческим прошлым и современностью условна, гибка, диалектически изменчива, но тем не менее эта грань существует.

Современность, понимаемая таким образом, может рассматриваться как объект исторического исследования, точнее, как сфера применения метода научно-исторического познания, но она все же не поглощается историческим прошлым.

Уместно напомнить, что основным экономический труд К. Маркса «Капитал» был посвящен исследованию законов функционирования современной ему общественно-экономической формации — капитализма. Точно так же В. И. Ленин посвятил свою работу «Империализм, как высшая стадия капитализма» и ряд примыкающих к ней статей исследованию современной ему стадии капиталистической формации — империализму. В этих работах широко использовались методы исторического анализа и был реализован методологический принцип историзма. Они могут служить источниками ценной исторической информации. Тем не менее главный их пафос — изучение современности, с позиций которой осмысливалось и историческое прошлое. Точный смысл известного замечания Маркса о том, что анатомия человека является ключом к анатомии обезьяны¹, состоит именно в том, что исследование высших и наиболее развитых структур, особенно если речь идет об обществе, позволяет понять, оценить и выбрать наиболее важные характеристики исторически предшествовавших форм развития. Поэтому пресловутое «переписывание» истории каждым новым поколением является не столько результатом субъективности историка, сколько следствием того, что сама современность сдвигается по оси времени, меняя законы своего функционирования и социальное содержание деятельности людей.

Теперь можно уточнить и логическую структуру социально-исторического предвидения. Оно осуществляется по схеме вывода, заключение которого следует из посылок с некоторой вероятностью. Посылки в схеме социально-исторического предвидения включают четыре компонента: законы исторического развития данного соци-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

ального явления; законы его функционирования в настоящее время; соответствующие исторические факты; соответствующие современные факты. Заключение, выводимое из этих посылок, не может представлять собой изложение хронологической последовательности событий, так как оба типа законов, входящие в состав посылок, являются законами развития и осуществления социальной деятельности. Такое предсказание, следовательно, дает вероятностное знание об устойчивых типах и последовательности социально значимой деятельности в определенных временных интервалах, а не о конкретных, точно фиксированных результатах — событиях. В этом состоит еще одно возражение Попперу. Предсказание данного вида действительно не в состоянии дать знание о точно фиксированных во времени событиях, но оно может дать вероятностное знание об основных устойчивых типах и видах социально значимой деятельности. Именно таким было, например, предсказание Ф. Энгельсом первой мировой войны¹ или предсказание В. И. Лениным возможности победы социалистической революции в одной стране.

Содержание социально-исторических предсказаний в силу сказанного существенно отличается от содержания предсказаний в тех естественных науках, где речь идет как раз о предсказании определенных событий и процессов или их отдельных метрических характеристик, а не о предсказании деятельности. Внешнее сходство логической формы часто мешает увидеть эти важные содержательные различия². В свете сказанного можно оценить и значение для социально-исторического предвидения таких исторических дисциплин, как история Древнего Востока, Греции, Рима, средних веков и т. д. Исследуемые ими события не могут в точности или даже в значительной мере повториться в будущем. Но анализ соответствующих типов деятельности очень важен для установления и уточнения законов социально-исторической деятельности вообще, являющихся необходимым звеном посылок в схеме социально-исторического предвидения.

Наконец, последнее уточнение относительно проблем исторического предвидения и прогнозирования касается этих познавательных процедур не на уровне объектов

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 361.

² Это замечание касается и моих прежних работ, в частности статьи «Предвидение научное» в четвертом томе Философской энциклопедии (М., 1967, с. 350—351).

знания, а на уровне объектов исследования. Различение этих двух типов объектов в данном случае весьма важно. Подобно тому как геолог может предсказать, где искать залежи нефти, вольфрама или урана, историк и археолог могут предсказать, где и какие источники могут быть обнаружены. Нельзя предсказать исход Троянской войны, поскольку она завершилась более трех тысяч лет тому назад совершенно определенным образом — победой ахейцев. Здесь историческое предсказание бессмысленно. Тем не менее Г. Шлиману удалось на основе анализа текста «Илиады» точно установить местонахождение Трои и в определенном смысле предсказать и предвидеть возможные археологические находки. Точно так же анализ текста, оставленного Геродотом, и сопоставление его с имеющимся эмпирическим археологическим материалом могут позволить сделать определенное предсказание относительно возможных археологических находок, реконструкции историко-географических ареалов обитания скифов и т. п.¹

Предсказания и предвидения подобного рода касаются не «исторического будущего» общества, а объектов исследовательской деятельности историков и археологов. Целесообразно поэтому было бы различать два самостоятельных, хотя и взаимосвязанных, типа предсказаний, включающих в свою структуру исторические знания в форме законов и фактов. Первый тип охватывает фундаментальные социально-исторические предсказания, посылки которых включают законы исторического развития и законы современного социального функционирования наряду с соответствующими эмпирическими фактами, а заключение содержит информацию о социально значимой деятельности в будущем. Второй тип — эвристические предсказания — охватывает предсказания, относящиеся к объектам исследования. Схемы таких предсказаний в естественнонаучных и исторических дисциплинах во многом совпадают. Различение этих двух типов предсказаний не столь важно в естественных и технических науках, где объекты знания и исследования зачастую не различаются. Напротив, в исторических науках такое различение играет существенную роль и может дать импульс к дальнейшим исследованиям в области исторической эпистемологии.

¹ Интересный материал для подобного рода исследований содержит монография Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия» (М., 1979).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние годы в нашей стране и за рубежом постоянно расширяется поток публикаций, посвященных общеполософским и методологическим проблемам исторического исследования. Они занимают особое место в общем массиве публикаций, посвященных общественным наукам и социальному познанию. Объясняется это тем, что познание исторической реальности рассматривается как важная предпосылка углубленного понимания современности и одна из основ предвидения и оценки перспектив общественного развития. Разумеется, авторы этих работ стоят на различных классовых и философско-мировоззренческих позициях, во многом предопределяющих их вклад в науку и ценность полученных результатов. Учет этих позиций в соответствии с ленинским принципом партийности в философии и историческом познании крайне важен при рассмотрении не только теоретического, но и фактического содержания каждой работы. Вот почему в этой книге, посвященной разработке исторической эпистемологии в рамках исторического материализма, много места уделяется критике немарксистских концепций, тех взглядов, которые не соответствуют современной трактовке наиболее важных, узловых проблем исторического познания.

В одной из своих статей академик П. Н. Федосеев справедливо отметил, что разработка логико-методологических проблем в области общественных наук еще отстает от уровня их разработки в сфере наук естественных¹. Это значит, что перед учеными стоит задача заполнить существующий пробел в логико-методологической вооруженности указанных наук, в том числе и

¹ Федосеев П. Н. Философия и мировоззренческие вопросы современной науки.— Вопросы философии, 1978, № 12; 1979, № 1.

исторической науки. Такую задачу может решить лишь целый отряд логиков, методологов и специалистов-историков. Целью настоящей работы было подвергнуть анализу ряд эпистемологических проблем исторического познания и содействовать их более глубокому исследованию и пониманию. Некоторые из предлагаемых в данной работе решений являются дискуссионными. Однако без дискуссий и споров невозможен прогресс науки. Разработка логико-методологических проблем исторического познания, обсуждение выдвигаемых при этом положений также призваны содействовать дальнейшему развитию нашей философской и исторической науки.

В связи с этим следует указать, что в настоящей работе не был рассмотрен целый ряд проблем, представляющих первостепенный интерес для исторической науки и образующих обширное поле для логико-методологических исследований. И дело здесь не только в том, что «нельзя объять необъятное», но прежде всего в том, что подступы к эпистемологическому анализу этих проблем еще не вполне ясны и намечены, так сказать, пунктирной линией.

Первой такой проблемой является разработка в качестве вполне самостоятельной дисциплины *исторической психологии*. Нельзя сказать, что в этой области ничего не сделано. Напротив, поток публикаций, посвященных психологической реконструкции внутреннего эмоционально-мотивационного мира тех или иных персонажей, достаточно широк и продолжает расширяться. Есть немало первоклассных образцов историко-психологических портретов Наполеона, Фуше, Ивана Грозного, Петра I и других. Здесь можно говорить о степени адекватности, документальной обоснованности и психологической достоверности тех или иных реконструкций.

Однако существует гораздо более важная и сложная с исследовательской точки зрения область исторической реконструкции социально-психологической картины эпохи. Еще Гизо писал, что средневековый горожанин, член городской коммуны, перенесенный в XIX век, был бы просто не в состоянии вследствие иной психологической структуры понять жизнь современного французского города. Интересно отметить, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, не будучи профессиональными историками, уделяли огромное внимание проблематике *исторической социальной психологии*, оставив ряд первоклассных исследовательских образцов. Достаточно напомнить рабо-

ты, посвященные крестьянской войне в Германии, положению рабочего класса в Англии и его психологии, социально-психологические зарисовки, относящиеся ко времени французской революции 1848 года, или очерки психологии русского крестьянства периода развития капитализма в конце XIX — начале XX века. Логико-методологические основы исследования социальной психологии в ряде существенных пунктов отличаются от логико-методологических основ и концептуальных схем анализа политической и социально-экономической истории. В частности, на первый план в них выдвигаются вопросы исторической семантики как средства психологической реконструкции, сравнительный анализ логических структур первичных исторических текстов (поскольку такие структуры являются наиболее тонким и устойчивым показателем психологии эпохи), методологическое разграничение прямого и обратного (т. е. идущего от прошлого и от настоящего) анализа социальной психологии соответствующего исторического социума.

С этим тесно связана и проблема *этнопсихологической реконструкции*. Известно, например, что по мере развития капиталистического производства и оформления капиталистической общественно-экономической формации рабочий класс и буржуазия каждой страны все более интернационализируются; в их социальном облике этнические черты как бы затушевываются чертами классовыми. Тем не менее историко-этнические психологические характеристики никогда не исчезают. Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно указывали на такие социально-психологические черты английской буржуазии, как умение находить компромисс, лавировать и т. д., на нерешительность и политическую трусливость русской буржуазии. В то же время они не раз обращали внимание и на особые этнопсихологические черты русского, немецкого, английского, французского пролетариата. Как известно, рабочий класс России возник за относительно короткий период — на протяжении одного столетия — из русского крестьянства, пребывавшего в течение многих веков в крепостном состоянии, а английский и французский в основном вербовался из среды разорившихся мелких собственников, городских ремесленников, бывших цеховых мастеров и подмастерьев со старыми традициями коммунально-цеховой борьбы и из мелких свободных землевладельцев. Это обстоятельство не могло не наложить особого отпечатка на социальную психоло-

гию рабочего класса той или иной страны и требует своего исторического объяснения и понимания, что чрезвычайно важно для анализа современного революционного и рабочего движения и должно учитываться в реальной политической деятельности. Можно привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что исторические корни этнопсихологии, прослеживаемые в классово-групповой социально-политической структуре, не только нуждаются в особом исследовании, но и не могут быть постигнуты без адекватной логики и методологии. Здесь открывается широкое поле для эпистемологического анализа, осуществляемого в рамках исторического материализма.

Еще более обширную и менее разработанную область применения эпистемологического анализа представляет проблема *исторического понимания*. Историческое понимание осуществляется как бы в двух планах. Первый состоит в реконструкции механизмов рационального поведения и действия. Он предполагает особую процедуру ограниченной идентификации и подстановки интеллекта современного человека на место определенного исторического персонажа. Второй ориентирован на реконструкцию не проявившихся в действиях или текстах актов поведения как актов мыслимых, продуманных, но не реализованных теми или иными персонажами. Воссоздание глубинных нереализованных логических структур — важная задача понимания персонажей, действовавших в далеком прошлом, тем более важная, что разработанная для ее решения методология может оказаться эффективной и для решения многих современных проблем.

В рамках исторической эпистемологии, разрабатываемой в структуре исторического материализма, должна существовать особая система абстракций — отождествления, частичной идентификации, «отвлечения от затемняющего фактора» и т. д. Хотя в практике исторического исследования эти абстракции так или иначе употребляются, историки, логики и методологи до сих пор не определили их точного эпистемологического статуса и корректной логической процедуры эвристического использования.

В тесной связи с задачей разработки логико-методологического обоснования абстракций исторического понимания находятся проблемы анализа *рациональности*. В первой части этой работы понятие «рациональность» было введено в качестве оперативного элемента эписте-

мологического анализа. Следует, однако, отдавать себе ясный отчет в том, что это хотя и важный, но довольно ограниченный подход. Действительная проблема возникает лишь тогда, когда историк или философ задумываются над тем, что рациональность в любом историческом исследовании фигурирует дважды. Во-первых, это рациональность самого историка, присущая его эпохе, социальной группе и классу. Во-вторых, это рациональность, с которой имеет дело историк, рассматривая культуру, мировоззрение, способ деятельности и механизмы мотивации той или иной эпохи. Здесь легко обнаружить, что в развитых социально-групповых структурах в рамках даже одного и того же общества могут в более или менее скрытом состоянии функционировать разные и подчас конфликтующие типы рациональности. При этом рациональность того или иного типа может восприниматься представителями других культур или сообществ внутри данной культуры как нечто странное и даже иррациональное. Достаточно вспомнить реакцию Геродота на жизнедеятельность египтян, впечатления Марко Поло или Афанасия Никитина, чтобы понять, сколь сложной становится позиция историка, стремящегося воспроизвести устойчивые культурные механизмы деятельности, мышления и мировоззрения исчезнувших эпох и народов. С одной стороны, он сталкивается с необходимостью реконструировать различные скрытые структуры рациональности и, не отдавая предпочтения ни одной из них, объективно оценить и исследовать каждую. С другой стороны, он четко сознает при этом, что сам он является представителем столь же исторической и потому переходящей эпохи, представителем определенной социальной группы и класса со своей особой, классово, а следовательно, и исторически определенной рациональностью.

Здесь необходимо ясно осознавать три проблемы. Первая состоит в уяснении того, что представители буржуазной историографии вследствие своей методологической предвзятости (М. Вебер и др.) склонны принимать свой собственный тип рациональности и рационального мышления за единственно возможный, а поэтому, по существу, внеисторический. Это с необходимостью приводит к тому, что, исследуя рациональные структуры прошлого, они меряют их «на свой аршин». Вторая проблема заключается в необходимости ясно осознавать, что отдельные исторические персонажи и сообщества никогда

не руководствуются только рациональными механизмами и правилами поведения, что эмоциональный и действительно иррациональный слой в картине исторической деятельности также принадлежит к сфере исторической реальности. Поэтому его реконструкция, анализ и исследование представляют собой важную эвристическую задачу, нуждающуюся в особой методологии, особых наборах абстракций и эпистемологических правил. Наконец, третья проблема связана с четким осознанием единства оценочного и истинностного моментов в историческом познании. Оба они входят в структуру той научной рациональности, которой придерживается исследователь прошлого и в которой он должен отдавать ясный отчет самому себе.

Взаимосвязь истины и оценки уже обсуждалась на страницах этой книги. Она все чаще привлекает внимание историков и философов и определяет особый круг вопросов, специфичных для методологии и эпистемологии социальных наук, в первую очередь исторических. Для социальной философии марксизма принципиально важным является тезис о том, что сама оценка тех или иных исторических событий, персонажей и действий, будучи классово детерминированной, может вместе с тем быть и объективной. Эта сторона дела неоднократно исследовалась в работах, посвященных принципу партийности в историческом познании. Гораздо менее разработана логико-методологическая проблематика исторической истины.

Известно, что ряд существующих концепций истины (семантическая, когерентная, корреспондентная и т. п.) так или иначе укладываются в рамки ее понимания, восходящего к Аристотелю. Согласно ему, проблема истины состоит в установлении особого соответствия знаний об определенном явлении, ситуации, процессе, свойстве или отношении некоторому реальному, объективному положению дел, позволяющему зафиксировать данные явления, ситуации, процессы, свойства, отношения. Это предполагает, во-первых, известную стабильность, неизменность, самотождественность в определенном интервале времени феноменов, зафиксированных в соответствующем высказывании, а во-вторых, наличие особых методов, позволяющих установить соответствие содержания высказывания (или системы высказываний) данному феномену. Истина при этом выступает как мера соответствия высказывания и выраженного в нем объективного положения

дел. Но здесь-то и возникает сложность, присущая историческому познанию.

Специфика исторического познания состоит прежде всего в том, что оно фиксирует сам процесс социального развития, движения, изменчивости, а не стабильность и постоянство. Историческая истина должна быть истиной процесса, а не истиной неизменных состояний. Разумеется, исторические статьи и трактаты могут описывать стабильные ситуации или «стабилизировать» процессы прошлого в интересах более или менее точного их изображения и познания. Однако следует иметь в виду, что желание Фауста: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» — неосуществимо именно потому, что оно неисторично.

Историк, таким образом, оказывается перед сложной логико-методологической проблемой: чтобы дать истинное описание прошлого, он должен как бы остановить мгновение; но, чтобы быть историчным, он должен воспроизвести в своем сознании не момент, а поток, не точку, а траекторию. Отсюда и вытекает насущная необходимость исследования логической структуры исторического изображения, позволяющего схватить и сформулировать истину как знание о процессе, о противоречивом и безостановочном изменении. Такая задача не может стоять перед естественнонаучным познанием даже в том случае, когда оно обращено к эволюционирующим явлениям, с которыми, например, имеют дело космология или эволюционная биология. Историческая истина должна фиксировать не просто социальные изменения, но изменения, оцененные по определенным критериям значимости и имеющие наряду с историческими причинами исторически значимые следствия. Вместе с тем в этих изменениях, образующих подлинный естественноисторический процесс, должны одновременно фиксироваться обе стороны: деятельность, предметно-практическая, и сознательная, целенаправленная, мотивационная.

Наконец, еще одна принципиальная трудность, связанная с логической структурой исторической истины, касается механизма проверки или установления степени соответствия исторических знаний и исторической реальности. Для актуальной социальной или естественнонаучной истины вопрос о степени такого соответствия решается в рамках диалектико-материалистической эпистемологии с помощью критерия практики. Однако историк может практически взаимодействовать с остатками прошлого, с

материальными или текстовыми памятниками, но он не может практически взаимодействовать с прошлым, принимать в нем прямое или косвенное участие, видоизменять и преобразовывать социальную, экономическую или культурно-политическую действительность минувших эпох. Таким образом, разработка логических структур процессуальной исторической истины требует и нового подхода к вопросу о ее критериях. Он предполагает глубокую разработку ряда принципиальных узловых моментов в самой логике и методологии исторического исследования.

Стремление современной исторической науки к достижению максимально истинного знания о прошлом подводит нас еще к одному кругу проблем, тесно связанных с новыми разделами исторической эпистемологии, а именно — с вопросами использования *математических методов* в историческом познании.

В советской исторической науке интенсивное применение этих методов началось около двух десятилетий назад. С первых же шагов оно натолкнулось на ряд теоретических и методологических трудностей, порожденных спецификой предмета. «Не случайно,— отмечает Т. И. Славко,— почти треть опубликованных на эту тему работ посвящена теоретическим и методологическим проблемам применения математико-статистических методов в истории»¹. К сожалению, в этом потоке литературы отсутствуют публикации профессиональных логиков, методологов и эпистемологов. А между тем применение математических методов — статистических, теоретико-информационных, теоретико-игровых и других — к изучению исторической реальности выдвигает немало философских и особенно логико-методологических проблем.

Прежде всего возникает вопрос, какого рода новую историческую информацию, не доступную прежним качественным методам исследования, могут дать количественные методы (клиометрия). Известно, что применение математических методов в различных отраслях естествознания породило обширную философскую литературу. Например, то обстоятельство, что целый ряд объективных физических закономерностей, относящихся к разным формам движения, и физических взаимодействий выражается в однотипных дифференциальных и алгебраиче-

¹ Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981, с. 12.

ских выражениях, позволяет сразу же поставить вопрос об объективном единстве этих закономерностей, об отношении математических структур к реальности, об их эвристической адекватности и т. д.

Необходимость выделения особых количественных признаков, присущих динамическим историческим процессам и подлежащих включению в математические модели этих процессов, поднимает и другой эпистемологический вопрос — о разработке специальных систем абстракции, позволяющих осуществлять идентификацию процессуальных признаков в определенном временном интервале с признаками стабильными, актуальными. Именно здесь и обнаруживается тесная связь применения математических методов с проблемой исторической истины.

Вместе с тем применение математических методов, получивших гораздо ранее широкое распространение в экономике и социологии, в историческом познании по-новому ставит вопрос об интеграции и предмете ряда гуманитарных дисциплин. Если выражение «экономическая история» стало уже привычным, то гораздо реже говорят об исторической социологии или социологической истории. А между тем формальные модели и математические методы, приемы измерения, шкалирования, индексации, факторизации и т. п., применяемые в социологии, например в социологии семьи, труда, образования, могут найти (и уже отчасти находят) применение в исторических исследованиях. Использование этих методов связано с проблемой методологической и логической трансформации соответствующих понятийных схем, а следовательно, ставит ряд проблем перед исторической эпистемологией.

Было бы излишним педантизмом перечислять все нерешенные проблемы исторической эпистемологии и намечать жесткие перспективы их решения. Однако сама жизнь подсказывает, что разработка долгосрочных исследовательских программ в этой важной области диалектико-материалистической философии является неотложным делом и что эти проблемы должны получить свое творческое решение и воплощение в новых логико-методологических и эпистемологических исследованиях философов и историков.

A. I. RAKITOV. HISTORICAL KNOWLEDGE (System-Epistemological Approach)

SUMMARY

The author of this book, full professor, chief of department of philosophical sciences of the Institute of scientific information for social sciences, Academy of sciences Anatoliy Rakitov, makes an attempt to apply system approach to historical knowledge. The first circle of problems is connected with the research of origin of the historical knowledge. The analysis of them let to establish the difference between historical cognition and historical conscience and to understand deeper the essence of the professional historical knowledge. Then the author considers formal structures with the help of which the historical reality is describing and the connection between historical truth and ideology is clearing up. The analysis of the structure of historical research plays an important role in this book. Besides the author discusses the nature of the philosophy of history, historiosophy and empirical historiography. Contemporary conceptions of science are considered and the scientific status of the professional historical knowledge is defined. The analysis of historical descriptions and their comparison with scientific descriptions is of the most interest in the book, because the new approach to the classification of historical facts is suggested. The problem of historical conceptualization takes up an important place. The notions: theory, theoretical knowledge, theoretical schemes are analysed within it. The new functional-structural approach is developed as a result of critical analysis of conceptions of Popper, Collingwood, Goldstein, Drey, Hempel. The problem of historical time and the possibility of scientific prediction in history are discussed in the last chapters of the book.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько слов об этой книге	3
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	6
1. Историческое познание: что это такое и зачем оно необходимо	—
2. Историческое познание в контексте XX века	13
3. Историческая эпистемология как теория исторического познания	21
Часть I. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	25
<i>Глава 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ</i>	<i>27</i>
1. Познавательный интерес как эпистемологическая категория	—
2. Гипотеза об историческом интересе	35
3. Гипотеза об историческом интересе (<i>Продолжение</i>)	42
4. Историческое сознание и историческое познание в системе материалистического понимания истории	48
5. Оформление исторического познания	55
<i>Глава 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ</i>	<i>64</i>
1. Системный подход	—
2. Некоторые определения и пояснения	69
3. Основные структуры, применяемые для познания исторической реальности	75
4. Историческое познание и реальность: идеология и истина	84
Часть II. СТРУКТУРА И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ СТАТУС ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	92
<i>Глава 3. СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ</i>	<i>93</i>
1. Классификация и типология знания	—
2. Объекты, проблемы и методы как основание типологии исторического знания	99
3. Структура исследования	105
4. Познавательный статус исторического знания. Концепция науки (узкая, или специальная, версия)	112

5. К вопросу о сравнительном анализе исторического познания	118
Глава 4. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	125
1. Концепция науки (слабая, или широкая, версия) и историческое познание	—
2. Теоретическое знание и философия истории	130
3. Историческое познание и генезис философии истории	138
4. Историческое познание, историософия и историческая эпистемология	144
Часть III. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ИСТОРИИ	154
Глава 5. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ	155
1. Описание в системе научного знания	—
2. Исторические описания	161
3. Сравнительный анализ естественнонаучных и исторических описаний	169
4. Историческое описание: деятельностный подход как принцип исторического материализма	176
Глава 6. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ	185
1. Исторический факт как проблема	—
2. Эпистемологическая типология исторических фактов	196
3. Методологическая типология исторических фактов	202
4. Факт в структуре исторического познания	211
5. Исторический факт, образ и описание	217
Часть IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ	223
Глава 7. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИСТОРИЗМ	225
1. Теоретические схемы и концептуализация	—
2. Методологический аспект принципа историзма с точки зрения исторического материализма	230
3. Историзм и историцизм. Попперовская критика историцизма и контркритика	235
4. Проблема исторического времени	242
Глава 8. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАКОН И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ	256
1. Общие замечания о природе исторического закона	—
2. Историческое объяснение и исторический закон	265
3. Историческое объяснение и исторический закон (<i>Продолжение</i>)	271
4. К вопросу о структуре и содержании исторического предсказания	282
Заключение	290
Summary	299

CONTENTS

Some Words about this Book	3
PRELIMINARY REMARKS	6
1. Historical Knowledge: What and Why?	—
2. Historical Knowledge in the Context of the XX Century.	13
3. Historical Epistemology as a Theory of Historical Knowledge.	21
Part I. ORIGIN AND DEVELOPMENT OF HISTORICAL KNOWLEDGE	25
<i>Chapter 1. HISTORICAL CONSCIOUSNESS AND HISTORICAL KNOWLEDGE</i>	<i>27</i>
1. Cognitive Interest as Epistemological Category.	—
2. Historical Interest Hypothesis.	35
3. Historical Interest Hypothesis (sequel of discussion).	42
4. Historical Consciousness and Historical Knowledge in the System of Materialistic Understanding of History.	48
5. Formation of Historical Knowledge.	55
<i>Chapter 2. HISTORICAL REALITY AND HISTORICAL KNOWLEDGE.</i>	<i>64</i>
1. System Approach.	—
2. Some Definitions and Explanations.	69
3. Essential Structures Used for Cognition of Historical Reality.	75
4. Historical Knowledge and Reality: Ideology and Truth.	84
Part II. STRUCTURE AND COGNITIVE STATUS OF HISTORICAL KNOWLEDGE	92
<i>Chapter 3. STRUCTURE OF HISTORICAL RESEARCH</i>	<i>93</i>
1. Classification and Typology of Knowledge.	—
2. Objects, Problems and Methods as Basis for Typology of Historical Knowledge.	99
3. Research Structure.	105
4. Cognitive Status of Historical Knowledge. Concept of Science (strong or narrow version).	112
5. To the Question of Comparative Analysis of Historical Knowledge.	118

Chapter 4. DIFFERENTIATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE AND EMERGENCE OF HISTORICAL SCIENCE	125
1. The Concept of Science (weak or broad version) and Historical Knowledge	—
2. Theoretical Knowledge and Philosophy of History.	130
3. Historical Knowledge and Origin of Philosophy of History.	138
4. Historical Knowledge, Historiosophia and Historical Epistemology.	144
Part III. EMPIRICAL COGNITION OF HISTORY	154
Chapter 5. TO THE QUESTION OF HISTORICAL DESCRIPTIONS.	155
1. Description in the System of Scientific Knowledge.	—
2. Historical Descriptions.	161
3. Comparative Analysis of Scientific and Historical Descriptions.	169
4. Historical Description: Activabilistic Approach as a Principle of Historical Materialism	176
Chapter 6. HISTORICAL DESCRIPTION AND HISTORICAL FACT.	185
1. Historical Fact as a Problem	—
2. Epistemological Typology of Historical Facts	196
3. Methodological Typology of Historical Facts	202
4. Fact in the Structure of Historical Knowledge.	211
5. Historical Fact, Image and Description.	217
Part IV. HISTORICAL CONCEPTUALIZATION	223
Chapter 7. CONCEPTUALIZATION AND HISTORISM.	225
1. Theoretical Schemes and Conceptualization.	—
2. Methodological Aspect of the Principle of Historism from the point of view of Historical Materialism.	230
3. Historism and Historicism. Popper's Criticism of Historicism and Contricriticism	235
4. The Problem of Historical Time	242
Chapter 8. HISTORICAL LAW AND THEORETICAL KNOWLEDGE	256
1. General Remarks about the Nature of Historical Law	—
2. Historical Explanation and Historical Law	265
3. Historical Explanation and Historical Law (sequel of discussion)	271
4. To the Question of the Structure and the Contents of Historical Prediction.	282
Conclusion	290
Summary	299

Анатолий Ильич Ракитов

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Системно-гносеологический подход

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*

Редактор *А. Н. Голубев*

Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*

Художник *Н. П. Пешков*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 2291

Сдано в набор 08.12.81. Подписано в печать 10.03.82. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Условн. печ. л. 15,96. Условн. кр.-отт. 16,38. Учетно-изд. л. 17,15. Тираж
50 тыс. экз. Заказ 1895. Цена 1 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1 р. 30 к.



Анатолий Ильич Ракитов родился в 1928 году, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философских наук Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, главный редактор реферативных журналов «Философия и социология (за рубежом)» и «Философские науки в СССР». Его научные интересы охватывают логику науки, теорию познания, методологию и философию науки. Им опубликованы книги «Анатомия научного знания» (1969); «Курс лекций по логике науки» (1971); «Принципы научного мышления» (1975); «Трактат о научном познании для умов молодых, пытливых и критических» (1977); «Философские проблемы науки» (1977).

А.И.РАКИТОВ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ